

Я. К. Гроту — 200 лѣтъ

Jakub Karlovič Grot.
Die fotografie kreslil Jan Vilímek.

Яковъ Карловичъ Гротъ
15 [27] декабря 1812 — 24 мая [5 июня] 1893

РАН
ИРЯ им. В. В. Виноградова

Російская Академія наукъ
Институтъ русскаго языка имени В. В. Виноградова

**III Международная конференція
«Культура русской рѣчи»**

**«Русскій языкъ
въ культурно-историческомъ
измѣреніи»**

Посвящается 200-лѣтію Я. К. Грота

*Тезисы докладовъ
23–25 ноября 2012 г.*

**МОСКВА
2012**

Российская академия наук
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

**III Международная конференция
«Культура русской речи»**

**«Русский язык
в культурно-историческом
измерении»**

Посвящается 200-летию Я. К. Грота

*Тезисы докладов
23–25 ноября 2012 г.*

**МОСКВА
2012**

Русский язык в культурно-историческом измерении.
Посвящается 200-летию Я. К. Грота.
Тезисы докладов III Международной конференции
«Культура русской речи». —
М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
2012. — 240 с.

Сборник содержит материалы III Международной конференции «Культура русской речи» («Русский язык в культурно-историческом измерении»), посвященной 200-летию академика Я. К. Грота. Организаторы конференции — Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН и Президиум РАН, время проведения — 23–25 ноября 2012 г.

В докладах участников конференции рассматриваются различные вопросы культуры русской речи, исторического изменения языковых норм и их кодификации. Значительное внимание уделено актуальным проблемам русской орфографии.

Сборник адресован широкому кругу читателей: не только ученым-филологам, преподавателям русского языка, писателям и журналистам, но и всем, кому небезразличны проблемы культуры родной речи.

ISBN 978-5-88744-086-6

ISBN 5-88744-086-4

- © Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2012
- © Коллектив авторов, 2012
- © Оригинал-макет: С. Г. Болотов

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Ю. Азина Рекламные объявления в аспекте культуры речи: региональные особенности	11
И. В. Анненкова Интерпретация в СМИ как неориторический тип языковой культуры	13
Я. Э. Ахапкина Культура речи и академическое письмо	16
М. В. Ахметова Еще раз о проблемных «-чанах»: история одной полемики	20
И. А. Бабаев Из истории нормативной лексикографии в России	23
Л. В. Балашова Метафорическая система и кодификация лексики русского языка в диахроническом аспекте	27
А. Н. Баранов Асимметрия частиц <i>да</i> и <i>нет</i> в ответной функции как феномен слабой семантики	30
В. И. Беликов Правописание неорфографизованного	33
Е. В. Бешенкова О политике орфографистов от Грота и до наших дней	36
Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова О написании «единиц на -о, -е» с прилагательными (<i>сильнодействующее</i> и <i>активно действующее вещество</i>)....	40
Н. В. Богданова-Бегларян О судьбе слова-«страдальца»	44
С. Г. Болотовъ Точки надъ ѣ̣ и ѣ̇, или Законъ Иткіна	47
Н. Г. Брагина Я. К. Грот и В. И. Даль. Диалог двух лексикографов	51
Н. В. Бубнова Учебный лингвокраеведческий словарь смоленских имен собственных как источник культурно-исторических сведений о жизни региона	52
Е. П. Буторина Я. К. Грот о просветительской деятельности Петра Великого и современные деловые коммуникации	54
И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова Языковая норма и узус: заметки на полях орфоэпического словаря	57
И. Г. Воробьева Академик Я. К. Грот и тверской краевед А. К. Жизневский	60
Т. П. Вязовик К постановке проблемы лексикографического описания одного из значений частицы «вот»	63
Е. Н. Геккина «Все прощу, кроме -тся и -ться» (К типологии метаязыковых оценок в интернет-текстах).....	66
Л. М. Грановская Нормы и нормативные оценки в русском литературном языке в последние десятилетия XIX — начале XX столетия	69
Т. М. Григорьева Известнейший «генерал от правописания»....	71

В. В. Дементьев Гламур в современной русской прессе: ценностные характеристики	74
Д. О. Добровольский Изменение сочетаемости как основа семантических сдвигов	77
Л. Р. Дускаева, С. Г. Корконосенко Гуманистически ориентированное речевое поведение в журналистике и массовых коммуникациях	79
С. М. Евграфова Слова и сочетания слов в связном тексте ...	82
О. П. Ермакова Лексикография и грамматика (некоторые размышления при чтении словарей)	86
В. М. Живов Лингвистический капитал и его трансформации в истории русского языка последнего столетия	88
Т. С. Жукова Новые тенденции функционирования обращений в публичном дискурсе	91
О. Е. Иванова Об «усиленном обычае сливать два слова в одно» и орфографической стабильности	93
В. В. Каверина Я. К. Грот и современное правописание	96
Е. В. Какорина Стилистический потенциал языка «простого» пользователя Сети (на материале жанра комментария)	99
М. Л. Каленчук Орфоэпические словари русского языка: современные подходы и новые принципы	106
Е. С. Кара-Мурза Лингвистическая экспертиза как инструмент языковой политики	107
Н. В. Козловская К описанию языка русской религиозной философии	110
Э. Коневал Польское имя в русском тексте: из наблюдений над способом передачи собственных имён в современных российских СМИ	113
И. Н. Кошман Необходимость правила? (об орфографии собственных имен в русских текстах Украины)	116
Г. Е. Крейдлин Соматические объекты и некоторые их типы: проблемы лингвосемиотического описания	119
В. М. Круглов Я. К. Грот — основатель Большой словарной картотеки русского языка	122
С. А. Крылов Графические единицы русского языка в функциональном аспекте	125
О. А. Крылова Правописание наречий: норма и кодификация	128
Л. П. Крысин О лексикографическом представлении русской разговорной речи	129

Н. И. Кряжева (Кузьмина) «Метода академика Я. К. Грота» в учебных пособиях по иностранным языкам конца XIX века	135
И. Е. Кузнецова Отражение вариативности языковых единиц в «Номенклаторе» И. Копиевского	136
Г. С. Куликова Нормативное и ненормативное: словарь и реакции носителей языка	139
Е. М. Лазуткина Просветительство как языковая политика (концепция «Словаря русского» языка Я. К. Грота)	141
И. Б. Левонтина, Д. О. Добровольский Тимиологический компонент в семантике русских дискурсивных слов	144
Е. В. Маринова <i>Здоровые и нездоровые</i> в современном дискурсе	147
Т. А. Милёхина Языковая игра в корпоративном общении	149
И. Г. Милославский Кодификация содержательной стороны языкового знака	152
С. В. Науменко Орфографические разыскания Я. К. Грота в оценке С. П. Обнорского	155
И. В. Нечаева Правописание заимствований в орфографической концепции Я. К. Грота.....	158
Е. Н. Никитина Наследие Я. К. Грота и объяснительность в современной лингвистике.....	160
Н. В. Николенкова Написание географических названий в истории русского литературного языка: практика письма и предложения Я. К. Грота	161
О. Н. Околелова Лексико-семантическая представленность самооценочных лексем «гордость» и «гордыня» в русском языке	164
Е. В. Осетрова К определению языковой привычки	168
Е. С. Полищук Указатели к Полному собранию сочинений в 17 томах Н. В. Гоголя (М.: Издательство Московской Патриархии, 2009–2010).....	171
А. Н. Потсар Проект русскоязычной доменной зоны .дети в аспекте речевой культуры	174
М. Н. Приемшьева Словари трудностей XIX в. и рукописный «Словарь затруднений русского языка» Я. К. Грота (1870-е гг.)	176
Е. Протасова Ценностные нормы в финляндских учебниках русского языка	178

Р. И. Розина Некоторые трудности лексикографического описания разговорной лексики современного русского языка	182
С. В. Рябушкина <i>Пятидесятью vs. пятьюдесятью</i> (к истории варианта).....	182
И. К. Сазонова «Системная» и «атомарная» лексикография	187
О. И. Северская Стоит ли ругаться на госпож?	190
М. Л. Сергеев «Грамматика французская и русская» (1730) и ее место в академической грамматической традиции: лексический аспект	191
И. Б. Серебряная Семантика поэтизмов в оценках русской критики 1-й половины XIX века	196
О. Б. Сиротинина, О. В. Мякишева Тенденция к диффузности значений и роль кодифицирующей лексикографии в культуре речи населения	199
А. В. Суперанская Роль Я. К. Грота в формировании лексики русского языка	202
З. К. Тарланов Пространство русской речи как объект политики	205
Н. А. Фатеева Неографизмы в современной поэзии как значимые отклонения от нормы	208
Н. А. Федянина Ностальгические заметки	211
А. Э. Цумарев Специальная лексика в «Словаре русского языка» под редакцией академика Я. К. Грота.....	211
Л. О. Чернейко Культура речи в свете этики ответственности	215
И. А. Шаронов Виды информации в словаре коммуникативов	218
О. А. Шарыкина Как футболисты <i>плетут кружева</i> : особенности употребления идиомы в разных типах дискурса	222
С. Д. Шелов, А. Э. Цумарев Пометы как элементы описания языковых единиц терминологического и профессионального характера (на материале Малого академического словаря русского языка)	224
Л. Л. Шестакова Яков Грот как редактор собрания сочинений Державина и составитель словаря языка поэта	228
А. Д. Шмелев Орфографические нормы и их кодификация.....	231
Т. Е. Янко Прагматические параметры нормативной номинации.....	233

Рекламные объявления в аспекте культуры речи: региональные особенности

В ряду современных исследований культуры речи особый интерес представляют работы, посвященные ее региональной специфике в ситуации иноязычного окружения. В качестве исследовательского материала привлекает внимание интересная замечательная особенность в современном коммуникативном пространстве реклама, в которой отчетливо проявляется динамика языковой нормы. Рекламный дискурс играет значительную роль в формировании массового языкового сознания и культуры речи говорящих, поэтому внимание к культурно-речевым проблемам именно рекламных текстов крайне важно (например, Кара-Мурза 2001).

Один из популярных жанров рекламы, язык которого ярко отражает изменения, происходящие в различных сферах жизни, и в котором наиболее отчетливо проявляются разнообразные региональные особенности, характерные для русского языка в ситуации иноязычного окружения, — рекламное объявление. В нашей работе представлены некоторые наблюдения, касающиеся региональных особенностей культуры речи, которые анализируются на материале рекламных объявлений в русскоязычных газетах Литвы в период последнего десятилетия. Исследуемый материал рассматривается преимущественно в одном из аспектов культуры речи — нормативном.

В рекламных объявлениях отражаются типические особенности культуры речи в ситуации иноязычного окружения. Они обусловлены как активными процессами в русском языке новейшего периода, а также отношением к литературной норме, которая становится менее определенной и обязательной, так и спецификой ситуации языкового контактирования. В ряду не соответствующих литературной норме употреблений, зафиксированных в рекламных объявлениях, выделим основные.

С одной стороны, это ненормативные употребления, обусловленные процессами демократизации, коллоквиализации языка, стилистического динамизма и др. (например, Русский язык конца XX столетия 1996). Подобные употребления, характерные для различных рекламных текстов на русском языке (например, см. об

этом: Баженова, Протопопова 2003; Карабань 2011), являются отражением типичных особенностей современной культуры речи:

— нарушение лексической сочетаемости слов, выражающееся в неразграничении семантически близких слов и приводящее к смешению паронимов, синонимов, омонимов, изменению фразеологически связанных словосочетаний и идиоматических выражений;

— нарушение грамматической сочетаемости, связанное со смешением предлогов, а также предложных и беспредложных конструкций;

— неправильное построение предложений;

— отступления от нормы, связанные с активными процессами в области русского письма и касающиеся преимущественно написания сложных слов, **и** и **ни** в суффиксах прилагательных и причастий, оформления сокращений.

С другой стороны, в рассмотренных рекламных объявлениях отмечается активизация ненормативных употреблений, обусловленных ситуацией языкового контактирования и интерференцией:

— неунифицированность включения в контекст рекламного объявления региональных употреблений (прежде всего имен собственных), что приводит к речевой избыточности и различной вариативности — графической, фонематической, грамматической, а также словообразовательной синонимии;

— калькирование (преимущественно синтаксическое), касающееся моделей управления, нарушения порядка слов в предложении, и др.

Подобные культурно-речевые проблемы требуют пристального внимания, так как в условиях функционирования русского языка в иноязычном окружении нелитературные употребления имеют тенденцию распространяться и актуализироваться в гораздо большей степени и могут привести к расшатыванию литературной нормы. Однако следует согласиться и с тем, что «вопрос о нормах литературного языка в условиях иноязычия — это исследование тех его изменений и трансформаций, которые формируются в новых социальных условиях» (Грановская 2005, 380). В условиях языкового контактирования вопрос о литературной норме, природе и типологии речевых ошибок встает в новом ракурсе. Существенной для нормативных оценок становится комму-

никативная значимость языковых единиц в языковом сознании билингва (Белоусов, Григорян, Познякова 2001). Необходимость постоянно передавать в устной и письменной форме разнообразные и отсутствующие в исконной среде реалии повседневной жизни приводит к созданию специфической речевой коммуникации на русском языке в условиях его функционирования в иноязычном окружении. Следовательно, культурно-речевые проблемы необходимо решать, учитывая в целом региональные особенности русского языка, речевой коммуникации и языкового сознания говорящих в ситуации иноязычного окружения. Это касается и рекламных объявлений, в которых региональные проблемы культуры речи находят яркое отражение.

Литература

- Баженова Е. А., Протопопова О. В.* Язык и стиль рекламы // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. *М. Н. Кожинной*. М., 2003.
- Белоусов В. Н., Григорян Э. А., Познякова Т. Ю.* Русский язык в межнациональном общении. Проблемы исследования и функционирования. М., 2001.
- Грановская Л. М.* Русский литературный язык в конце XIX и XX вв. Очерки. М., 2005.
- Карabanь Н. А.* Реклама в аспекте культуры речи // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / Научн. ред. *Т. Н. Колокольцева*. М., 2011.
- Кара-Мурза Е. С.* «Дивный новый мир» российской рекламы: социокультурные, стилистические и культурно-речевые аспекты // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М., 2001.
- Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. редактор *Е. А. Земская*. М., 1996.

И. В. Анненкова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)

Интерпретация в СМИ как неориторический тип языковой культуры

Язык, как любое творчество, отражает в себе и собой интеллектуально-креативное состояние национальной культуры. И то, что луч стилистических исследований все более четко фоку-

сируется не на современной художественной литературе, а на языке газет, журналов, телевидения, радио и рекламы, очень симптоматично. «Однодневная» журналистика оказывается все более «вечной» по своему влиянию на умы людей, а, следовательно, по тому месту, которое она занимает *в формировании новой системы ценностей*. В этом смысле язык СМИ предстает перед нами в качестве особого инструмента, с помощью которого традиция обновляется и модернизируется, т. е. интерпретируется относительно историко-социального бытия нации.

Риторическая установка современных СМИ, несомненно, отражает тенденцию к порождению новых смыслов и новых оценок путем игры с «цитатным фондом, восходящим ко всему нашему языковому опыту» [Гаспаров 1996: 105–106].

В этом отношении показательны качественные издания, так как изначально рассчитаны на людей, оперирующих большим количеством субтекстов, т.е. с более широкой речевой субкультурой. Обилие текстов-интерпретативов в языке СМИ отражает, по-видимому, то, что мы оказались творцами и в то же время пользователями *неоэпохи культуры готового слова*. Культура готового слова — это тот риторический тип культуры, когда слово является живым носителем культурной традиции и всех важных смыслов и содержаний этой традиции. Но современная неоэпоха демонстрирует нам еще и свою интерпретацию культуры готового слова, которая заключается в первую очередь в травестировании этих слов и традиций. Но и само травестирование — тоже порождение определенной традиции: свободное обращение со словом — это традиционное риторическое понимание проблемы слова вообще: «<...> с самого своего возникновения в Греции риторическая теория и практика понимает слово так, как если бы оно было *целиком во власти им пользующегося*» (курсив наш. — И. А.) [Михайлов 1997: 510]. Только сегодня автор-журналист (по Р. Барту, автор-скриптор) властвует уже не только и не столько над своим словом, сколько над словом чужим, над культурным фоном, а значит — не творит, а лишь интерпретирует. Поэтому еще более точное наименование нашей эпохи — *культура интерпретации готового слова*.

Этот интерпретационный уровень (наиболее явный, наиболее открытый) в языке современных СМИ подводит нас непосредственно к более сложной интерпретационной системе, которая схе-

матично выражается дихотомией *действительность–текст*. И в ней наибольший интерес для нас представляют интерпретационные модели важнейших национально-культурных стереотипов. «Культурная традиция — мощный механизм, который оказывает гораздо более сильное воздействие на наше восприятие, чем научное описание», — так считают Кристофер Эрли, декан факультета организационного поведения в Лондонской школе бизнеса, и Элейн Мосаковски, профессор менеджмента в университете Колорадо в Боулдере [Мосаковски, Эрли 2004: 103–109.]

Причем интерпретации подвергаются не столько концепты культуры, сколько ее топосы. В эволюционную и интерпретирующую парадигму сегодня вовлечены такие топосы русской культуры, как *слово и дело*, топосы *подвиг и жертва*, *героизм и одоление*, *сила и самоотречение*, *власть (правитель) и народ*, концепт *смерти*, который органично включен как терм в топос *жизнь и смерть*, топос *самооценки* и многие другие.

Интерпретация — это один из способов постижения культуры, а значит стремления к эволюции. Но для того, чтобы эта эволюция протекала в пределах «вечного града культуры», необходимо владеть *правилами* интерпретации (когнитивно-семантическими, прагматическими и, наконец, риторическими). Одной из шести важных сфер интерпретации является *претатив*, или *усматривание* (*pretium* (лат.) — плата, цена). Именно ради претативизации, усматривания собственно и существует интерпретация: «все, что подвергается видению и рассматриванию, *достойно* (курсив наш. — И. А.) этого уже в силу самого этого факта» [Марова, Маров 1999: 206]. Это составляет *презумпцию усматривания*. «Благодаря <претативизации> интерпретация получает способность утверждать, подтверждать и усиливать *самоценность* (курсив наш. — И. А.) текста в его собственном статусе» [Там же: 207].

Интерпретируя текущую действительность, или прецедентные феномены, или топосы культуры, журналистика тем самым вольно или невольно повышает ценность этих интерпретативов и формирует их ценностные характеристики в сознании адресата. Мера и степень ответственности средств массовой информации за эту деятельность предопределяется уже самим выбором, требуя от языковой личности журналиста повышенной речевой и культурной компетентности.

Литература

- Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
- Марова Н. Д., Маров В. Н.* Интерпретатив как субтекст // Русский язык в контексте культуры / Под ред. Н. А. Купиной. Екатеринбург, 1999.
- Михайлов А. В.* Языки культуры: Учеб. пособие по культурологии. М.: «Языки русской культуры», 1997.
- Мосаковски Э., Эрли К.* Культурная компетентность // Harvard Business Review. Россия. 2004 (декабрь).

Я. Э. Ахапкина

НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, Москва)

Культура речи и академическое письмо

1. Традиционный курс для студентов нефилологических специальностей «Русский язык и культура речи» теоретически преследует благородную цель отшлифовать школьные навыки письма на родном языке, а также расширить и углубить представления первокурсников о стилистическом многообразии языковых средств выражения мысли. На практике в рамках этого курса студенту часто предлагается запомнить ряд филологических терминов (иногда — почерпнутых из богатого наследия риторики далекого прошлого) и угадать, какой грамматической формы слова требует предъявленный контекст. В таком воплощении курс органично сочетается с принятой формой школьного выпускного экзамена, задания которого частично перекликаются с предлагаемыми затем первокурсникам в высшем учебном заведении.

2. В рамках любого общего курса словесного цикла, не рассчитанного на будущих филологов, преподаватель, непосредственно работающий со студентами, на практике ставит перед собой весьма конкретные задачи: закрепить (а часто просто начать формировать) навыки грамотного письма, научить (или хотя бы призвать) первокурсника анализировать и править собственный текст, по возможности выработать у студента критическое отношение к написанному.

3. При удачном стечении обстоятельств нет непреодолимых преград, которые мешали бы преподавателю заменить скучные или неудачные задания и целые разделы привычных учебных пособий более актуальными и живыми. Книги М. А. Кронгауза,

И. Б. Левонтиной, П. А. Клубкова позволяют и выбрать яркие лингвистические сюжеты для возбуждения интереса у притихшего студента, и поставить острые проблемы, связанные с современным состоянием речевой грамотности населения, обсуждение которых будоражит молодых людей не только в ипостаси первокурсников.

4. Одним из способов радикального обновления базового курса русского языка для высшей школы стала его замена линейкой дисциплин, калькирующих зарубежные образцы. Так, в последние 10 лет появились вариации курса академического письма, в той или иной степени ориентирующие студента на американскую модель написания учебной работы.

5. Проблема, встающая перед преподавателем при таком подходе, заключается не только в том, что переучивать всегда труднее, чем учить, но и в том, что освоение языка (и родного, и иностранного) требует не только длительного времени, но и малого числа учащихся в группе. Если в отношении английского (немецкого, французского, испанского, финского) языка это очевидно всем, то в отношении родного традиция сложилась иначе.

6. Разные институты нашли свои способы борьбы с выявившимися трудностями. Один из таких путей — ввести общий обязательный начальный курс письма в первый месяц обучения с полным погружением в предмет (если это время еще не занято иным общеобязательным предметом). Другой — сочетать вспомогательный курс письма с первым циклом семинаров, предусматривающим самостоятельное написание реферата или учебного исследования по специальности.

7. Первые опыты становления новой дисциплины опирались на переводы американских пособий, выполненных А. Станиславским и выпущенных издательством «Флинта» в начале 2000-х («Исследование», «Композиция», «Аргументация», «Стиль»). Однако не только полный, но и сколько-нибудь адекватный перенос чужой практики в отечественные условия оказался затруднен, поскольку школьный багаж первокурсника в России существенно отличается от опыта американского студента.

8. В идеале студент учится писать исследовательскую работу, если он серьезно вовлечен в осмысленную ежедневную деятельность того научного коллектива, где трудится руководитель курсовой или дипломной работы этого студента. При

усердном отношении к делу всех участников процесса особый курс культуры речи или академического письма в таком случае просто избыточен. К сожалению, на практике по многим причинам так случается далеко не всегда.

9. Требования, которые сегодня предъявляет сначала общеобразовательная школа к первокласснику, а затем государство к выпускнику школы и студенту, с одной стороны, неоправданно завышены, а с другой — неправомерно занижены. Почему-то стало принято с опережением знакомиться со сложными теоретическими построениями, но не принято вовремя овладевать простыми практическими навыками. Перекос ценностных ориентиров и искаженное представление о допустимости и недопустимости разного рода пробелов и промахов приводит к тому, что самостоятельное стремление к смыслу подменяется имитацией сложной наукообразной деятельности с первых этапов учебы.

10. Задача научить человека понятно писать на родном языке не впервые встала в нашем веке. У курсов культуры речи и академического письма есть предшественники. Искать их следует не только в отдаленные эпохи. Сто лет назад были написаны пособия и разработаны учебные курсы, авторы которых по-своему решали вопросы, злободневные для нас: как учить вдумчивому чтению и пониманию прочитанного, а также грамотному письму, как одновременно обучать носителей и не носителей языка, какое место уделять на занятиях теории и какое — практике, как минимизировать предлагаемые ученику теоретические сведения и какие учебные трактовки языковых фактов предпочесть, каких методических ошибок избегать, какой языковой материал анализировать, какое место уделять на занятии тренировке навыка и в какой форме.

11. Приведем примеры актуальных и сегодня высказываний авторов пособий по русскому языку с указанием года издания книги (П. Смирновского, А. Тарабукина, Ф. Абраменко, Е. С. Истриной, Н. И. Спасской, Г. И. Горбаченко). 1884 (1896 — 12 издание): «Я допускаль въ свой учебникъ только то, что послѣ тщательной провѣрки находиль единственно вѣрнымъ или общепринятымъ»; 1896 год: «Большая часть, если не всѣ, вышедшихъ до настоящаго времени учебниковъ по элементарной грамматикѣ предназначены или для русскихъ школь, или исключительно для инородческихъ. Между тѣмъ, въ настоящее время есть нема-

ло такихъ школь, въ которыхъ элементъ учащихся смѣшанный — русскій и инородческій. Для такихъ школь тѣ и другіе учебники мало пригодны. Въ первыхъ изъ нихъ заключается много упражненій, невыполнимыхъ для инородцевъ по совершенному незнацію ими русскаго языка или скудному запасу словъ. ... Въ руководствахъ же, предназначенныхъ для инородческихъ школь, много заключается лишняго матеріала для русскихъ учащихся»; «Во многихъ элементарныхъ учебникахъ по русской грамматикѣ помѣщается масса упражненій-задачекъ съ пропускомъ буквъ, слоговъ и проч. или съ двоякимъ начертаніемъ слова. Все это приводитъ къ двумъ неудобствамъ: 1) ученики, особенно невнимательные или небрежно относящіеся къ самостоятельной работѣ, приучаютъ свой глазъ и руку къ неправильному начертанію слова; 2) исправленіе такихъ работъ отнимаетъ у учащаго слишкомъ много времени и безъ пользы для общаго дѣла»; 1907 год (1913 — 24 издание): «Правиламъ вездѣ предпосланы примѣры, послѣ правилъ размѣщены задачи ... Порядокъ занятій по учебнику слѣдующій: на примѣрахъ для разбора выясняются правила и разучиваются; затѣмъ эти правила прочитываются по книгѣ; задается для рѣшенія въ классѣ или дома относящаяся къ изученнымъ правиламъ задача; на слѣдующемъ урокѣ провѣряется рѣшенная и написанная учениками задача, спрашивается теорія и объясняется въ указанномъ порядкѣ новый урокъ»; 1928 год: «... наблюдениямъ надъ языкомъ не придается первенствующаго значенія: они нужны ... какъ твердая почва для постановки обучения навыкамъ речи и правописанія»; 1932 год: «Задачи книги — задачи практическіе: научить рабочаго сознательной и правильной речи, сознательному чтенію. Задача эта не можетъ быть решена безъ того, чтобы практическіе навыки увязались съ пониманіемъ языка какъ явленія общественнаго, съ пониманіемъ его отношенія къ мышленію, его организующей роли ... Важна не только техника чтенія, но и пониманіе того, что читаешь ... Нужно уметь говорить толково и правильно, ясно и убедительно ... Грамотность должна быть увязана съ жизнью».

12. Курс родной речи в высшей школе может быть полезным только в одном случае: если мы вернемся от имитации высокой науки и яркого творчества к поиску смысла.

М. В. Ахметова

Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва)

Еще раз о проблемных «-чанях»: история одной полемики

С первой половины XX в. увеличилась продуктивность суффикса *-чанин* (*-чане*) в названиях лиц по местности (катоиконимах); конкуренция новых вариантов с уже существовавшими оказалась достаточно успешной. Результатом стала полемика в научных и популярных изданиях по поводу правомерности употребления таких образований; в данной полемике, пик которой пришелся на 1950—1960-е гг., приняли участие писатели, лингвисты и представители других гуманитарных дисциплин.

В 1950—1960-е гг. противники катоиконимов на *-чанин* (прежде всего литераторы и публицисты: Ф. В. Гладков, С. Н. Сергеев-Ценский, Б. Н. Тимофеев, А. Беляева) видели в их употреблении проявление безграмотности и дурновкусия, едва ли не насаждаемое под влиянием канцелярита и языка газет. Схожей точки зрения придерживался ряд лингвистов (А. А. Реформатский, А. В. Суперанская). При этом апелляция к «грамотной речи» в это время отсылала не столько к данным кодифицированных грамматик и словарей (последних тогда не существовало), сколько к личному языковому чутью авторов.

Выход в свет в 1964 г. первого словаря катоиконимов (Словарь названий жителей РСФСР / Под ред. А. М. Бабкина) не положил конца полемике: главной претензией к словарю (А. Таланов, Л. Кин, А. В. Суперанская) стало «узаконение» им «неправильных» названий и отсутствие регулятивного начала, подразумевающего фиксацию одного-единственного правильного варианта.

До 1964 г. «в защиту» катоиконимов на *-чанин* высказывались Д. Н. Альшиц, Э. И. Ханпира, В. П. Григорьев — сторонники естественного отбора языком адекватных вариантов. Словарь 1964 г. свидетельствовал о прочном утверждении суффикса *-чанин* в языке; последовавшие исследования в области словообразования топонимической лексики 1960 — начала 1970-х гг. (В. П. Даниленко, Г. И. Петровичева, Е. А. Левашов, Е. И. Голанова, Л. П. Крысин и т.д.) «реабилитировали» такого рода катоиконимы, опровергали мнение, что этот суффикс является «ненужным новообразованием последнего времени», доказывали продуктивность соответствующего суффикса в тех случаях, когда другие суффиксы явля-

ются неуместными, и т.д. После конца 1960-х гг. наиболее ярким и скорее уникальным выступлением против катойконимов на *-чанин* была статья Л. П. Катлинской 1992 г.

Общим местом у авторов, рассуждавших о приемлемости или неприемлемости такого рода названий жителей, было уважение к речевой традиции; впрочем, последняя воспринималась по-разному. Для пуристов существование употреблявшихся веками катойконимов обозначало ненужность новых вариантов (например, если в языке уже есть *ростовцы*, зачем нужны *ростовчане*?); их противники утверждали, что язык «сам» отберет наиболее подходящие варианты, а неблагозвучные и тяжеловесные формы, скорее всего, не утвердятся. Отношение же участников полемики к мнению самих местных жителей различалось. Более или менее эксплицитировалось наличие двух категорий носителей русского языка — именуемых (рядовых жителей городов) и именующих (писателей и работников СМИ), однако разделение последних на «местных» и «неместных» (т.е. центральных, краевых, районных) не всегда было отчетливым, хотя иногда и оговаривалось. Так, по мнению А. В. Суперанской, некомпетентность в именовании жителей проявляют скорее журналисты центральных СМИ; по мнению А. Таланова — местных («ссылки на местные источники не всегда авторитетны»), а Г. И. Петровичева в статье 1967 г. ссылалась на сотрудников местных газет как на обладающих достоверной информацией о современных тенденциях в именовании жителей.

В настоящее время полемика переместилась в основном на страницы местных газет. При этом перспективными для выявления позиции локального сообщества по данному поводу оказываются как полевые исследования, так и данные статистического обследования местной прессы. Так, материалы СМИ конца 1990-х гг. — первого десятилетия XXI в. в базе «Интегрум» свидетельствуют либо о безусловном вытеснении в местном узусе катойконимами на *-чанин* остальных вариантов (Петрозаводск, Киров), либо об их безусловном неприятии (Иркутск, Муром), либо о приверженности различных местных социальных групп одному из вариантов (Тамбов, Орел, Тверь).

Литература

Абдуллаев А. А. Давно ли появились *-чане*? // Русская речь. 1967.

№ 1.

- Альшиц Д.* Не тратьте время! // Вопросы литературы. 1959. № 11.
- Беляева А.* Вытеснение суффиксов // Литература и жизнь. 1962. 25 мая.
- Гладков Ф.* О культуре речи // Новый мир. 1953. № 6.
- Голанова Е. И., Крысин Л. П.* Словообразовательные варианты наименований жителей и их социальное распределение // Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения / Под ред. Л. П. Крысина. М., 1974.
- [*Григорьев В. П.*] От редакции // Вопросы культуры речи. 1963. № 4.
- Даниленко В. П.* Имена собственные как производящие основы современного словообразования // Развитие грамматики и лексики русского языка. М., 1964.
- Катлинская Л. П.* И все-таки *пятигорцы*, а не *пятигорчане*! // Русская речь. 1992. № 5.
- Кин Л.* Рассыпанная повесть // Лит. газета. 5 окт. 1965.
- Левашов Е. А.* «Москвичи и иных мест люди...» / Отв. ред. А. М. Бабкин. Л.; Ленинград. отд-е, 1968.
- Петровичева Г. И.* О неуклюжих *-чан*ах и словообразовательной норме // Русская речь. 1967. № 1.
- Реформатский А.* Так как же надо говорить? (Вместо рецензии на книгу Б. Н. Тимофеева «Правильно ли мы говорим?») // Русский язык в национальной школе. 1962. № 1.
- Сергеев-Ценский С. Н.* Слово к молодым: Беседы о делах писательских // *Сергеев-Ценский С. Н.* О художественном мастерстве. Симферополь, 1956.
- Суперанская А. В.* Что такое «чане». Неделя. 16–22 окт. 1966 (№ 43).
- Суперанская А. В.* Ономастическая стандартизация. Допустимость. Возможности. Ограничения // Восточнославянская ономастика: Исследования и материалы. М., 1979.
- Таланов А.* [Рец. на: Словарь названий жителей (РСФСР). М.: Сов. Энциклопедия, 1964] // Новый мир. 1964. № 8.
- Тимофеев Б.* Правильно ли мы говорим? Из записной книжки писателя // Нева. 1959. № 6.
- Хантура Э.* Поговорим о нашей речи // Вопросы литературы. 1961. № 1.

Из истории нормативной лексикографии в России

В статье «Опыт общей теории лексикографии» Л. В. Щерба тщательно анализирует все существующие типы словарей. Метод анализа, избранный им здесь, оказывается весьма плодотворным с точки зрения определения существенных черт различных типов словарей. Это метод противопоставления, сравнения. Как отмечает сам автор, «Одним из первых вопросов лексикографии является, конечно, вопрос о различных типах словарей. Он имеет непосредственное практическое значение и эмпирически всегда как-то решался и решается. Между тем в основе его лежит ряд теоретических противоположностей, которые и необходимо вскрыть (4, 265).

Поскольку деление Л. В. Щербы носит универсальный характер, все типы словарей русского языка опираются на нее. Однако необходимо с самого начала отметить, что не все в указанной статье достаточно четко изложено и далеко не все однозначно может быть принято.

Статья состоит из шести противопоставлений. Первое противопоставление, или первый раздел статьи, направлен на выявление различий между словарем академического типа и словарем-справочником. Следует отметить, что само определение различия между этими типами носит несколько поверхностный и поэтому уязвимый характер. Л. В. Щерба пишет: «в первом случае мы имеем дело с такой книгой, где прежде всего спрашивается о том, можно ли в том или другом случае употреблять то или другое известное слово, а во втором — с книгой, куда заглядывают исключительно с целью узнать смысл того, или другого слова» (4, 262).

Если попытаться проанализировать данное определение с точки зрения содержания, то окажется, что, по мысли Л. В. Щербы, академический словарь занимается вопросами стилистики, сферы употребления различных слов, закрепленности их за функциональными разновидностями языка, словарь-справочник, если в него заглядывают с целью узнать смысл того или иного слова, является толковым словарем.

В качестве примера на академический словарь Л. В. Щерба приводит Словарь Французской академии, в качестве примера

на второй тип — издававшийся в Ленинграде под редакцией академика А. А. Шахматова «Словарь Академии наук», а также «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского.

Дальнейшее изложение показывает, что под *академическим словарем* Л. В. Щерба понимает нормативный словарь. Потому что, если бы дело было в формальном названии или издании, то шахматовский словарь также должен был быть отнесен к академическим, так как это словарь Академии. Не совсем понятно, почему Л. В. Щерба не вспоминает Словарь Я. К. Грота, который был образцом нормативного словаря. Вот что пишет по этому поводу Д. Н. Шмелев: «Идея последовательно нормативного словаря, т.е. словаря, достаточно последовательно отграничивающего как самим словником, так и при помощи соответствующих помет то, что реально существует в общелитературном языке в определенную эпоху, и то, что только спорадически проникает в него (из диалектов, жаргонов, языка предыдущих эпох, известного нам по книгам и т.д.), выкристаллизовалась в русской лексикографии только к концу XIX в., когда стал издаваться новый академический словарь под ред. Я. К. Грота» (3, 45).

Д. Н. Шмелев указывает, что после смерти Я. К. Грота работу над словарем продолжил А. А. Шахматов, который отошел от принципов нормативного словаря. После А. А. Шахматова, который в принципе создавал тезаурус, над словарем работали В. И. Чернышев, Л. В. Щерба и другие ученые. Словарь создавался до 1937 г. и был доведен до буквы *о*. Таким образом, сам Л. В. Щерба принимал активное участие в создании этого словаря. Остается загадкой, почему Л. В. Щерба совсем не упоминает имени Я. К. Грота, начавшего работу над словарем, и не говорит о первоначальном замысле словаря. Известно, что Я. К. Грот расписал по принципу академического словаря несколько букв, фактически была завершена работа над пятью буквами.

Словарь-справочник у Л. В. Щербы соответствует историческому словарю и приближается к принципам тезауруса. Об этом свидетельствуют и приводимые в качестве примеров лексикографические источники. Л. В. Щерба указывает, что «Чаще всего в основе словарей-справочников нашего времени лежит идея нации, более или менее сужаемая и расширяемая как

географически, так и исторически. Далее Л. В. Щерба относит к справочникам всевозможные технические словари, где объединены слова разных специальностей.

По сути дела Л. В. Щербе не удается выдержать единый принцип в определении этих двух типов словарей. Должно быть ясно, что словари, объединенные по национальному принципу, типа большого Оксфордского словаря, и технические справочники — это совершенно разные типы словарей.

Нужно отметить и то обстоятельство, что термины *нормативный* и *академический* не равнозначны. Разумеется, понятно, что таково терминопотребление Л. В. Щербы, и он имел на это право. Но вместе с тем следует выразить отношение к подобному терминопотреблению. Если термин *нормативный* однозначен, то этого нельзя сказать о термине *академический*. Возможно, у Французской академии существует старая традиция издавать словари литературных языков различных эпох, т.е. отражать различные этапы языка, строящегося на культурной традиции. В подобном терминопотреблении действительно есть смысл. Например, известно, что одно из значений слова *академический* определяется как «строящийся на традиции». Именно это значение реализуется в словосочетании *академический театр*. Если исходить из этого, то термины *нормативный* и *академический*, действительно, синонимичны. Но это справедливо только по отношению к самим словам в отвлечении от стран и лингвистических школ. В частности, в России такой традиции не было. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что сам Л. В. Щерба упоминает академический словарь А. А. Шахматова, издаваемый в Ленинграде с 1897 года. Л. В. Щерба прекрасно знал, что шахматовский словарь не соответствует принципам академического словаря, т.е. он не отражает культурную традицию, как словарь Французской Академии. Но важно даже не это. Важно то, что А. А. Шахматов был убежден в том, что словарь не должен отражать только культурную традицию, он не имеет права отражать только литературную норму. Следовательно, он вообще был против принципов академизма в лексикографии. И это не могло быть неизвестно Л. В. Щербе. С другой стороны, вновь остается только удивляться, почему Л. В. Щерба считал, что этот словарь издается А. А. Шахматовым и с 1897 г., тогда как он начал издаваться

Я. К. Гротом и с 1895 г. Именно в 1895 г. вышел академический словарь Я. К. Грота, соответствовавший принципам академизма в лексикографии. Приведенное выше замечание Д. Н. Шмелева говорит о том, что это общеизвестный факт.

К словарям-справочникам Л. В. Щерба относит, с одной стороны, словарь А. А. Шахматова, строящийся по принципу тезауруса, многотомный словарь тюркских наречий В. В. Радлова, с другой стороны, технические словари. Ясно, что в данном случае он вообще выходит за рамки лингвистических словарей, смешивая их предмет с предметом специальных, энциклопедических словарей. Характерно, что приводимые в качестве примера указанные выше словари в типологическом отношении относятся к совершенно разным лексикографическим источникам.

Интересно, что в этом первом противопоставлении Л. В. Щерба все же упоминает словарь Я. К. Грота, но совсем в другом отношении. Он говорит о том, что словари неизбежно включали устаревшую церковнославянскую лексику, поскольку старшее поколение воспитывалось на церковнославянских книгах. «Но вот к концу столетия начитанность в церковнославянских текстах исчезает совершенно, и «Второе отделение императорской Академии наук» в 1895 г. выпускает под редакцией академика Я. К. Грота 1-й том уже «Словаря русского языка» «в том виде, как он образовался со времен Ломоносова» (стр. 1 VI предисловия).» (4, 271).

И даже здесь мы видим, что Л. В. Щерба не дает гротовскому словарю ту характеристику, которую он заслуживает как словарь литературного языка. Л. В. Щербе этот словарь интересен лишь как лексикографический источник, не фиксирующий массу церковнославянизмов, как словарь русского языка. Интересно также то, что называя этот словарь словарем Я. К. Грота, он не видит связи, преемственности между этим словарем и его продолжением. Но если так, то он должен был отметить, почему он не считает, что А. А. Шахматов продолжил работу над тем же словарем. Причиной этого могло быть только понимание того, что А. А. Шахматов пошел другим путем. Но в этом случае Л. В. Щерба должен был отметить, что и в России был опыт нормативного, академического словаря.

Литература

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка.

- Томъ 1. Издание т-ва М. О. Вольфъ, СПб., 1912.
2. Программа словаря братьевъ Гриммовъ, составленная Яковомъ Гриммомъ // В книге: *Гротъ Я.* Филологическія разысканія. СПб., 1885, с. 196–244.
 3. *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977.
 4. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.

Л. В. Балашова

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
(Россия, Саратов)

Метафорическая система и кодификация лексики русского языка в диахроническом аспекте

В последние десятилетия общепризнанным становится взгляд на метафору как на один из основных способов реализации языковой картины мира, непосредственно отражающийся на функционировании лексико-семантической системы языка как в синхронии, так и в диахронии. Сложный, подчас противоречивый характер связи развития метафорической и кодифицированной лексической системы можно проследить на примере одной из пространственных концептуальных метафорических моделей времени в русском языке XI — начала XXI в. — «Движение времени относительно человека».

Уже в XI–XIV вв. в русском языке складывается единая, хотя и вариативная система представлений, в которой событие, временной цикл воспринимаются как самостоятельный субъект, перемещающийся по оси «пространство → время» относительно некоторой стабильной точки — человека (в его бытийно-временном аспекте). Совпадение с этой точкой воспринимается как настоящее, положение перед ней — как будущее, позади — как прошлое. Расстояние между субъектом движения и точкой отсчета характеризует близость или отдаленность во времени события, периода. Последовательность событий во времени передается указанием на относительное положение ряда субъектов на этой оси, а их длительность — движением нескольких субъектов и / или скоростью перемещения.

Пассивность человека по отношению к времени, причем это осмысляется как независимость от него всего происходящего, при-

чем эта независимость распространяется не только на внешний, но и на внутренний мир. Мысли, чувства, состояния человека воспринимаются как независимые от него феномены. Но именно человек как «точка отсчета» является центром, воспринимающим движение бытия относительно него. Кроме того, в рамках модели человек может вступать в контакт со временем, удерживая возле себя, отпуская, то есть распоряжаясь им по своему усмотрению.

Сложная и неоднозначная система бытийно-временных значений, формирующихся на базе представления о времени как о независимом субъекте, сохраняется в современном русском языке (ср.: *Осень / старость / любовь пришла; Первый день в школе прошел весело; Дальше наступила неизбежная череда событий; За чаем следует долгий и скучный вечер*).

Уже в древнерусском языке складывается система конкретных средств выражения значений, формирующихся на базе данной концептуальной модели, прежде всего, члены СП движения и положения в пространстве, в частности, лексемы из словообразовательных гнезд (СОГ): *близь (ближитиса, приближатиса)*; *даль (дальнии, далече)*; *ити (принити, оцити, подъити)*; *ходити (отходити, приходити, исходити)*; *грасти (градъции)*; *минѣти (миновати, минѣтиса)*; *стѣпати (настѣпати, отстѣпити)*; *течи (мимотечи)* и др. Поскольку направленность движения и относительность положения в пространстве наиболее четко выражается приставкой, то уже в древнерусском языке состав этой части метафорического поля в основном состоит из префиксальных лексем. Такое же положение сохраняется в дальнейшем (ср.: *приблизиться, приблизиться, приближение, прийти, приходиться, пройти, пролететь, пробежать, протечь, уйти, улететь, улетучиться, уходить, отходить, отлететь*).

Вместе с тем система средств выражения бытийно-временных значений в диахронии претерпевает ряд существенных изменений, причем это связано с развитием как метафорической подсистемы, так и лексико-семантической, словообразовательной системы.

С одной стороны, идет последовательное увеличение состава многих СОГ за счет новых префиксальных и суффиксальных образований — в соответствии с развитием словообразовательной системы. Параллельно этому расширяется система бытийно-временных значений у членов СП движения и положения в

пространстве. Таким образом, развитие словообразовательной системы русского языка увеличивает состав метафорической подсистемы, а укрепление метафорической концепции способствует системному развитию многозначности русской лексики.

С другой стороны, в диахронии происходит последовательное сокращение многих членов древнерусского метафорического поля, в том числе и в составе продуктивных СОГ. Этот процесс связан, во-первых, с выходом из языка целого ряда лексических и словообразовательных славянизмов (ср.: **възити, мимонти, изити, мимотечи, мимотечение, мимоходство, грасти**); во-вторых, с избавлением метафорической и лексической системы от семантически дублетных единиц (ср. утрату большинства древнерусских слов со значением 'временный, непостоянный': **мимотекѣцци, мимоходѣцци, мимоградѣцци, преходьныи**).

Вовлечение новых членов и утрата многих семантически дублетных форм, безусловно, относятся к процессам, связанным с укреплением системности внутри метафорического поля. Однако этот процесс никогда не становится абсолютным. В разные периоды развития русского языка могут наблюдаться отклонения от общей тенденции.

Наибольшее число дублетных словообразовательных и семантических вариантов в метафорической системе обнаруживается в XVI–XVII вв., когда происходит коренная перестройка всей семантической, лексической и словообразовательной системы русского языка: носители языка как бы «обыгрывают» разные возможности выражения временных значений с помощью пространственной лексики. В дальнейшем большинство избыточных для системы вариантов выходит из употребления в литературном языке (но может сохраняться в его некодифицированных вариантах). Характерно, однако, что включение новых, пусть и неустойчивых в диахронии, вариантов идет по продуктивным словообразовательным и семантическим моделям.

Подобные изменения не оказывают существенного влияния на развитие и функционирование системы в целом, однако наличие самой возможности варьирования средств выражения однотипных значений однотипными в семантическом и словообразовательном отношении лексемами свидетельствует о постоянной борьбе этих форм, о противоборстве тенденций к системности и избыточности.

А. Н. Баранов

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

**Асимметрия частиц *да* и *нет* в ответной функции
как феномен слабой семантики**

1. В ряде исследований функционирование частиц *да* и *нет* в функции ответа на общий вопрос сводится к процедуре замены положительной и, соответственно, отрицательной пропозиции (например, такая интерпретация частицы *да* в [Гришина 2011]):

— *Иван пришел?* — *Иван пришел.* → — *Иван пришел?* — *Да.*
— *Иван пришел?* — *Иван не пришел.* → — *Иван пришел?* — *Нет.*

Между тем частицы *да* и *нет* характеризуются весьма специфической сочетаемостью, позволяющей утверждать, что гипотеза о простой замене пропозиции (утвердительной или отрицательной), происходящей в процессе использования рассматриваемых частиц, далека от реальности.

2. Особый интерес в этом отношении представляют собой ответы на вопросы одиночными *да* и *нет*, то есть контексты, в которых ответ с указанными частицами не распространяется уточняющей фразой вида — *Да, он пришел* / — *Да, он не пришел*, а краткие реплики: — *Да* и — *Нет*¹. Рассмотрим сначала частицу *да*.

Выделяется несколько групп вопросов, в которых ответ одиночным *да* либо полностью запрещен, либо выглядит не вполне удачным.

1^я группа образована простыми негативными вопросами (классификация общих вопросов дается по [Баранов, Кобозева 1983]):

(1) *Вы ведь не сделали задачу?* **а.** — *Да, не сделал.* **б.** — ^{??}*Да.*
в. — *Нет.* **г.** — *Нет, сделал.*

(2) — *Вам не понравилось?* **а.** — *Да, не понравилось.* **б.** — ^{??}*Да.* **в.** — *Нет.* **г.** — *Нет, понравилось.*

Группа 2 — это классические альтернативные вопросы:

(3) — *Ты идешь или не идешь?* **а.** — *Да, иду.* **б.** — ^{??}*Да.* **в.** — *Нет.* **г.** — *Нет, не иду.*

(4) — *Так это Иван пришел или нет?* **а.** — *Да, Иван.* **б.** — ^{??}*Да.* **в.** — *Нет.* **г.** — *Нет, не Иван.*

Группа 3 — *не-ли* вопросы в первичной функции предположения:

¹ Некоторые соображения по этому поводу были высказаны ранее в [Baranov 1983].

(5) — *Не ты ли разбил этот стакан? а. — Я. б. — ?Да. в. — Нет. г. — Нет, не я.*

(6) — *Не Иван ли пришел? а. — Иван. б. — ?Да. в. — Нет. г. — Нет, не Иван.*

Группа 4 — *не-ли* вопросы в функциях предложения и просьбы:

(7) — *Не хотите ли пойти в кино? а. — Хочу / Да, хочу. б. — ?Да. в. — Нет. г. — Нет, не хочу.*

(8) — *Не можете ли вы нам помочь? а. — Могу / Да могу б. — ?Да. в. — Нет. г. — Нет, не могу.*

Можно было бы подумать, что все дело сводится к наличию в поверхностной структуре общего вопроса эксплицитного отрицания — тогда наблюдаемый эффект легко можно было бы объяснить ограничением формального (морфологического) характера. Однако это не так. Одиночное *да* неприемлемо и в ответах на альтернативные вопросы с позитивными альтернативами **Группы 5** (в этом случае неприемлемо и одиночное *нет*):

(9) — *Ты будешь обедать или пойдешь заниматься? а. — Буду обедать / Пойду заниматься. б. — *Да. в. — *Нет.*

(10) — *Иван пришел или Петр? а. — Иван / Петр. б. — *Да. в. — *Нет.*

3. Объяснить выявленные особенности функционирования частицы *да* в ответах на общие и альтернативные вопросы можно только в том случае, если исходить из того, что сфера действия этой частицы распространяется не только на пропозициональный компонент общего вопроса, но и на его установочную часть (о семантической структуре общих вопросов см. подробнее [Баранов, Кобозева 1983]). В последнем случае *да* подтверждает предположения спрашивающего.

Таким образом, частица *да* действует и на пропозициональный компонент вопроса, «выбирая» положительную пропозицию, и на установочный компонент. Тогда некорректность ответа одиночным *да* на вопросы Группы 1 объясняется тем, что простые негативные вопросы включают установочный компонент вида ‘полагая, что вероятность *не Р* больше вероятности *Р*, и при этом понимая, что возможно *Р*; и/или желая, чтобы было *не Р*’. Одиночное *да* выбирает положительную пропозицию *Р* и одновременно указывает на то, что предположение спрашивающего относитель-

но большей вероятности *не Р* справедливо. Это создает противоречие, которое и затрудняет использование одиночного *да*.

Неудовлетворительность ответа одиночным *да* на классические альтернативные вопросы связана с тем, что вопросы данного типа используются в ситуации обманутых ожиданий, конфликта и т.п. и, тем самым включают установочный компонент вида ‘выражая недоумение/нетерпение и т.п. относительно того, имеет ли место Р или не Р’. Как и в предшествующем случае, одиночное *да* «выбирает» положительную пропозицию Р и одновременно указывает на обоснованность недоумения спрашивающего относительно истинности обсуждаемых альтернатив. Такое сочетание сфер действия также оказывается противоречивым или по крайней мере неуместным, что и приводит к нежелательности одиночного *да* в качестве ответа. По тем же причинам неуместно одиночное *да* в ответах на альтернативные вопросы с позитивными альтернативами (Группа 5).

Не-ли вопросы в функции выражения неуверенного предположения (Группа 3) характеризуются установочным компонентом вида ‘полагая, что Р возможно; понимая, что вероятность *не Р* не меньше’. Одиночное *да* и в этом случае указывает на положительную пропозицию Р и одновременно подтверждает справедливость предположений спрашивающего о том, что вероятность *не Р* не меньше. Возникающая неопределенность и приводит к неуместности ответа с одиночным *да*.

Наконец, вежливость *не-ли* вопросов в функции предложения и просьбы отражается в семантическом представлении в виде эксплицитного указания на право адресата отказаться от предложения: ‘желая, чтобы адресат сделал Р, говорящий сообщает адресату, что он понимает, что адресат имеет право не делать Р’. И в этом случае выбор положительной пропозиции одновременно с подтверждением установки на вежливость приводит к неудачности использования одиночного *да*.

4. В противоположность частице *да*, одиночное *нет* в ответах на вопросы указанных типов во многих случаях вполне возможно:

(1в) *Вы ведь не сделали задачу?* — **Нет**; (2в) — *Вам не понравилось?* — **Нет**; (3в) — *Ты идешь или не идешь?* — **Нет**. (5в) — *Не ты ли разбил этот стакан?* — **Нет**. (7в) — *Не хотите ли пойти в кино?* — **Нет**.

Можно предположить, что в отличие от частицы *да* частица *нет* имеет более узкую сферу действия, «выбирая» только негативную альтернативу *не Р* и не имея сферы действия на установочный компонент общего вопроса.

5. Ограничение на использование одиночного *да* в ответах на вопросы указанных групп не всегда имеет характер запрета. Так, в ответах на простые негативные вопросы одиночное *да* встречается. Ср., например, (11) — *Что, Витя, не можешь наскрести на подарок учительнице? — Да. Конец учебного года... Не отправишь же Дениску с пустыми руками. Хотя бы цветы...* [В. Маканин. Повесть о старом поселке]. Однако общее количество таких реакций существенно меньше по сравнению с распространенными ответами (в сплошной выборке из 56 иллюкутивно связанных пар реплик данного типа лишь 3 *да* оказались «одиночными»). Тем самым, данные ограничения во многих случаях реализуются как тенденции и относятся к сфере семантики слабых взаимодействий.

Литература

- Баранов А. Н., Кобозева И. М. Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Изв. АН СССР, сер. лингвист. и яз., 1983, № 3.
- Гришина Е. П. *Да* в русском устном диалоге // Russian Linguistics, Vol. 35(2), 2011.
- Baranov A.N. On the synthesis and answers with particles *да* and *нет* in Russian // Symposium on grammars of analysis and synthesis and their representation in computational structures. Tallinn, 1983.

В. И. Беликов

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

Правописание неорфографизованного*

Кодификацию в орфографическом словаре я называю орфографизацией, поскольку правописание (и семантика) определенных единиц фиксируется лишь толковыми словарями, а нередко утверждается вообще вне связи с деятельностью лингвистов¹.

* Тезисы написаны в рамках исследований по государственному контракту № 07.514.11.4142, проводящихся при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации.

¹ Так, *рулька* (отсутствующая во всех толковых словарях и в 1 изд. РОСа) как часть свиной туши кодифицирована, например, все еще действующим ГОСТом 7597-55 от 1955 г. Наименование восточного единоборства *таэквондо* кодифицировано учреждением Федерация таэквондо СССР

Важно отметить, что орфографические словари (в отличие от толковых) по старинке избегают «заведомо нелитературной» лексики, что выглядит анахронизмом в ситуации, когда прежний литературный язык все более виртуализуется. Во всяком случае, не работают старые указания на жанры, которые предоставляют его образцы¹, и определение его стандартных носителей как лиц с высшим (а тем более, средним) образованием.

Известно, что в теории кодификация должна опираться на норму, которая «имплицитно <...> выступает в виде образца или, точнее, текстов, считаемых образцовыми» (В. А. Ицкович). Но кодификаторы либо игнорируют статистику², либо чрезвычайно субъективно подходят к отбору «образцовых» текстов. Так, ко времени фиксации в РОСе именовании двух близких корейских единоборств (1999) в газетах и журналах по данным базы СМИ «Интегрум» использовалось почти два десятка их написаний. Преобладали, естественно, утвержденные в документах Госкомспорта: *тхэквондо* (34% публикаций) и *таэквондо* (30%); те, что попали в словарь — *тхеквондо* и *тейквондо* — использовались лишь в 2% публикаций. Тогда же орфографизованный *риэлтор* уступал вариантам профессиональной кодификации так же сильно, встречаясь в Москве и Петербурге, соответственно, в 1,3% и в 1,1% статей бумажных СМИ. Из 450 текстов, где упоминалась *б*рсетка*, вариант, принятый РОСом встречался в 25, *барсеточник* употреблялся в 29

(30.06.1990; сейчас официально действует Федерация таэквондо России), а близкий вид *тхэквондо* (с 2000 г. — олимпийский) кодифицирован созданием Союза Тхэквондо России (23.09.1992). Именно эти написания фигурируют во «Всероссийском реестре видов спорта» и «Единой всероссийской спортивной классификации». В 1990-х годах с учреждением Российской Гильдии *риэлторов* и Ассоциации *риэлтеров* СПб и ЛО были кодифицированы два варианта именовании посредников в операциях с недвижимостью (второй — с региональной привязкой) и т. п.

¹ Ограничусь цитированием «литературнокритического» высказывания А. Левинсона: *Я хочу если и отойти от литературы, то к какой-то, будь, метафизике* (Литературная премия как метатекст // «НЛО» № 104, 2010).

² Разумеется, статистика должна получать профессиональную оценку лингвиста: известно, что несмотря на появление разговорного именованья *телик* в орфографических словарях советского времени, и прежде, и теперь абсолютно во всех видах документов (в СМИ, в беллетристике, в частном узусе) статистически преобладает противоречащее системе написание *телек*. Пока выбор написания не попадет в ЕГЭ, так будут писать и большинство школьных словесников.

текстах, орфографизованный *борсеточник* в СМИ не фигурировал.

На сегодняшний день наиболее эффективным способом получения численной оценки любой языковой вариативности представляется сегментно-статистический метод — сопоставление частотных характеристик вариантов в относительно однородных сегментах интернета¹. Самыми показательными в этом отношении являются данные бумажных СМИ, блогосферы и портала «Журнальный зал» (собрание толстых журналов). Проиллюстрирую возможности этой методики на одном примере.

Как известно, формулировка правил о написании *цы/ци* (§ 2 Правил 1956 г., §§ 15–16 Правил 2006 г.) ограничивает написание *цы*. В действительности список слов, где принято написание *цы*, больше, чем перечисляют правила. В РОСе имеются, например, статьи «**рцы**, нескл., с. (название буквы)», «**цы**, нескл., м. и с. (жанр китайской поэзии)». Первое из этих слов сейчас неразложимо, но напоминает о существовании глагольных флексий на *-ы*, не вовсе утраченных русским языком, но не упоминаемых в правилах. Второе подталкивает к безграмотному написанию не чуждого русской культуре омонима, что и делают те авторы, которые слепо следуют букве правил².

Как писать не попавшее в орфографические и толковые словари наречное выражение *на ц*рлах*, *на ц*рлы*? По данным «Интегрума» на начало 2010 г. в центральных газетах соотношение текстов было 44:15 в пользу *ы*-вариантов. Статистика по общедоступным сегментам интернета такова (поскольку получаемая в интернете статистика при цифрах более 1000 недостоверна, блогосфера разделена на подсегменты):

	<i>на цырлах, на цырлы</i>	<i>на цирлах, на цирлы</i>
Журнальный зал, число текстов		
проза	40	9
поэзия	11	1

¹ Подробнее о сегментно-статистической методике см., например В. И. Беликов. Методические новости в социальной лексикографии XXI века // А. Mustajoki, Е. Protassova, N. Vakhtin (eds.). Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian, Helsinki, 2010 (Slavica Helsingiensia, 40). Pp. 32–49. Доступно по адресу: <http://www.helsinki.fi/slavicahelsingiensia/preview/sh40/pdf/03-sh40.pdf>.

² Татьяна Толстая, назвавшая главы романа «Кысь» по буквам, пишет: *Аз, Буки, Веди, Глаголь...*, а ближе к концу — *Ци*.

	<i>на цырлах, на цырлы</i>	<i>на цирлах, на цирлы</i>
Блогосфера, число блоггеров, использовавших вариант		
2001–2008 гг.	763	224
2009 г.	373	128
2010 г.	598	190
2011 г.	794	254
янв.–сент. 2012 г.	643	193

В силу чрезвычайной подвижности социальной структуры блогосферы годовые подсегменты не дают возможности оценить динамику употребления как выражения в целом, так и его вариантов, однако можно получить данные об использовании его мужчинами и женщинами, а также лицами разных возрастов (естественно, по полу и возрасту распределяются не все блоггеры).

	<i>на цырлах, на цырлы</i>	<i>на цирлах, на цирлы</i>
Женщины, 2001–сент. 2012	565	167
Мужчины, 2001–2007	298	152
Мужчины, 2008–сент. 2012	936	309
Распределение по возрасту на начало октября 2012 г.		
10–19 лет	8	2
20–29 лет	120	28
30–39 лет	270	63
40–49 лет	153	35
50–59 лет	43	20
60–69 лет	24	12

Зная, что в блогосфере возрастная когорта 20–29 лет является наиболее многочисленной, а в целом среди блоггеров преобладают женщины, можно с полной определенностью говорить о том, что выражение это выражено мужское, при этом постепенно уходит из узуса. Одновременно в младших возрастах повышается доля тех, кто пишет его через *ы*.

Е. В. Бешенкова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

О политике орфографистов от Грота и до наших дней

В работах Я. К. Грота по русскому письму «Русское правописание» и «Спорные вопросы русского правописания» были сформулированы общие установки, на которые он опирался

при принятии того или иного решения. Если кратко суммировать эти установки, то мы получим, я бы сказала, позицию «здорового смысла». А именно:

1. Письмо изменяется. Письмо изменяется не по теории, а под воздействием множества факторов, иногда разнонаправленных.

2. Изменение письма можно и должно направлять, корректировать.

3. Особенно требуется вмешательство, когда появляется два способа написания одного и того же слова.

4. К ошибкам и разнонаписаниям надо подходить без «педантизма». Ошибки в школе надо делить на грубые и негрубые, объяснимые с языковой точки зрения.

5. Изменения следует проводить постепенно, не меняя основ письма.

6. Успешность работы устроителей письма зависит от авторитетности науки.

В истории нашего письма были и другие подходы к кодификации: это и период радикальных изменений (период реформ), и период «орфографической диктатуры», и современный период более «либерального» отношения.

Попробуем оценить результаты действия разных подходов к нормированию письма, сравнивая функционирование некоторых из тех областей, которые не были в достаточной мере кодифицированы, которые не испытали на себе ни реформирования, ни «орфографической диктатуры», и некоторых областей, однозначно кодифицированных. При этом критерием оценки мы считаем степень устойчивости письма, поскольку единое для всех, безвариантное письмо лучше выполняет свою основную функцию передачи информации письменными образами.

Оценка всего письма с этой точки зрения — это дело будущего. Пока мы можем представить предварительные данные, полученные в результате анализа кодификации и живого письма в некоторых областях орфографии.

1. Всегда ли существование однозначной кодификации исключает реальную вариативность узуальной нормы?

Бесспорно, что с утверждением единых для всех правил в 1956 г. и единого орфографического словаря колебания в той области письма, которая была охвачена однозначными правилами

и словарем, постепенно уменьшалась. Однако до сих пор остаются «тонкие места», в которых сохраняются значительные колебания, несмотря на наличие однозначной кодификации.

Пример 1. Сохраняются колебания в написании некоторых слов с приставкой на согласную и корнем на *и*. Правило требует написание *ы* корня после русской приставки (*предынфарктный*) и сохранение *и* корня после иноязычной приставки (*постинфарктный*), в таком виде правило было предложено еще Я. К. Гротом. Однако в 1965 г. Н. А. Еськова писала о том, что правило Грота прочно установилось лишь для некоторых слов. Анализ современного письма показал, что в современном письме используется несколько способов написания слов с приставкой на согласную и основой на *и*: 1) пишется *ы* после твердой (*безыдеальный*), что соответствует правилу; 2) сохраняется написание *и* корня (*безидеальный*), т.е. сохраняется единообразие написания морфем; 3) обозначается слогораздел либо постановкой *ъ* (*безъидеальный*), либо апострофом.

При этом второй способ используется для некоторых слов настолько часто, что можно говорить об узуальной вариативности (с преобладанием варианта с *и* для слов: *безиглый*, *безиммунитетный*, *безиндикаторный*, *безинструментальный*, *безинфляционный*, *безинформативный*, *надинтегральный*, *надиндекс*, *отиллюстрировать*, *подиндекс*, *подиздержаться*, *подитог*; с равночастотными вариантами с *ы* и *и* в словах: *безызыянный* и *безизыянный*, *безыллюзорный* и *безиллюзорный*, *безындукционный* и *безиндукционный*, *безынтегральный* и *безинтегральный*, *безысключительный* и *безисключительный*, *предынсультный* и *прединсультный*).

Пример 2. Из всех слов с соединительной гласной колеблются только две группы: 1) слова, обозначающие единицы измерения, если они выходят за рамки узкопрофессиональной сферы (*машино-место* / *машиноместо*), 2) некоторые слова, состоящие из названий национальностей, конфессий, партий (*галло(-)римляне*, *итало(-)римляне*, *итало(-)швейцарцы*, *германо(-)швейцарцы*, *франко(-)швейцарцы*, *балто-финно-славяне*, *шведо(-)финны*, *шотландо(-)ирландцы*, *англо(-)канадцы*, *англо(-)американцы*, *афроамериканцы*, *афросамураи*, *афрорусский*. В РОСе: *англоканадцы*, *англоавстралийцы*, *англосаксы*, *балтославяне*, *грекокатолики*, *евроазиаты*, *франкоканадцы*, *иудеохристиане*, *романогер-*

манцы, угрорусы, в РОС 2012 г.: *англокатолики, армянокатолики*). Для некоторых из этих слов можно говорить о наличии узуальной нормы, противоречащей кодификации.

Пример 3. Далеко не всегда приводят к желательным результатам и точечные изменения в написании. Так, введение в 1974 г. как нормативного написания *зарянка* с буквой *а* (до 1974 г. слово писалось *зорянка*) не привело к смене норм, и даже в учебниках *зарянка* до сих пор фигурирует в списке исключений в написании *зорянка*. В РОСе с 1999 г. изменено написание слова *разыскной* вместо устоявшегося и уже освященного авторитетом орфографического словаря написания *розыскной*, но до сих пор новое написание не принято и требует комментирования в различных аудиториях.

Таким образом, несмотря на однозначность рекомендаций нормализаторов, ситуация в реальном письме не столь однозначна. И нельзя сказать, что «орфографический диктат», наличие однозначной нормы и в словарях и в правилах приводит к стопроцентно единообразному письму даже в текстах, прошедших корректуру. Однако если сравнивать с оценкой состояния письма начала 19 века Гротом, то можно утверждать, что письмо стало более устойчивым (почти вышел из употребления способ написания с *ьи*).

2. Устанавливается ли безвариантное письмо в зонах, не охваченных однозначными правилами или словарем? В некоторых случаях — да, в других — нет.

1) И безнадзорное письмо может вырабатывать четкую однозначную узуальную норму. Так, все существительные-предикативы, кроме трёх *неохота, непорядок, неровня*, пишутся раздельно (*не беда, не промах, не любитель, не знаток, не дурак*), хотя они не отмечаются в правилах, и далеко не всегда предикативные значения отмечаются в словарях.

2) Иногда можно говорить об узуальной норме, установленной на основе не единственного, но преобладающего написания. Так, сочетания с постпозитивным несклоняемым (в данной конструкции) определением преимущественно, а во многих случаях стопроцентно, пишутся раздельно (*час пик, величина икс, рукав фонарик, шляпа сомбреро, суп харчо, сумка клатч*, хотя есть и исключения, напр. *шкаф-купе*...).

3) Может устанавливаться и вариативное письмо. Так, в написании кратких прилагательных вне очевидных контекстов

можно выделить три подгруппы: а) слова, для которых установилось раздельное написание, это может быть закреплено в словарях (*не банален, не беден, не болтлив, не виноват, не голоден, не длинен, не женат, не занят, не короток, не мал, не намерен, не потребен, не равен, не свят, не силен, не склонен, не стар, не страшен, не тесен, не труден, не узок, не широк*) или не закреплено (*не вреден, не галантен, не гениален, не глух, не жаден, не мил, не свойственен, не тщеславен, не умен*); б) слова, которые пишутся только слитно (*неохоч, недурен, незауряден*); в) и слова, которые пишутся вариативно, напр.: *невелик / не велик, не верен / неверен, не властен / невластен, неволен / не волен, незнаком / не знаком, не известен / неизвестен, не интересен / неинтересен, неправ / не прав, непричастен / не причастен, не свободен / несвободен, не способен / неспособен*.

Аналогично и полные прилагательные и наречия-предикативы и наречия-обстоятельства. Насколько данные НКРЯ позволяют судить об исторических изменениях написания, то из зоны вариативности слова постепенно переходят в зону слитного написания.

Таким образом, функционирование письма без кодификации тоже возможно, но областей с неустановившимся написанием оказывается больше.

Это приблизительное сравнение устойчивости области письма, кодифицированного однозначно, и области письма, существующего без кодификации, позволяет говорить о более устойчивом письме в первом случае, но не исключающем сопротивления однозначным рекомендациям. Однако и жизнь письма без кодификации тоже нетождественна абсолютному хаосу.

Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

**О написании «единиц на -о, -е» с прилагательными
(сильнодействующее и активно действующее вещество)**

«Когда же образцы не давали ответа, или когда между ними замечалось разногласие, — придумывались правила чисто-условных».

Грот.

Я. К. Грот, критикуя подход Н. И. Греча к составлению правил, писал, что иногда его подход приводил к созданию «чисто-условных» правил. Но всегда ли можно создать лингвисти-

чески обоснованное и учитывающее «живое письмо» правило? Ведь в языке всегда есть переходные явления, есть позиции, контексты, в которых противопоставленные единицы нейтрализуются. Если на письме отражаются именно такие единицы, то орфографическое правило довольно сложно сформулировать так, чтобы оно могло быть реально применяемо всеми пишущими. Оно действительно становится условным. Тем интереснее рассмотреть, как же такие правила функционируют.

Одним из таких правил является правило о написании наречий с прилагательными и правило о написании сложных прилагательных с первой частью на *-о*, *-е*. В академическом справочнике правило формулируется очень просто: «Пишутся отдельно словосочетания, состоящие из наречия и прилагательного или причастия» [Правила 2006 § 131]. Первые части сложных прилагательных пишутся слитно или через дефис. Выбору слитного или дефисного написания посвящены параграфы §§ 128–130. Но определению того, в каких случаях единица на *-о*, *-е* является наречием, а в каких частью сложного слова не посвящено ни строчки. Немного говорится и о различении причастий и отпричастных прилагательных. Мало помогают и другие справочники, хотя в них эта проблема не умалчивается. Так, в справочниках Д. Э. Розенталя вводится два критерия: к наречию можно поставить вопрос (*морально устойчивый* — устойчивый в каком отношении?), наречие может указывать на степень признака (*умеренно теплый* — теплый в какой степени?). Введение этих критериев дополняется списком единиц, которые «чаще всего» выступают именно как наречия. Эти критерии не раз подвергались критике (сравним *умеренно тёплый* и *слабосолёный*, *близко сидящие глаза* — *глубокосидящие глаза*, *морально устойчивый*, *общественно опасный* — *индивидуально-ориентированный*, *научно-познавательный национально-смешанный*, *общественно-передовой*, *обратноходовой*, *обратнопирамидальный* и *обратно симметричный*, *промышленно-угленосный*), но новых критериев предложено не было. Орфографисты пошли по словарному пути: все больше таких единиц включается в словарь. Но, во-первых, невозможно в словаре зафиксировать все слова, во-вторых, словари, к сожалению, расходятся в своих рекомендациях, в-третьих, пишущие далеко

не всегда смотрят в словарях слова со столь частотной моделью образования. На форумах разгораются нешуточные баталии при определении статуса таких единиц как *идуший*, *стоящий*, *расположенный* и т.п., что важно спорящим для определения написания *далеко()**идущее*, *близко()**стоящий*, *близко()**посаженные глаза*. При этом ясные примеры не обсуждаются (*Мало говорящий*, *еще меньше движущийся*, *не машущий руками*, *не улыбающийся* *Чаадаев так и должен был быть* *внимаемым*. *В то время как наш интерес к писателям, Толстому, Достоевскому, Чехову или еще кому-нибудь, не более чем штрих к биографии, свидетельствующий только о литературных вкусах и очень мало говорящий о личности.*

Таким образом, данная область орфографии существует в значительной степени независимо от нормализаторов.

Анализ и словарных рекомендаций, и реального письма показал, что действительно не удаётся найти общего правила, общего критерия, позволяющего охватить и раздельное, и дефисное, и слитное написание единиц на *-о*, *-е*. Однако оказалось, что в общем хаосе существует некоторая самоорганизация отдельных единиц. Некоторые единицы на *-о*, *-е* с последующими прилагательными пишутся однозначно: либо **только слитно** (*грубо*, *густо*, *мелко* (*мелкосидящий*, *мелкооптовый*), *мало*), либо **только раздельно** (*глубоко* (*глубоко верующий*, *глубоко личный*, *глубоко обоснованный*), *качественно*, *болезненно*, *зеркально*). Такие единицы отмечаются в словарях и не они интересны нам в данном исследовании. Интерес представляют другие единицы, которые пишутся по-разному с разными прилагательными (напр., *визуально*, *внешне*). Оказывается, что и в таком случае есть некоторая степень упорядоченности написания. Для каждой такой первой части важны категориальные признаки второй части: относительное, качественное или отпричастное это прилагательное. Но каждая первая часть по-своему решает, как ей писаться с этими категориями.

относит. прилаг.	отриц. прилаг.	качеств. прилаг.	единицы
дефис	разд.	разд.	визуально, государственно, духовно, идейно, информационно, классово, материально, морально, научно, общественно, организационно, правильно, промышленно, профессионально, радиационно, реально, системно, структурно, территориально, условно (искл.), финансово, формально, функционально, хозяйственно, художественно, экспериментально, эмоционально, эмпирически
		нет	<u>валютно</u> , <u>вертикально</u> , <u>встречно</u> (искл.), <u>горизонтально</u> , <u>индивидуально</u> (искл.), <u>линейно</u> , <u>машинно</u> , <u>музыкально</u> , <u>объёмно</u> (искл.), <u>поперечно</u> , <u>продольно</u> (искл.), <u>прогрессивно</u> (искл.), <u>прогрессивно</u> , <u>радикально</u> , <u>радикально</u> , <u>раздельно</u> (искл.), <u>рационально</u> , <u>реакционно</u> , <u>рельефно</u> , <u>ресурсно</u> , <u>социально</u> , <u>уголовно</u> , <u>экспортно</u> , <u>электронно</u>
слитно	разд.	разд.	<u>внешне</u> , <u>внутренне</u> , <u>обратно</u> (искл.), <u>особо</u> , <u>широко</u> (искл.)
слитно	разд.	слитно	<u>близко</u> (искл.), <u>ложно</u> , <u>остро</u> , <u>сильно</u> (искл. -мый), <u>узко</u>
слитно	разд.	нет	<u>жёстко</u> , <u>редко</u> (искл.), <u>часто</u> , <u>легко</u> (искл.)
только слитно			<u>быстро</u> , <u>высоко</u> — <u>низко</u> , <u>вязко</u> , <u>гладко</u> , <u>глубоко</u> , <u>грубо</u> , <u>густо</u> , <u>круто</u> — <u>мелко</u> , <u>круто</u> , <u>толсто</u> — <u>тонко</u> , <u>свободно</u> , <u>слабо</u> , <u>тепло</u> , <u>трудно</u> , <u>тяжело</u> ,
только раздельно			<u>безусловно</u> , <u>болезненно</u> , <u>вечно</u> (искл.), <u>вяло</u> (искл.), <u>глубоко</u> ² (искл.), <u>дурно</u> (искл.), <u>зеркально</u> , <u>качественно</u> , <u>крепко</u> , <u>лично</u> , <u>персонально</u> , <u>поздно</u> (искл.), <u>рано</u> (искл.), <u>резко</u> (искл.), <u>собственно</u> (искл.), <u>строго</u> (искл.), <u>тайно</u> (искл.), <u>умеренно</u> , <u>умственно</u> , <u>частично</u> , <u>явно</u>
только дефис			<u>нервно</u> , <u>буржуазно</u> , <u>влажно</u> , <u>товарно</u> (искл.), <u>частотно</u>

Конечно, многие части имеют отдельные слова-исключения. В основном это термины (*вечнозеленый, вечномерзлый — вечно живой; индивидуально-ориентированный — индивидуально подобранный*). Но среди этих слов есть и нетермины (*далекоидущие выводы*) и или широкоупотребимые слова (*глубокоуважаемый*), которые мы объединили признаком «пишется слитно при намерении подчеркнуть цельность выражаемого признака», тем самым разрешив вариативность, отличающуюся едва уловимым смысловым, когнитивным компонентом.

Обнаруженная упорядоченность системы, как бы ни была ее степень незначительна, показывает, что и бесконтрольное, безнадзорное, беспризорное функционирование орфографической системы приводит не к полному хаосу, а к частичной упорядоченности. Это позволяет орфографистам поддерживать упорядочивание системы. Мы можем зафиксировать не просто набор слов с данной первой частью, что всегда ограничено по объему, а дать пишущему инструмент, как определить написание с этой первой частью и в случае, если в словаре нет слова с нужной второй частью.

Н. В. Богданова-Бегларян

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

О судьбе слова-«страдальца»

Слов-«страдальцев» в нашем языке немало. Любой лингвист без труда, навскидку, назовет их с десятков, а в одной филологической шутке они даже удачно соединились: *кто звонит, ложит и кушает, тот наверняка еще и купается в душе*. И мне бывает искренне больно, когда, произнеся эту фразу в аудитории первокурсников-филологов и ожидая улыбок, я вижу, что далеко не все вообще *поняли*, в чем тут, собственно, соль... И уже давно я не включаю в этот список слов, употребление которых в речи носителей языка регулярно отстает от нормативных рекомендаций, еще одну пару глаголов-«страдальцев» — *одеть/надеть*, — практически смирившись с тем, что нормы их употребления уже пора пересматривать — настолько они далеки от реальной их жизни в нашей речи. Лингвисты и преподаватели еще помнят времена, когда в школьных классах и офисах-кабинетах висели таблички-«напоминалки» типа «*ОДЕТЬ (кого?) НАДЕЖДУ — НАДЕТЬ (что?) ОДЕЖДУ*», однако и им приходится признать, что никакие «напоминалки» уже не могут изменить

той печальной ситуации, что и в жизни, и на экране телевизора все подряд *одевают* — не только *ребенка*, но и *пальто-шляпу*. Однако появление объемных языковых и речевых корпусов породило и вполне естественное лингвистическое желание убедиться, насколько все действительно плохо с этим словом. Этому и посвящено мое небольшое исследование.

Выборка из материалов Звукового корпуса русского языка «Один речевой день» (ОРД) меня скорее порадовала: наши информанты в два раза чаще *надевают* на себя какие-то вещи (*она заставила **надеть** какие-то одежды; надела уже / утеплилась; я брюки другие **надену***), чем *одевают* их. Причем, в последнем случае речь информантов изобилует и другими приметами откровенно невысокого уровня их речевой компетенции, ср.:

*на крайний случай можно это **пальто** типа **одеть** // вот и **одеваю** на крайний случай и ношу и чувствую себя полной чув-
вырлой;*

*они просто такие / что вот они как бы вроде смотрятся
нормально // один раз **оденешь** / сядешь / всё короче;*

*у меня вот честно говоря / желание / только б...дь / одно
на х...й / е...нутое / пойти (...) б...дь влить / в себя что-нибудь
на х...й / чтоб повеселело / *С б...дь / сесть за баян / и сесть
играть здесь конечно / на баяне блин / на своей волне / *Н ту-
пую / просто б...дь / хочу **ушанку** на голову **одеть** короче / и *Н
из-за острова на сержень.*

А вот устный подкорпус НКРЯ (в котором, кстати сказать, есть и материалы Звукового корпуса) подтвердил все самые печальные наблюдения над судьбой этого глагола: соотношение нормы/ненормы, установленное для случайной выборки, оказалось на этот раз далеко не в пользу первой. Так, для исходной формы *ОДЕТЬ* оно составляет 1 (норма) к 22 (ненорма), для *ОДЕВАТЬ* — 5 к 16, для *ОДЕЛ* — 0 к 17.

Сравнение общей употребительности глаголов *надеть* / *одеть* в НКРЯ позволяет убедиться, что в устной речи они представлены во вполне соотносимых количествах:

88 вхождений *надеть* vs. 99 — *одеть*;

65 вхождений *надел* vs. 31 — *одел*;

30 вхождений *надевать* vs. 52 — *одевать*.

Даже с учетом того, что *одевают* все же иногда и человека

(Надежду), а не только одежду, можно заключить, что на нормативное *надеть* в исследуемых конструкциях приходится весьма значительное количество ненормативного *одеть*, ср.:

(1) [Респондент, жен, 83] *Вот сейчас всё плохо / плохо / плохо / но кусок хлеба есть / и что-то надеть есть <...> Мне на ноги одеть нечего / я босиком пойду и надену платье* [Биография (беседа лингвиста с информантом), Санкт-Петербург // Архив Хельсинкского университета, 1997–1998];

(2) [Голос за кадром 2, муж] *Сильно надеюсь / что всё-таки доведётся когда-нибудь надеть штатский костюм / походить в театр / пожить в мирной обстановке* [Ратные поля России. Д/ф из цикла «Письма из провинции» // Т/к «Культура», 2009];

(3) [Анастасия З., жен, 19] *Мама ещё платок заставит одеть какой-нибудь / прикинь / кружевной. Ну / в общем / сейчас надо чего-нибудь одеть / а ты завтра мне тогда привезёшь переодеть* [Разговор двух девушек о выборе одежды // Из коллекции НКРЯ, 2008];

(4) [Андрей Кабыш, муж, 90] *В тридцать шестом году впервые я одел халат / в тридцать шестом году* [Троицк. Д/ф из цикла «Письма из провинции» // Т/к «Культура», 2008];

(5) [Лектор, муж] *Он приходит на работу / у него есть шкафчик / он переодевается / он свою / значит / цивильную [нрзб] одежду повесил в шкафчик / одел / значит / специальную одежду / пошёл работать* [Лекция по законодательству РФ (2006)];

(6) [Татьяна З., жен, 23] *Ну... ну смотри / тогда можно надеть как раз под горло вот эту фигию да / чёрную / футболку и сверху этот свитер с таким вырезом / но будет смотреться как чёрное всё* [Разговор двух девушек о выборе одежды // Из коллекции НКРЯ, 2008].

Из примеров видно, что одевают одежду и мужчины, и женщины, и молодые, и пожилые, и в бытовом разговоре, в том числе с незнакомым человеком, и в научной лекции. И не только одевают, но и переодевают (3). Хотя отраднo, что в дикторской речи костюм все же надевается человеком, а не одевается (2), что в речи обычного, к тому же весьма немолодого, информанта одеть и надеть успешно соседствуют (1), а молодая девушка даже фигию (футболку и свитер) все же — надевает, а не одевает (6).

В письменной речи (основной и газетный подкорпусы НКРЯ)

употребительность глагола *надеть* существенно выше, чем *одеть*, даже с учетом нормативных конструкций с последним (*одеть ребенка, невесту — в фату, лампу — в сетку, каменное изваяние статуи — в металл, книгу — в переплет* и т. п.):

надеть — более 3,5 тыс. вхождений, *одеть* — около 600 (в 6 раз меньше);

надел — около 5 тыс. вхождений, *одел* — примерно 360 (в 14 раз меньше);

надевать — более 1700 вхождений, *одевать* — чуть более 500 (в 3,5 раза меньше).

Иными словами, письменная речь пока еще держится, отстаивает *надеть* перед *одеть* в сочетании с предметами одежды. Устная речь — в несомненной опасности, но, похоже (*по ходу*, как теперь говорят во всех телевизионных сериалах — и это еще один повод обратиться к материалам корпусов), ситуация не безнадежна и, может, все же стоит побороться?

С. Г. Болотовъ

Россійскій государственный гуманітарный университетъ (Россія, Москва)

Точки надъ *ѣ* и *й*, или Законъ Иткіна

0. Срѣди факторовъ, поспособствовавшихъ угробливанію до-реформенной орѳографіи (далѣе — ДрО), можно особенно выдѣлить двѣ группы орѳограммъ, сыгравшихъ, по моему убѣжденію, главенствующую (если угодно, роковую) роль — группа «разнобоевъ» и группа «списочныхъ рѣшеній» (частично пересѣкающіяся по своему матеріалу).

1. Къ первой относятся не столько розхожденія, касающіяся отдѣльныхъ лексемъ, — подобная пестрота легко устранима путѣмъ фиксаціи единообразнаго ихъ написанія въ авторитетномъ орѳографическомъ словарѣ (тѣмъ болѣе что значительная часть этого уединоображенія прѣдставляла-бы собой простое устраненіе недоразумѣній вродѣ °*лечить* вмѣсто *лѣчить*), — сколько именно нѣ отражаемая словарѣмъ формы флексій, главнѣйшая изъ которыхъ — ударное *-ѣго* противъ *-аго* въ Р. ед. м. и ср. р. Дѣло не столько въ томъ, что такая орѳографія замутняетъ ясное противопоставленіе адъективныхъ (используемыхъ въ томъ числѣ и въ мѣстоименіяхъ!) и собственно мѣстоименныхъ окончаній (ср. *этого самаго* vs. *кого самого*), — «зато» обозначающая такимъ эффектнымъ способомъ удареніе (будто въ другихъ

падежно-числовыхъ формахъ это самое удареніе ужé никого не интересуесть; а не продолжить-ли, различая, напр., Р. ед. °*вады* отъ И. В. мн. *вѣды* ?), — сколько въ томъ, что подобное изобрѣтеніе какъ разъ інновативно (ср.: “Многіе до сихъ поръ еще пишутъ въ род. пад. прилагательныхъ на *ой*: «второго», «простаго», вм. в т о р о г о , п р о с т о г о” [Гротъ 1894: 23, (§) 26] — ключевое слово сдѣсь *ещѣ*), т.е. вносить «художественное» разнообразіе въ правописаніе сверхчастотной морфемы. Понятно, что орѳографическая потасовка не замедлила взпыхнуть, и одни издатели печатали сочиненія и ихъ собранія графа Л. Н. всё ещё *Толстаго*, а другіе ужé «*Толстого*» — мнѣ довелось видѣть цѣлую витрину такихъ изданій, розкрытыхъ на титульномъ листѣ: силы участниковъ «заѣзда» были примѣрно равны (можно себѣ прѣдставить, какое удовольствіе, въ кавычкахъ или безъ оныхъ, испытывала тогдашняя публика на этакомъ «ипподромѣ»!).

Авторитетъ Я. К. Грота въ орѳографическихъ дискуссіяхъ того періода врядь-ли можетъ быть поставленъ подъ малѣйшее сомнѣніе — и тѣмъ самымъ неоспорима его роль какъ одного изъ дѣйственнѣйшихъ (вольныхъ и/или невольныхъ) могильщиковъ ДрО, вѣроятно, не осознававшего убійственности своей позиціи.

2. Во второй, «списочной», группѣ орѳограммъ центральное мѣсто по праву занимаетъ *ять*. Прѣдставленіе о *ѣ* какъ объ *enfant terrible* въ системѣ правописанія, построенной прѣимущественно (а въ идеалѣ и исключительно) на провѣряемости слабой позиціи по сильной (провѣрку заимствованій по источнику можно прѣдставить какъ частный случай дѣйствія этого принципа — въ самомъ дѣлѣ, напр., удвоенныя согласныя въ Латыни и произносились какъ удвоенные согласные, а при заимствованіи проще всего ихъ всё сохранить, используя языкъ-доноръ какъ каналъ эффективной верификаціи, вмѣсто того чтобы зазубривать малоинформативныя и потому малоосмысленныя различія между, e.g.: *коммандосъ* vs. °*командирь*, °*командоръ* и °*командовать*; *комментація* vs. °*рекомендація* и °*рекомендовать*; *оффиціантъ*¹ vs. °*офицеръ* и мн. др.), характеризуетъ, конечно, не столько саму орѳографію, сколько ме-

¹ Въ словарь [Ромашкевичъ 1898: 141(б-в)] слова *оффиціальность*, *оффиціальный*, *оффиціантскій* и *оффиціантъ* алфаветизированы такъ, какъ естьли-бы они содержали одну *ф* (между *офицеръ* и *офиолатрической*), а *оффиціантъ* (bis!), *оффиціозный* и *оффиціозъ* — двѣ *фф* (между *Оффенбургъ* и *охабенъ*).

тодіческую безпомощность ея прѣподавателей. Ко врѣмени Грота число корней, «всѣ ещё» пишущихся съ ъ, упало, по его собственнымъ подсчётамъ, до 130 — неужели заучить такой длины списокъ легче и/или интереснѣе, чѣмъ освоить алгоритмы вычисленія *ятя* по произношенію (сохраненіе [(j)e] не передъ мягкимъ), чередованіймъ (*лѣзть* при *лазить*, *сѣсть* при *садить*, *рѣзать* при *разить* какъ *нести* при *носить* и т.п.), внѣшнему (и внутреннему, какъ въ случаѣ съ неполногласіемъ) сравненію, пусть этотъ реестръ и сталь-бы гораздо (на сколько-то десятковъ морфемъ) длиннѣе?

На самомъ дѣлѣ морфемы, содержащія *ъ*, поддаются провѣркѣ (и фонетико-морфологической, и этимологической) въ существенно большей степени, чѣмъ это можно подумать за чтеніемъ пособій по ДрО. Одна изъ такихъ провѣрокъ касается, какъ это ни могло-бы показаться парадоксальнымъ, значительной части случаевъ «нерегулярнаго» перехода *ъ* (а заодно и *я = а*) въ [jo] — т.е. *ѣ* (и *я*).

3. Впервые эту проблему поставилъ подъ правильнымъ угломъ Илья Б. Иткинъ въ своёмъ докладѣ «Contra analogiam». Вотъ двѣ группы формъ изъ этого сообщенія.

- 1) *гнѣздó* — *гнѣзд|а*, -ышко; [без]гнѣзд(н)ый
звѣздá — *звѣзд|ы*, -очка; -ный (N3: *звѣздчатый*)
вѣдрó — *вѣдр|а*, -ышко; [двух-, трёх-, четырёх-, десяти-, двадцати-, сорока-, полу]вѣдер|ный, -ка
- (?) *сѣдлó* — *сѣдл|а*, -ышко; [двух-, трёх-, четырёх]сѣдельный;
 [о]сѣдл|ан(ный), -ыватъ; ([о]сѣдл|ый ~) [о]сѣдл|ый, -ость
дяснá — *дяс|ны*, -енный (cf. Пол. *dziąsło*)
- 2) [об]рѣл|á, -ó, -ú — [об]рѣл|ь (N3: [об]рѣл|и|и, -ий)
цвѣл|á, -ó, -ú — *цвѣл|ь* (N3: *цвѣл|и|и, -ий*)
 [роз]свѣл|ó — *[роз]свѣл|ь (N3: [роз]свѣл|и|и, *-ий)
 (N3: cf. *рѣл|и, -ий; сѣл|и, -ий*)
- сѣкл|á*, -ó, -ú — *сѣк|ь*; -ши, -ий
 (N3: ~ †сѣк|ь, †-ла, †-ло, †-ли; -ши, -ий)
- (у-, при-, от-, до-, под-, в-, за-, про-, пере-, с-, об)бѣл|á, -ó, -ú
 (N3: ~ (у-...)бѣл|а, -о, -и) — (у-...)бѣл|ь; -ши, -ий
 (ср.: из-, при-бѣл|ь, -ла, -ло, -ли; -ши, -ий)
- (прѣ)[не]брѣл|á, -ó, -ú — (прѣ)[не]брѣл|ь; -ши, -ий
влѣкл|á, -ó, -ú — *влѣк|ь*; -ши, -ий
трясл|á, -ó, -ú; -тí — (тряс|ь; -ши, -ий ~) †тряс|ь; †-ши, †-ий
прягл|á, -ó, -ú — [пря|ь; -ши, -ий; -чь (< *прячí) ~]

‡*прѣгъ*; ‡*-ши*, ‡*-шій*; ‡*прѣчь*

“Показано, что соответствующее изменение было обусловлено влиянием двух факторов — подвижного ударения (ср. *сѣк* — *сѣклá*, но *ѣл* — *ѣла*) и наличия после корневого гласного группы согласных (ср. *звезда* — *звѣзды*, но *стрела* — *стрѣлы*).”

Болѣе пристальное розсмотрѣніе вопроса позволяетъ объединить обѣ группы, придавъ этому объединенію характеръ звуковаго закона. «Подвижное» удареніе [на самомъ дѣлѣ чисто флексіонное: въ формахъ *обрѣлѣ*, *цвѣлѣ*, **свѣлѣ*, *сѣкѣ*, *бѣгѣ*, (*прѣ*)*небрѣгѣ*, *влѣкѣ* условное удареніе на неслоговомъ окончаніи реализуется, по общему правилу, лѣвѣе (при наличіи тамъ слоговаго гласнаго), т.е. на корнѣ] въ глаголахъ и инаго рода подвижное [флексіонное въ ед. и прѣдфлексіонное во мн., схема ударенія (с.у.) *d* по А. А. Залѣзняку] оба наслѣдуютъ праслав. акцентную парадигму (а.п.) *b* (со сплошной акцентовкой на флексіи); сочетаніе же согласныхъ послѣ *-ъ-* наличествуетъ и во всѣхъ глагольныхъ формахъ *l*-причастія (*обрѣлѣ* < **ob-rĕt-l-ĕ*, *цвѣлѣ* < **svĕt-l-ĕ*, **свѣлѣ* < **svĕt-l-ĕ*, не говоря уже о *сѣкѣ* < **sĕk-l-ĕ*, *бѣгѣ* < **bĕg-l-ĕ*, *не-брѣгѣ* < **ne-brĕg-l-ĕ*, *влѣкѣ* < **vlĕk-l-ĕ*).

Болѣе того, оказывается, что именно у корней съ а.п. *b* въ *l*-причастіи въ говорахъ съ безударнымъ ёканьемъ это ёканье и проявляется во вторичныхъ имперфективахъ, напр., *убѣгáтъ* (*бѣчь* изъ *бѣчи*: а.п. *b* [иммобилизація: неподвижная акцентовка на флексіи] въ *l*-причастіи, а.п. *c* [старая подвижная] въ презенсѣ (с.у. *b/b*); при *бѣгáтъ*, *-ю*, *-ешь*: а.п. *a* во всей парадигмѣ) vs. *розрѣзáтъ* (*рѣзáтъ*, *-жу*, *-жешь*: а.п. *a* во всей парадигмѣ спряженія).

Какъ минимумъ Украинскій демонстрируетъ дѣйствіе аналогичнаго закона [т.к. *ъ* > *іе* (> *i*), то онъ можетъ работать только на *л*]: *лягáла*, *-лѣ*, *-ліи*; *-тіи*, ‡*-чіи* — *лѣгъ*; *-ши* (1) || *лігъ*; *-ши* (2) || *лігъ*; *-ши* (3) [*ліи*] < (діал.) [*лѣдѣ*], [*лѣдѣ*] (> [*лѣдѣ*] > [*лѣдѣ*] и др); ‡*лѣчи* || *лічи* || *лічи*; ср. тж.: *лѣгма* (*лѣгма*?) || *лігма* || *лігма* [*лігма*] < [*лѣдѣма*], [*-ума*] (или < [*лѣдѣма*], [*-ума*]?) [~ ‡*лѣгма* (*лѣгма*?) || *лігма* || *лігма* [*лігма*] < [*лѣдѣма*], [*-ума*] (или < [*лѣдѣма*], [*-ума*]?), тж. ‡*лѣгма*; и ‡*лѣзѣма* ‘лежма’; (тж. *лѣзѣма*) ‘лѣжа’ (1 — система Максимовича, 2 — система Желеховскаго, 3 — совр. система).

Литература

Гротъ 1894 — Русское правописание. Руководство, составленное по порученію Второго Отдѣленія Императорской Академіи

Наукъ академикомъ *Я. К. Гротомъ*. II-е изданіе. Санктпетербургъ: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1894.

Ромашкевичъ 1898 — Полный русскій орфографическій словарь / Составилъ по академику Я. К. Гроту, Ф. Рейфу, В. И. Далю, Н. П. Макарову, А. Н. Чудинову, Александрову и др. *П. А. Ромашкевичъ* / Поправилъ и дополнилъ *А. А. Быковъ*. Изд. 6-е. С.-Петербургъ, [1898].

Н. Г. Брагина

Институт русского языка им. А. С. Пушкина (Россия, Москва)

Я. К. Грот и В. И. Даль: Диалог двух лексикографов

На улице Грота и улице Даля...

(М. Кукулевич)

В докладе речь пойдет о двух знаковых фигурах XIX века: В. И. Дале и Я. К. Гроте. В силу разных обстоятельств (биография, личные контакты, лексикографическое наследие) эти фигуры оказываются сближенными. Я. К. Грот был едва ли не первым рецензентом словаря Даля, и его отношение к словарю, в котором жесткая критика соединена с благожелательной оценкой, была необычайно важна для В. И. Даля. Это само по себе представляет интерес. Однако исторический аспект все же не является в докладе центральным. Отношения двух выдающихся личностей XIX века, профессионального лексикографа и лексикографа-любителя отчасти продолжают тему, сформированную как оппозиция: лингвистика vs любительская лингвистика. «Если бы я не рѣшилъ, очертя голову, то всѣ собранныя мною сокровища погибли бы ни за грошъ. Это же не словарь, а *запасы для словаря*» (из письма В. И. Даля Я. К. Гроту).

В словаре Даля проявляются черты любительской лингвистики в ее высоком изводе. В нем пронизательные и тонкие наблюдения соседствуют с ошибками и описками дилетанта языковое творчество с языковыми фактами. До сих пор словарь вызывает неоднозначное отношение в профессиональной среде при абсолютном приятии в среде непрофессиональной. Носители современного русского языка воспринимают его едва ли не как главный словарь русского языка на все времена. Это — еще один повод для того, чтобы обратиться к первым откликам на него, в числе которых главное место по праву занимает обстоятельная рецензия Я. К. Грота.

Н. В. БубноваВоенная академия войсковой противовоздушной обороны ВС РФ
им. Маршала Советского Союза А. М. Василевского (Россия, Смоленск)**Учебный лингвокраеведческий словарь
смоленских имен собственных как источник
культурно-исторических сведений о жизни региона**

Необходимость создания лингвострановедческого ономастикона, содержащего лингвистические комментарии к единицам, отобранным в учебных целях, была обозначена ещё в 1976 году на III Конгрессе МАПРЯЛ в Варшаве [Молчановский 1984, с. 2]. В современной лингвистике расширяется круг имён собственных, подвергшихся лексикографированию: наряду с традиционными словарями антропонимов и топонимов, объединяющими онимы по типу именуемого объекта, появляются лингвострановедческие ономастические словари: Русская ономастика и ономастика России (М., 1994); Словарь коннотативных собственных имён (Донецк, 2004); Россия. Большой лингвострановедческий словарь (М., 2007) и др.

Специфика данных словарей определяется тем, что имя собственное как своего рода «культурный знак» является носителем разноплановой лингвокультурологической информации, структурно-содержательно объединяющейся в рамках одного из трёх уровней: *общечеловеческого*, *общенационального* или *регионального / краеведческого* [Максимчук 2002, с. 110]. Овладение лингвокультурологическим содержанием онима можно рассматривать как продуктивный способ приобретения конкретной языковой личностью фоновых знаний [Верещагин, Костомаров 1990, с. 41]. По замечанию А. Д. Шмелёва, «пользуясь словами, содержащими неявные, «фоновые» смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключённый в них взгляд на мир» [Шмелев 2003, с. 309]. При этом важно отметить, что с позиций формирования конкретной языковой личности онимы регионального уровня (по причине своей непосредственной близости к воспринимающему субъекту) могут иметь даже большее значение, чем имена собственные более высоких уровней. Из сказанного следует, что антропоцентрически ориентированное описание ономастической лексики регионального уровня следует признать актуальной задачей лексикографии.

Рассмотрим возможности реализации сформулированной задачи на материале ономастического словаря Смоленского края,

разрабатываемого нами в русле исследования имён собственных в структуре региональных фоновых знаний смолян [Бубнова 2011].

Общая *структура* словаря, находящаяся в рамках теории учебной лексикографии Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, определяется, главным образом, его целью и адресатом. *Цель* словаря — предоставление адресату доступа к заключённой в именах собственных информации, составляющей важный компонент общеобязательных региональных знаний как основы социализации языковой личности (как первичной, так и вторичной) в региональном культурно-языковом пространстве. Словарь ориентирован на потребности различных *адресатов*, интересующихся местом и ролью Смоленского края в истории и культуре России: от носителей языка разных социальных групп (прежде всего, школьников и студентов) до инофонов.

Наиболее значимые с точки зрения лингвокультурологической ценности онимы сформировали разделы словаря «Административные территории» (включает описание всех 25 современных административно-территориальных центров Смоленской области) и «Персоналии. Часть I» (имена великих людей, родившихся на Смоленщине) и «Персоналии. Часть II» (имена исторических личностей, так или иначе связанных со Смоленским краем).

Особенностью структуры словарной статьи является выделение в ней двух словарных зон: зоны предметных сведений (ПС) и зоны языковых сведений (ЯС). Зону ПС *топонимов* составляют: сведения о местонахождении; количественная характеристика территории и населения; историческая справка; указание связанных с населённым пунктом событий; название достопримечательностей и известных людей (каждой указанной здесь исторической личности посвящена статья словаря в разделе «Персоналии»). К числу ЯС о топонимах относится указание: формы родительного падежа; образуемого оттопонимного имени прилагательного; наименование жителей (этнонимы), связанных с данным топонимом; устойчивые сочетания, в которые входит название; этимология названия поселения. В структуру ПС словарной статьи с заголовочной единицей *антропонимом* входят следующие позиции: время и место рождения (в том случае, если оно связано со Смоленщиной); род деятельности носителя имени; его мировоззрение (идейно-политические, художественные и др. взгляды); основные события,

сопутствующие биографии; произведения; другие (индивидуальные) сведения; связь со Смоленским краем. К числу ЯС об антропонимах относится указание: формы родительного падежа; образуемого отантропонимного имени прилагательного и возможного имени существительного (например, гагаринцы); ассоциативно-культурного фона [Максимчук 2002, с. 166] и этимологии.

Такая организация словарных статей позволит использовать словарь как справочное пособие для выяснения правильного написания, произношения и употребления имени собственного и его производных (в том числе — в составе фразеологических единиц в их широком понимании), а также для получения общих сведений о носителе имени.

Данный словарь может стать частью серии лингвокраеведческих ономастических словарей для создания Большого общенационального словаря онимов, который позволит получить широкое представление об особенностях историко-культурного развития России и её регионов.

Литература

- Бубнова Н. В.* Имена собственные в структуре региональных фоновых знаний смолян. Дисс. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2011
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
- Максимчук Н. А.* Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. В 2-х частях. Смоленск: Изд-во СГПУ, 2002. Часть 1.
- Молчановский В. В.* Лингвострановедческий потенциал топонимической лексики русского языка и его учебно-лексикографическая интерпретация. Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М.
- Шмелёв А. Д.* Сквозные мотивы русской языковой картины мира // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. СПб.: Политехника, 2003.

Е. П. Буторина

Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва)

Я. К. Грот о просветительской деятельности Петра Великого и современные деловые коммуникации

Коммуникация расценивается некоторыми исследователями не как вспомогательный инструмент человеческой деятельно-

сти, а как форма существования человека [Pearce 2001], потому что выбор коммуникативных действий определяет реализацию лишь некоторых из бесконечного числа возможностей, определяющих будущее.

В современных условиях необходима упреждающая деятельность по нормализации и кодификации языка, состоящая в определении того, какие единицы и структуры будут наиболее эффективно функционировать в условиях ускорения и усложнения глобальных коммуникационных потоков.

«Язык — это инструмент и преобразования, и систематизации информации, и, следовательно, категоризации явлений. Таким образом, он представляет собой операционную систему, которая дает возможность участвовать в социальных интеракциях и, более того — их предвидеть, а значит, в определённой степени создавать будущее» [Бугайски 2010: 20]. Язык представляет собой общий для всего социума инструмент, возможность использования которого определяет границы сообщества.

По свидетельствам Я. К. Грота, Петр I опирался в своей языковой политике прежде всего на функциональный критерий, настаивая на введении языка, понятного не только для элиты. «Поэтому неудивительно, что Петр уже чувствовал необходимость заменять, по крайней мере в книгах, назначенных для практической пользы, славянский язык просторечием. Эта мысль не раз выражается в наставлениях, которыя от имени Государя давались переводчикам. Так Мусин-Пушкин, возвращая Поликарпову переведенную им географию, писал ему, что она переведена «гораздо плохо» и прибавлял: «того ради исправь хорошенько не высокими словами словенскими, но простымъ русскимъ языкомъ, такожь и лексиконы. Со всѣмъ усердіемъ явися и высокихъ словъ словенскихъ класть не надобеть, но посольскаго приказа употреби слова» [Гротъ 1872: 41]. Заметное место в деятельности Петра I, как отмечал Я. К. Грот, отводилось расширению границ языкового и культурного влияния. «При взятіи Риги Петръ, обративъ вниманіе на университетъ, находившійся въ Пернау, выразилъ намѣреніе посылать туда, для обученія, молодыхъ людей изъ своего государства и учредить въ высокой школѣ особаго профессора, который бы могъ обучать славянскому (т. е. русскому литературному) языку и ввести его туда» [Гротъ 1872: 18].

В современных условиях деятельность по нормализации языка предполагает рассмотрение региональных вариантов деловой речи [Ахметова 2008]. По нашим наблюдениям, деловые тексты на современном русском языке, ориентированные на глобального адресата, отличаются низкоконтекстностью по сравнению с традиционно высококонтекстными (в понимании Г. Хофстеде [Hofstede 2010]) русскоязычными текстами, т.е. можно говорить не только о лексических региональных вариантах языка, но и о различиях текстов на уровне деловых культур [Буторина *в печати*].

Если эти различия не принимаются во внимание, возможен разрыв между актуально функционирующими узусами и кодифицированной нормой, что, в свою очередь, может привести к диглоссии, когда русский язык окажется не в состоянии обслуживать интеллектуальную деятельность сообщества (научный и деловой стили). Влияние английского языка на деловые коммуникации [Кристал 2001] может снижать системные возможности развития семантического пространства и ограничивать социальные функции других языков.

Деятельность лингвиста в области работы с языковыми нормами и культурой речи в современных условиях разнообразна: помимо изучения современных процессов коммуникации на русском языке во всём мире, теоретического обоснования принимаемых решений [Бодуэн де Куртенэ 1963] и их кодификации она должна включать значительную просветительскую составляющую, поскольку лишь убеждённость в ценности языка способна стать причиной активного и сознательного отношения к его нормам. Необходимым условием успешной языковой политики является возвращение к осознанию общественными и государственными структурами ценности национального языка как культурного достояния, средства коммуникации, социализации и формирования идентичности. Последнее, по свидетельствам экономистов, играет определяющую роль в деловых коммуникациях [Акерлоф, Крэнтон 2011].

Литература

- Акерлоф Д. А., Крэнтон Р. Е. Экономика идентичности. Пер. с англ. Д. Стороженко/ М., 2011.
- Ахметова М. В. Региональная вариативность терминов, связанных с городской недвижимостью (по материалам электронной базы периодики «Интегрум») // Компьютерная лингвистика и интел-

лектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.). М., 2008. С. 32–38. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/5.htm> (дата обращения 16.08.2012).

Бодуэн де Куртене И. А. О задачах языкознания // Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1.

Бугайски М. Язык коммуникации / Пер. с польск. Х., 2010.

Буторина Е. П. Пространство деловых культур русского Интернета. Филологические науки. Теория и практика. В печати.

Гротъ Я. К. Петръ Великий какъ просвѣтитель Россіи. СПб., 1872. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003545379#?page=6> (дата обращения 21.08.2012); http://az.lib.ru/g/grot_j_k/text_0020.shtml (совр. орф.).

Кристал Д. Английский язык как глобальный. М., 2001.

Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. McGraw-Hill Irwin, 2010.

Pearce B.W. A Brief Introduction to “The Coordinated Management of Meaning” (“СММ”) / “Introducción a la teoría del Manejo Coordinado del Significado”, *Sistemas Familiares*, 2001. 17: 5–16. URL: http://www.russcomm.ru/eng/rca_biblio/p/pearce.shtml (дата обращения 21.08.2012).

И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова

Уральский Федеральный университет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Языковая норма и узус:

заметки на полях орфоэпического словаря*

Проведенное на основе разработанных М. В. Пановым и его единомышленниками экспериментальное исследование узуальных предпочтений студентов-первокурсников екатеринбургских вузов (будущих авторитетных носителей русского языка) позволяет сформулировать ряд выводов о тенденциях развития языковых норм. В докладе будут представлены наблюдения, которые, возможно, позволят уточнить отдельные пометы, принятые в лексикографической практике. Опорный источник — «Орфоэпический словарь русского языка» под ред. Р. И. Аванесова (6-е изд., 1997).¹

Помета «допустимо» (доп.) в соответствии с ее объяснением, представленным в предисловии, выделяет «менее желательный

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № III-04-00501a «Кодифицированная норма и региональный узус»).

¹ В тексте ссылки на страницы приводятся по этому изданию.

вариант нормы в пределах правильного» (с. 5). Примеры: *творо́г* и доп. *твóрог*, *отдал* и *отда́л*. Не требует доказательства тот факт, что частотность реализации в речи конкурирующих вариантов оказывает влияние на их соотношение, определяя критерий коллективной «желательности», вектор выбора. Так, акцентный вариант *твóрог* (не без поддержки телевизионной рекламы) стал более «желательным», чем вариант *творо́г*. По данным анкетного опроса 99 % студентов-первокурсников выбирают акцентный вариант *твóрог*. Возможно, что в подобных случаях помету «допустимо» целесообразно заменить союзом *и*, указывающим на фактическое равноправие вариантов, но, отдавая дань литературной традиции, на первое место поставить вариант *творо́г* (*творо́г* и *твóрог*). Именно порядок следования вариантов окажется психологически значимым, позволит ненавязчиво рекомендовать пользователю один (первый по порядку) вариант, отразив точку зрения составителей словаря.

Положение о «незначимости» следования вариантов (с. 5) является спорным, так как задача Словаря — установить вектор отбора уместного варианта. Так, в наши дни высокочастотным стало слово *церковь*. При этом обусловленная мягкой основой падежная форма множественного числа *церквям* фактически вытеснила вариант *церквам*, отсутствующий, как свидетельствуют данные анкетного опроса, в речи студентов. Опрос студентов Миссионерского института при Ново-Тихвинском женском монастыре (г. Екатеринбург) выявил аналогичную тенденцию: 60 % опрошенных предпочитают вариант *церквям*; 33 % — вариант *церквам*; допускают возможность употребления и первого, и второго вариантов — 7 % информантов. В подобных случаях уместнее было бы использовать словарную помету **доп. устар.** (*церквям* и **доп. устар.** *церквам*), а не трактовать варианты как равноправные: *церквам* и *церквям* (с. 614). Параллельно отметим целесообразность использования в орфоэпическом словаре регламентирующего указателя «в церковно-религиозной речи».

Помета «допустимо устаревающее» (**доп. устар.**), как справедливо подчеркивают составители, сообщает, что оцениваемый ею вариант «постепенно утрачивается» (с. 5). Ср. два примера: *коричневый* [доп. устар. *ин^b*] (с. 216); *горничная* [доп. устар. *ин*] (с. 105). Результаты анкетного опроса показали, что в первом случае зву-

косочетание [*ин^b*] вышло из употребления; во втором случае, вопреки общей тенденции к побуквенному произношению, сочетание [*ин*] все еще является конкурентоспособным. Именно поэтому вариант [*ин^b*] для слова *коричневый* целесообразно отметить как устаревший (**устар.**), а вариант [*ин*] для слова *горничная* — как устаревающий (**доп. устар.**). Подобная дифференциация позволит разграничить актуальный процесс конкуренции вариантов и завершение этого процесса, ушедшую «старшую» норму и затухающую «старшую» норму, представленную в речевом узусе. Аналогично: рекомендацию «допустимо» можно снять в случаях *сливочный* [**устар.** *ин*], но для слов *порядочный*, *балалаечный*, как и предлагает Словарь, оставить имеющуюся последовательность вариантов. Выделенный список единиц проходит не завершившееся испытание узусом. В то же время очевидное вытеснение «старшего» варианта «младшим» логичнее маркировать пометой *устар.* Например, только пометой *устар.*, а не *доп. устар.* целесообразно отметить такие формы глагола *сечь*, как *сэкла*, *сэкло*, *сэкли* (с. 515); сняв двойную помету *доп. устар.*, сопроводить пометой *устар.* глагольные формы *придал*, *придало* (с. 431); сняв двойную помету *доп. устар.*, оставить только помету *устар.* для вышедших из употребления вариантов *запречь*, *запрёгши*.

Если согласиться с тем, что помета *устар.* указывает на завершение процесса устаревания варианта, то избыточной становится первая часть пометы *не рек. устар.* Например, в Словаре такую помету получает исчезнувший вариант женского рода существительного рояль: **не рек. устар.** рояль, -и, *ж.* (с. 497). Не конкурируют в современной русской речи вариантные формы *рюкзака́* и *рюзза́ка* (с. 500), следовательно, для формы с безударным окончанием необходима и достаточна помета *устар.* Аналогичная процедура может быть использована для вариантов, невостребованность которых в речи очевидна и не требует специальной экспериментальной проверки: *наёмник* — **устар.** *наёмник* (с. 271), *иероглиф* — **устар.** *иерогли́ф* (с. 177). Для варианта *пройдённый* (с. 448) помета *не рек. устар.* также может быть заменена пометой *устар.*

Устранение первой части пометы *не рек. устар.* будет способствовать выделению хронологической отмеченности варианта, которая естественно вытесняет последний из современной речевой практики.

И. Г. Воробьева

Тверской государственный университет (Россия, Тверь)

Академик Я. К. Грот и тверской краевед А. К. Жизневский

Яков Карлович Грот (1812–1893) за годы своей успешной академической карьеры познакомился и поддерживал отношения со многими российскими интеллектуалами, о чем свидетельствует его обширный архив. В Тверской губернии, расположенной меж двух столиц, его корреспондентом был Август Казимирович Жизневский, и их дружба продолжалось более 30 лет.

А. К. Жизневский (1819–1896) — один из основателей Тверского музея и первый председатель Тверской губернской ученой архивной комиссии. Этнический поляк, римско-католического вероисповедания, он родился в Витебской губернии. Окончив Московский университет, Жизневский с 1841 г. и до конца дней пребывал на государственной службе. В Тверскую губернию впервые он был назначен в 1851 г., а с 1869 г. жил в Твери постоянно, занимая должность управляющего Казенной палатой и дослужившись до чина тайного советника.

В архиве А. К. Жизневского сохранилась переписка с семейством Гротов. В этом деле, насчитывающем 147 листов, представлены письма и телеграммы, написанные с 1862 по 1896 г. Письма самого Жизневского находятся в личных фондах Гротов, в частности в ПФА РАН.

С академиком Я. К. Гротом Жизневский впервые встретился в Казани летом 1862 г., куда тот приезжал для собирания сведений, касающихся биографии Г. Р. Державина. «Я снабдилъ Я. К. тарантасомъ для поѣздки въ с. Кармачи и Сокуры, гдѣ родился Державинъ», — вспоминал Жизневский. Позднее он предложил академику для прочтения свою рукопись. «Я. К. понравилась моя путевая записка: “20 дней моихъ вакацій”. Онъ отвезъ ее въ редакцію “Русскаго Вѣстника”, но тамъ признано невозможнымъ напечатать ее, т.к. въ ней заключались сцены только что упраздненнаго», — записал он.

В письмах 1870-х гг. Грота к Жизневскому регулярно обсуждались вопросы этимологии и лексикографии русского языка, в Тверь отправлялись новые книги академика. В Отделе редких книг Научной библиотеки ТвГУ имеются три книги Я. К. Грота с дарственными надписями Жизневскому. На издании «Жизнь

Державина по его сочиненіямъ и письмамъ и по историческимъ документамъ» сделана памятная надпись: «Августу Казимировичу Жизневскому въ знакъ стариннаго глубокоуваженія отъ автора. 25 октября 1880 г.».

Жизневский, в свою очередь, высылал копии русских рукописей и надписей на камнях, сообщал диалектные слова, которые Грот называл «словарный гостинец». Приложенные к письму слова академик предполагал передавать В. И. Далю, готовившему 2-е издание своего словаря. С ним Жизневский познакомился весной 1870 г. О «филологических занятіяхъ» Жизневского Грот сделал сообщение в заседании Академии наук (август—сентябрь 1869 г.). В одном из писем высказывалась надежда, что «Вы и при дальнѣйшихъ своихъ занятіяхъ не оставите продолжать лингвистическія наблюденія и будете дѣлиться ими съ людьми профессіи. Если бы было у насъ побольше людей, подобныхъ Вамъ по дѣятельной любознательности и любви къ филологіи, какъ быстры могли быть успѣхи науки!» После смерти академика Жизневский писал его сыну в октябре 1893 г.: «Память о покойномъ Яковѣ Карловичѣ будетъ присуща мнѣ, не потускнѣетъ, чему можетъ служить ручательствомъ вошедшая у меня въ привычку страсть подмѣчать слова, не вошедшія въ “Толковый словарь живого великорусскаго языка” (В. И. Даля) и собирать для него. У меня и теперь находятся такія слова...»

Цени интерес Жизневского к народному языку, Грот писал 27 июня 1870 г. из Рязанской губернии в Тверь: «Одинъ изъ матеріаловъ, такъ радушно доставленныхъ мнѣ Вами для изданія русской народной словесности, позволилъ я себѣ передать издателю пѣсень, учителю Витебской гимназіи Павлу Васильевичу Шейну, которій достоинъ всякой поддержки, потому что онъ одинъ изъ самыхъ усердныхъ и добровоспитанныхъ собирателей. Два года тому назадъ онъ приѣзжалъ ко мнѣ сюда въ деревню, и я видѣлъ, какъ хорошо онъ вель свое дѣло. Часть его сборника уже напечатана въ Московскихъ чтеніяхъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ онъ собирается въ Москву и, вѣроятно, затѣмъ въ Тверь, а въ этомъ случаѣ непременно явится къ Вамъ». Далее в письме Грот просил оказать ему содействие и «удѣлить что-нибудь изъ Вашихъ коллекцій».

Заметим, что Грот, как автор многих учебников по русскому языку, настороженно относился к живой речи. Так, в письме от

16 декабря 1884 г. он писал: «Я слышу часто: изъ Твери́: это не-вѣрно; подобное удареніе правильно только въ предложномъ падежѣ, какъ въ нарицательныхъ именахъ: въ кровѣ, въ тѣнѣ; но нельзя говорить: изъ кровѣ, отъ тѣнѣ вмѣсто изъ кровѣ, отъ тѣнѣ. Припоминаете у Пушкина: шли отъ Пѣрми до Тавриды». Сам он писал: «Мнѣ съ самага прѣзда изъ Твѣри...»

С началом деятельности ТУАК (с 1884 г.) Жизневский регулярно высылал академику ее издания, в частности свою публикацию о Ф. Н. Глинке и книгу стихов поэта с автографом. Пригодились Гроту и труды члена ТУАК В. И. Колосова. 2 октября 1888 г. он писал Жизневскому: «Съ большимъ интересомъ прочель въ Русской старинѣ статью о Пушкинѣ въ Тверской губерніи. Воспользуюсь ею для своей “Хронологической канвы для библиографіи Пушкина”». Кстати, Жизневский собрал в 1871 г. значительную сумму денег на памятник Пушкину, за что Комитет выразил ему благодарность.

Летом 1884 г. Грот был гостем Жизневского, посетил Тверской музей и высоко оценил старания друга в сбережении древностей: «Это прекрасное дѣло, за которое Вамъ будетъ обязано потомство, и примѣру Вашему должны бы слѣдовать во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, но жаль, что такихъ просвѣщенныхъ дѣятелей, какъ Вы, у насъ мало».

Академик Грот принял активнейшее участие в публикации в «Журнале Министерства народного просвещения» доклада об уникальной находке рукописи Юрия Крижанича, прочитанной тверским учителем В. И. Колосовым, чем содействовал введению этого труда в науку¹.

С семьей Гротов Жизневского связывали служебные обязанности, научные интересы и человеческая симпатия. Поздравления с семейными торжествами, праздниками, искреннее внимание к житейским радостям и проблемам, увлеченное обсуждение научных занятий — все это показывает взаимное расположение корреспондентов. Я. К. Грот обращался к А. К. Жизневскому со словами: «Примите, высокоуважаемый другъ (ибо какъ иначе называть человѣка, столь искренно и постоянно къ намъ расположеннаго), нашу извѣчную благодарность за Ваши ласки, за Ваше все-

¹ Об истории публикации рукописи см.: Тверская рукопись Юрия Крижанича / сост. И. Г. Воробьева, В. М. Воробьев. Тверь, 2008.

гдашнее вниманіе къ нашимъ трудамъ».

От общения Жизневского с семьей Гротов остался реальный результат — коллекция книг, сохраненная тверскими библиотекарями и востребованная молодыми историками и филологами Тверского госуниверситета, и письма, рассказывающие о напряженной и содержательной научной и культурной жизни в России во второй половине XIX столетия.

Т. П. Вязовик

Северо-Западный институт печати Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна (Россия, Санкт-Петербург)

К постановке проблемы лексикографического описания одного из значений частицы «вот»

Одной из животрепещущих проблем лексикографии является противоречие между лингвистическим описанием языковых явлений в ходе их изучения и их фиксацией в словарях. Как отметил В. В. Морковкин, общезначимая лингвистическая интерпретация, на которую мог бы опереться лексикограф, является скорее исключением из правил, чем правилом. «Правилом же является ...наличие широкого спектра альтернативных, несходных и взаимно дополнительных точек зрения практически по каждому из существующих вопросов...»¹. Это находит отражение в различных трактовках одного и того же явления в разных словарях.

Данная проблема с очевидностью проявилась при описании значений частицы «вот», а именно значений сочетаний ударного «вот» с вопросительно-относительными местоимениями, типа *вот что, вот какой, вот почему* и др.² В словарях их обычно рассматривают как одно из значений частицы. Однако трактовки этих значений в разных словарях далеко не одинаковы. Можно выделить несколько вариантов.

Согласно первому частица «вот» в таких сочетаниях усиливает и уточняет расположенные рядом местоименные слова. Например, в двадцатитомном академическом Словаре читаем: « В сочетаниях с местоимениями и местоименными наречиями употребляется для уточнения и усиления их значения (с логическим ударе-

¹ В. В. Морковкин. Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» // Вопросы языкознания, 1987. № 6. С. 34.

² Местоимения мы понимаем широко, включая в их состав местоименные наречия.

нием на частице *вот*) : *Вот в чем вопрос. Вот что я вам скажу. Вы вот что сделаете...»*¹. Такая же интерпретация этому значению дается в Малом академическом словаре², Большом толковом словаре³, в Словаре русского языка XVIII в.⁴ и ряде других.

Вместе с тем очевидно, что в сочетаниях этого типа частица «*вот*» не «усиливает» и не «уточняет» значение вопросительных местоимений, но кардинально меняет их семантику, преобразуя относительно-вопросительные местоимения в разряд указательных, чему способствует акцентологическое выделение частицы. Тем самым она теряет лексическую самостоятельность, приближаясь к морфемам. Особенно ярко это проявляется в вопросно-ответных конструкциях. Например: «[Катерина:] *Возьми ты с меня какую-нибудь клятву страшную...* [Кабанов:] *Какую клятву?* [Катерина:] *Вот какую: чтобы не смела я без тебя ни под каким видом ни говорить ни с кем чужим, ни видаться*»⁵.

Несмотря на эти интерпретационные недостатки, фиксируемые словарями значения усиления и уточнения, которые приобретают местоимения, включающие в свой состав частицу «*вот*», имеют несомненную научную ценность.

Дело в том, что особенностью подобных указательных местоимений является обязательная ударность «*вот*», что отмечают абсолютно все лексикографы. Эта ударность грамматикализована, поскольку именно этот признак позволяет дифференцировать «*вот*» как частицу и «*вот*» как структурный элемент местоимения. Частица в сочетании с вопросительными местоимениями всегда безударна, в отличие от «*вот*» — всегда ударного структурного компонента указательного местоимения. Сравни: *Но вот КТО пришел? ВОТ кто: Петя*⁶.

Второй вариант интерпретации подобных сочетаний отражен в Толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова: «В сочетании

¹ БАС — 2. М.: «Русский язык», 1991. Т.2. С. 510.

² МАС — 3. М.: «Русский язык», 1985. Т. 1. С. 219.

³ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: «Норинт», 1998. С. 153.

⁴ Словарь русского языка XVIII века. Л.: «Наука», 1988. С. 103.

⁵ Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.—Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. Т. 2. С. 74.

⁶ См.: Вязовик Т. П. Указательные местоимения, включающие в свой состав частицу ВОТ // Русский язык в школе. 1980. № 1. С. 82–86.

с последующими вопросительными местоимениями ... придает им смысл указания на что-н., находящееся перед глазами или непосредственно последующее или предшествующее (причем ударение падает на *вот*, а местоим. и нареч. произносятся без ударения). *Вы вот что сделайте: помажьте рану иодом и забинтуйте. Так вот где таилась погибель моя!*¹. Такое же значение частицы фиксируется в Словаре В. В. Лопатина².

Как видим, речь идет о том, что вопросительные местоимения в сочетаниях с частицей «вот» преобразуются в указательные. Более того, в Словаре зафиксированы две основные функции указательных местоимений — дейктическая (указывает на «находящееся перед глазами») и анафорическая функция (указывает на «непосредственно предшествующее или последующее»). При такой трактовке частица «вот» меняет семантику местоимения, превращаясь из служебной части речи в служебную морфему.

Наконец, в Словаре С. И. Ожегова и в словарях Н. Ю. Шведовой³, при интерпретации значения частицы «вот», авторы исходят из того, что в данных сращениях «вот» является не частицей, а местоименным наречием. При этом данное наречие придает всему сочетанию «смысл подчеркнутого указания на что-н. в соответствии с их значением. *В. что я тебе скажу. В. какой вопрос. В. в чем вопрос. В. какое дело. В. куда попал.*»⁴. Однако, невзирая на трактовку «вот» (частица, наречие), его роль в данных сращениях неизменна: оно является структурным элементом указательного местоимения. Представляет интерес тот факт, что автор отмечает и значение указания, отмеченное в Словаре Ушакова, и функцию усиления («подчеркнутое указание»), фиксируемую большинством толковых словарей.

В Семантическом словаре исследовательница пошла дальше, вписав отмеченные значения в концепцию местоимений как исходных смыслов, отметив, что следствием «подчеркнутого указания» в соответствии со значением местоимений является по-

¹ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: «АСТ»: «Астрель», 2009. С. 124.

² Лопатин В. В. Толковый словарь современного русского языка. М.: «Эксмо», 2011. С. 86.

³ Вопрос о словообразовательных частицах в данной работе не поднимается.

⁴ Ожегов С. И. Там же.

явление у них «смысла определенности»¹, что вписывается в концепцию Н. Ю. Шведовой о местоимениях как исходных смыслах. Более того, в посвященной этой проблеме монографии среди примеров местоимений со значением определенности называются и местоимения типа *вот что* (с ударным «вот»)².

Несмотря на то, что детальное изучение частиц началось относительно недавно и не лишено противоречий, как и исследование местоимений, лексикографы вносят свой вклад в познание языковых единиц. Вместе с тем, думается, сочетания типа *вот что, вот почему* и др. с ударным «вот» целесообразно рассматривать в толковых словарях как местоимения или местоименные наречия в отдельных словарных статьях, как в ряде случаев, хотя и не последовательно, делают авторы словарей так называемой «периферийной» лексики (неполнозначных слов, наречий, местоимений)³.

Е. Н. Геккина

Институт лингвистических исследований РАН (Россия, Санкт-Петербург)

«Все прощу, кроме -тся и -ться»

(К типологии метаязыковых оценок в интернет-текстах)

Под *метаязыковыми оценками* понимаются высказывания, содержащие информацию о соблюдении / несоблюдении говорящими и пишущими норм культуры русской речи. Таким образом, объектом метаязыковой оценки являются общезыковые, этические и коммуникативные нормы. В состав аксиологического высказывания такого типа дополнительно могут быть включены функциональные (социально и/или хронологически маркированные) характеристики фактов языка и речи, а также компоненты, эксплицирующие мотивационные установки субъектов метаязыковых оценок. Границы наших наблюдений очерчены суждениями рядовых носителей русского языка. В качестве материала для исследования служат метаязыковые высказывания в интернет-текстах: посты и комментарии в блогах (в частно-

¹ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. М.: «Азбуковник», 1998. Т. 1. С. 45.

² Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: «Азбуковник», 1998. Н. Ю. Шведова называла их местоименными фразеологизмами.

³ См, например: Рогожникова Р. П. Словарь эквивалентов слова. Наречные, служебные, модальные единства. М.: «Русский язык», 1991. С. 56–60.

сти, в «Живом журнале»), статьи и комментарии в электронных СМИ, комментарии к публикациям на тематических сайтах, в социальных сетях (за период 2011–2012 гг.).

Анализ метаязыковых высказываний с точки зрения обсуждаемых в них фактов языка и речи опирается на классификацию, предусматривающую разграничение собственно языковых единиц лексического, морфологического и синтаксического уровней — с одной стороны, и с другой — фигур выражения языковых единиц в устной и письменной речи (фонологический и орфоэпический аспекты; графический, орфографический и пунктуационный аспекты).

Выполненные на основе этой классификации обмеры языкового материала в вопросах архивной базы двух справочных служб — телефонной Службы русского языка ИЛИ РАН и интернет-службы информационно-образовательного сайта «Культура письменной речи» (www.grammar.ru) — показывают, что сравнительную картину ситуаций поиска и оценки речевых ошибок разных типов авторами адресованных справочной службе запросов, преимущественно рядовыми носителями русского языка, характеризуют соотносительные статистические данные. В частности, в категории вопросов «*Как правильно?*», эксплицирующих установку автора на соблюдение норм литературного языка и корректировку речевых ошибок, почти половина обращений (около 50 %) посвящена нормам письменной речи (орфографии и пунктуации) и орфоэпии; «лексические» вопросы представлены долей, равной примерно 25 %; такие же объемы (около 25 %) характеризуют и «грамматическую» часть двух архивов, объединяющую вопросы о словообразовании, морфологии и синтаксисе.

Обследование языкового материала в оценочных метавысказываниях, извлеченных из интернет-текстов, позволяет установить иные, отличающиеся статистические показатели объектов внимания защитников правильной речи и сторонников права на безграмотность. Прежде всего, очевиден «орфографический» уклон большинства дискуссий на тему «Грамотная речь». В нашем материале реплики о гласных и согласных буквах, слитном, дефисном и раздельном написании слов, уместном или неуместном употреблении прописных и строчных букв занимают более половины всей выборки, составленной из высказываний,

в которых упоминаются языковые единицы или фигуры их выражения в устной и письменной речи (в том числе обозначающие их лингвистические термины). Совокупные показатели метаязыковых оценок, касающихся норм графики, орфографии, пунктуации и орфоэпии, то есть оценок фигур выражения языковых единиц в письменной и устной речи, достигают 75 %. На этом фоне данные о метаязыковых высказываниях на лексическую тему выглядят скромно — около 15 %. Доля метаязыковых реплик, посвященных грамматическим проблемам, еще меньше — около 10 %. Здесь следует отметить, что наблюдения и оценки, имеющие отношение к синтаксическим конструкциям, единичны. Спорадические, хотя и активные, дискуссии синтаксической направленности могут ограничиваться обсуждением вариантов одной конструкции (ср.: *на Украину — в Украину*).

Если прибегнуть к сравнительно-обобщенным характеристикам, то можно констатировать: каждое второе метаязыковое оценочное суждение в анализируемой выборке посвящено нормам орфографии. При этом часто авторы метаязыковых реплик обнаруживают стремление выдвинуть системно-языковые, коммуникативные или эпистемологические обоснования «правильных» вариантов (ср. обсуждение употребления мягкого знака при написании глаголов: *если в вопросе есть мягкий знак, значит и в ответе он должен быть; это принципиально разные формы глагола, а не просто опечатка*¹).

Орфографическая реальность метаязыковой критики определяет и некоторые случаи, квалифицируемые авторами как «грамматические ошибки» (Ср.: *А я, к своему стыду, без грамматической ошибки вообще не могу обойтись. Орфографический кретинизм какой то*)².

Преобладающая орфографическая тематика оценочных метавысказываний едва ли объясняется исключительно орфографоцентризмом отечественной дидактики. Как представляется, свою роль в выборе приоритетов метаязыковой критики в текстах ря-

¹ Здесь и далее графика и стилистика оригиналов сохранены.

² Интересно, что употребление терминологических номинаций *ошибки в речи, речевые неточности* по отношению к материалу, содержащему только и только примеры отступлений от орфографических норм, может быть свойственно и профессиональным лингвистам.

довых носителей также играют составляющие нейролингвистического механизма вербализации и девербализации, обслуживающего процессы речепорождения и речевосприятия. Вероятно, в ракурсе такой интерпретации отсутствие метакомментариев о нарушениях синтаксических норм значимо и может рассматриваться в качестве косвенного подтверждения деятельного «участия» в оценке речи нейролингвистических по природе факторов.

Л. М. Грановская

Бакинский славянский университет (Азербайджан, Баку)

Нормы и нормативные оценки в русском литературном языке в последние десятилетия XIX — начале XX столетия

1. В предлагаемом сообщении о нормах и нормативных оценках рассмотрены язык и стиль русской философской литературы, получившей развитие в последние десятилетия XIX и начале XX-го столетий, и язык Государственной Думы — первого русского парламента.

Локализованные в пределах этого времени как особые стилистические системы, они в последующем не получили развития. Научное творчество выдающихся русских философов после Октябрьской революции продолжалось за рубежом. Думское красноречие сохранили стенографические отчёты Государственной думы, в которых отражены манеры говорения выдающихся русских политических ораторов и блестящих полемистов. По мнению Я. К. Грота, именно в последние десятилетия XIX в. «оцѣнкамъ подвергались цѣлыя сферы идей и цѣлыя разряды словъ» (*Я. К. Гротъ. Филологическія разысканія. СПб., 1873*). Однако сложившаяся к этому времени тонко дифференцированная система оценок (*семинарское, бурсацкое, гостинодворское, гимназическое, бульварное, кафе-шантанное, декадентское* и др.) позднее была утрачена.

2. В последние десятилетия XIX в. язык русской философии представлен традиционными формами изложения, сформировавшимися с конца 30 — 40-х гг. XIX в., и новыми, которые в известной степени разрушили традиционный стиль философствования.

Декларируется право на стилистическое изящество и барочную вязь в «спиралях мыслей» (Л. П. Карсавин), а лирические отступления, параллели, портреты стали «не случайным и внешним придатком философии, но подлинной основой, мистическим её

документированием» (С. Н. Булгаковъ. Тихія думы. М., 1918, с. 139).

Стилистические процессы, традиционно относимые к языку религиозной философии, на самом деле коснулись и других философских направлений. Исследователи научного и художественного творчества отошли от единого, логически стройного, трактатного способа изложения, преодолели известную границу, разделяющую сферу чисто академических исследований и культурной практики. И. И. Лапшин назвал эту тенденцию «духовной синергией».

Литературная одарённость и переводческая деятельность русских философов, талантливое популяризаторство новых идей, интерпретация новых терминов и понятий, заимствованных из переводной литературы, — темы, неизменно входящие в языковую оценку исследований.

Философский язык Н. Я. Грота, С. Н. Трубецкого, В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова, Н. И. Лапшина, Л. М. Лопатина, П. А. Флоренского и др. сформировался в ту эпоху, когда лингвистика, не интересовавшаяся проблемами гносеологии, и философия, далёкая от вопросов языковедения, подошли к анализу общих проблем: комментированию внутренней формы слова, способов интерпретации термина и его поля, пределов допустимой метафоризации научного языка и др. С конца 80-х годов в концепциях русской религиозной философии были рассмотрены местоимения как символы сверхбытия, создающие в семантическом пространстве языка стройную систему противопоставленных элементов.

3. Литературные нормы в начале XX столетия вырабатываются в парламентском языке (в обращениях, формулах вежливости, отказе от бесцельности и неуместности использования средств митингового характера). Однако на думские трибуны поднимались, по выражению князя Д. Голицына, «потомки всех сыновей Ноя», отражающие позиции разных социальных слоев и политических партий. Высокость слога, обращение к литературным сюжетам и образам, приёмы цитирования вступают в конфликт с ораторством, ориентированным на разговорно-сниженную речь (например, у депутатов рабочей фракции, которых П. Н. Милюков неизменно призывал к «умеренным средствам выражения»).

Показательно, что судебная комиссия высказалась за учреждение в составе Думы особого дисциплинарного суда, который

рассматривал бы дела о злоупотреблении депутатским словом.

4. В последние десятилетия XIX–XX вв. в преддверии правовой реформы появились работы по теории и философии нормативного, государственно-социального и психологического права (Л. И. Петражицкий, Б. А. Кистяковский, Н. И. Новгородцев и др.). В структуру этих текстов вводится обширный полемический материал: термины осознаются как социально-структурированные единицы, в которых значения и интенции уже имеются в наличии. По мнению И. Ф. Анненского, на фоне индивидуальных художественных систем начинают вырабатываться некие «литературные схемы». Очевидно, их предстоит выявить и описать.

Т. М. Григорьева

Сибирский федеральный университет (Россия, Красноярск)

Известнейший «генерал от правописания»

В юбилейной статье к 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина С. Я. Маршак привел цитату из выступления Я. К. Грота о значимости поэта для русской литературы, произнесенной в собрании Общества любителей российской словесности в год открытия памятника на Тверском бульваре. При этом он назвал академика «известнейший генерал от грамматики» (Три юбилея. Правда. 1937. 9 февраля). Такая оценка деятельности Грота, возможно, справедлива, если не считать, что грамматика — это раздел языкознания, занимающийся изучением только грамматического строя языка, но исходить из ее первоначального значения: она тождественна науке о языковых формах вообще, включает со времен античных грамматик и их последователей изучение явлений звуковой формы.

Именно в этой научной парадигме создана первая опубликованная грамматика русского языка, «Российская грамматика» М. В. Ломоносова, включившая в себя, кроме собственно грамматических разделов («наставлений»), сведения «о человеческом слове вообще», «о чтении и правописании российском». Не опубликованная в свое время «Российская грамматика» А. Барсова (равно как и последующие грамматики XIX века) включает в себя разделы о звуковом строе русского языка («правоизглашение») и о правописании.

Будучи автором лишь немногих собственно грамматических работ («О спряжении русского глагола и о важности в нем уда-

рения», «Заметка о некоторых формах именных флексий», «По вопросу о значении подлежащего и сказуемого»), Грот оставил яркий след в области правописания вообще и русского правописания — в частности: он стал первым, кто вывел правописание из недр грамматики и стал автором важных для истории письма материалов. Прежде всего — включенные в монументальный труд «Филологическія разысканія» (СПб., 1873. Т. I): «Значеніе и развитіе письма», «Славяно-русская азбука», «Орфографическій вопросъ у культурныхъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ», «Очеркъ исторіи русскаго правописанія», «Критическій обзоръ современнаго правописанія». Но главный орфографический труд (именно он дает ему право на «генеральский чин») — это «Русское правописание, руководство, составленное по порученію Второго Отдѣленія Академіи наукъ» (СПб, 1885). Этот труд дает безусловное основание для более точной квалификации деятельности великого орфографиста: «генерал от правописания».

В массовом сознании времен Грота правописание было представлено как компонент грамматики, и это нашло отражение в рассказе А. П. Чехова «Въ Парижъ», созданном в разгар дискуссий по поводу предложений Грота. Мнение учителя Лампадкина стало выражением мнения многих преподавателей-словесников того времени: «Рекомендована новая грамматика Грота, — бормоталъ Лампадкинъ <...> Гротъ доказываетъ ту теорію, что имена прилагательныя въ родительномъ падежѣ единственнаго числа мужескаго рода имѣють не *аго*, а *ого*... <...> Стыдь! Срамъ! <...> Гротъ доказываетъ еще ту теорію, — бормоталъ педагогъ, — что ворота не средняго рода, а мужескаго. <...> Значить, писать нужно не красныя ворота, а красныя... Ну, это пусть онъ оближется! Скорѣй въ отставку подамъ, чѣмъ измѣню насчетъ воротъ свои убѣжденія.

И педагогъ раскрылъ уже ротъ и величественно поднялъ вверхъ молотокъ, чтобы начать громить ученыхъ академикомъ...».

Орфографический труд Грота, выдержавший 22 издания, вызвал множество отрицательных суждений ученых, современников академика (В. А. Богородицкий, С. И. Соболевский и др.). Многие несообразности «гротографии» стали веским аргументом к необходимости реформы.

Открывая заседание орфографической комиссии 1904 г. акад. Ф. Ф. Фортунатов предложил на рассмотрение три основных

вопроса, и каждый из них имел отношение к учрежденному Гротом правописанию:

1. Признает ли АН правописание, рекомендованное акад. Я. К. Гротом, своим?

2. Признает ли АН это правописание научным?

3. Не усматривает ли сама АН в этом правописании внутренних противоречий и при этом такого рода, что они наводят на мысль о необходимости систематизации правописания.

При всех отрицательных оценках правописания по Гроту труд академика с позиций отдаленного времени получил позитивную оценку: его трудами русское правописание обрело новое качество (четкость и определенность форм) и как неизбежное следствие этого — относительное единообразие; он положил начало официальной орфографии в России; его орфографическим руководством были установлены определенные рамки и задано определенное направление стихийно развивавшейся русской орфографии; при многих отрицательных моментах оно способствовало внедрению единообразия, то есть, по словам В. В. Виноградова, сыграло большую роль «в истории государственной стандартизации русского письма», поскольку «вносило стройный порядок в орфографическую путаницу и разногласию предшествующего периода»: устанавливалась единая система, «устранялись мучительные орфографические шатания последнего периода “вольности дворянства” и неорганического обучения родному языку» (Русская наука о русском языке // Уч. зап. МГУ. М., 1946. Вып. 106. Т. 3. Кн. 1. С. 74–75).

Вся последующая орфографическая деятельность в отечественном языкознании стала продолжением заложенного Гротом начала: стремлением к сознательному усовершенствованию русского письма. Деятельность всех орфографических комиссий XX века, публикация материалов по усовершенствованию, как и более ста лет спустя после создания орфографического руководства Грота, обнаруживали и обнаруживают желание «громить академиков», необоснованную критику нововведений и отождествление грамматики и орфографии. Учитель-словесник одной из московских школ в радиопрограмме «Диалоги о культуре» на радио «Россия» в связи с проектом нового свода правил 2000 года уверенно заявил, что «изучать русский язык ско-

ро предстоит по новой орфографии, что процесс реформы грамматики будет завершен и это изменит наш язык».

Такие проявления лингвистического невежества ставят перед языковедами серьезную задачу формирования лингвистической компетентности носителей русского языка.

В. В. Дементьев

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
(Россия, Саратов)

Гламур в современной русской прессе: ценностные характеристики

С точки зрения норм современного русского языка, слово *гламур* остается нелитературным: его не выделяет ни *Толковый словарь современного русского языка: Языковые изменения конца XX столетия* Г. Н. Скляревской (2001), ни *Большой академический словарь русского языка* (Том IV, «Г», 2006). В то же время можно говорить о настоящей экспансии *гламура* в современную русскую речевую культуру как о свершившемся факте. Это подтверждают контексты из русской прессы (1992–2009), собранные и обработанные при помощи системы Integrum. Система выдала в общей сложности **91585** контекстов для «*гламур*» / «*гламурный*». При этом содержание данного концепта еще только формируется и во многом остается неопределенным. *Гламур* обнаруживает очень значительную противоречивость: это и утонченность ~ и дурновкусие; и элитарность ~ и неразборчивость; и острота эксперимента, эпатаж ~ и приторная, «розовая» слащавость; и пестрота ~ и однообразие; требованиям «*гламурности*» трудно соответствовать ~ и гламур означает упрощенность и «уплощенность» мыслей, чувств, отношений...

Анализ контекстов из прессы показывает, что наиболее актуальными являются **ценностные** характеристики *гламура*, прежде всего — **отрицательные**: во многих текстах обсуждается и, как правило, однозначно осуждается противопоставление «старому», «обычному», в том числе «прежней» этике, традиционным национальным и даже общечеловеческим ценностям.

Обращает на себя внимание **яркоотрицательная оценочная лексика**, которая часто используется в ценностных характеристиках *гламура* в газетных текстах (*бл...дь, курва, мерзавец, педераст, подонок, рожка, сопля, фигня, шлюха*). Весьма характерны

сочетания *гламура / гламурного* с «ключевыми словами русской культуры» — через «**минус**»: с «не» и «без» (*Гламур — это вакуум, бездушная пустота...* Новый Петербург; 20.07.2006; ... *обличать ему или же воспевать всю эту офисную безликость и весь этот **бездуховный гламур***. Коммерсантъ; 23.03.2006; ... *засилье на «предвыборном» экране криминала и совершенно **бессовестного гламура***. Московская правда; 10.07.2007).

Более того, гламур противопоставляется **человеческим ценностям вообще** (*Автор и режиссер Елена Немченко сталкивает два полюса, которые никогда не пересекутся: искусственная среда гламура и извечные человеческие ценности*. Журналист; 16.09.2008).

Есть и **положительные** ценностные характеристики *гламура*, однако доля их в контекстах из прессы ничтожно мала. В целом их можно разделить на несколько основных групп: это, во-первых, **красота гламурных вещей** и *гламура* в целом; во-вторых, **богатство гламурных вещей** и *гламурных людей*; в-третьих, их **хороший вкус**; в-четвертых, принадлежность к некой новой **элите** («Гламур» — это и вершина успеха для миллионеров россиян, чаще недостижимая, но так **пленительно манящая**... Полюс (Черняховск); 18.05.2007; ... *Все изысканно, красиво — гламурно*. Московская правда; 06.09.2007).

Представляют интерес иронические **дериваты гламура**, прежде всего — *гламурненький / гламурненько* (система Integrum выдала в общей сложности 1517 контекстов). Данная характеристика используется авторами текстов с целью показать несостоятельность гламурных претензий (*Среди «комплиментов», которые историк моды щедро раздавал девушкам на обсуждении их первых работ, звучали также такие: «Кривенькие пальчики, а так — гламурненькая»*. Вика бьет навылет. Вечерняя Москва; 26.01.2006).

Наконец, естественным образом актуальной для «молодежного», «вызывающего», «манящего» и т.д. *гламура* оказывается **эротическая сфера**.

В некоторых контекстах прямо подразумевается, что настоящая гламурность **должна быть сексуальной** (*Прилежный посетитель наконец-то отдохнет, окунувшись в море гламурной эротики. Девушки Арджентини все как на подбор гладкие, аппетитные, ухоженные, а некоторые даже с крыльями*).

Коммерсантъ-Weekend; 07.04.2006).

Чаще всего посредством выражения *гламурная эротика* обозначаются некоммуникативные и неличностные характеристики не людей, а соответствующей продукции, товаров, например, одежды, белья, обуви, построек, загородных домов, магазинов, бутиков, а также фильмов, журналов, книг, рекламы, или услуг, парикмахерских, имиджмейкерских или дизайнерских (*Крашенный, стриженный, щипаный, пышный и гладкий, мех не просто защищает от холодов — он позволит утвердиться женственности и придаст суровой зиме гламурный шик*. Труд-7; 06.12.2007).

Собственно человеческие отношения таким образом характеризуются лишь опосредованно. Прежде всего, это любовные отношения, имеющие подчеркнуто красивое, броское, яркое **внешнее выражение** и получившие широкую огласку любовные связи **известных, «гламурных» людей** (*В первой ленте, наполненной пикантными сценами, из гламурных див снималась телеведущая Аврора, а в продолжение продюсеры решили пригласить более раскрученную звезду. Любовные игры Ксении Собчак*. Комсомольская правда; 04.10.2007).

Иногда гламурность оказывается синонимом **продажной любви** — ср. обыгрывание внутренней формы эвфемизма: *женщина легкого поведения* → *гламурного поведения* (*41-летний Прохоров был задержан 9 января французской полицией с эскортом из полудюжины русских девиц гламурного поведения*. В. В. Путин избавит Англию от «Куршевелия». VSESMI.RU; 20.04.2007).

Склонность гламурных персонажей к проституированию (мужскому тоже) отражается в большом числе весьма оскорбительных контекстов типа: *Это гламурная блядь отработывает бабки*. Кто заказывает халтуру? Центр экстремальной журналистики; 21.05.2007; *Гламурные безмозглые девицы, отдающиеся тем, у кого круче тачки, тупые клубные жеребцы из племени секьюритинов или менеджеров среднего звена...* На российской поп-сцене появилась Антиглюкоза. ФОРУМ.мск; 16.03.2008; *Кто-то из них увяз в рутине жизненных проблем, кто-то спился, кто-то стал гламурным петухом...* Уфимские ведомости; 03.07.2008.

Публикации в прессе рисуют в целом безрадостный портрет *гламурной женщины*: сладострастная обладательница дорогих сексуальных нарядов, силиконовых грудей, куриных мозгов, аб-

солотно готовая к продажной любви. В отношениях мужчины и женщины она служит только инструментом для мужских утех.

В целом *гламурная женщина*, предстающая на страницах современных медиа, напоминает «блондинок» из серии известных анекдотов, в то же время может быть расчетливой, коварной и даже опасной (*В фильме «Блондинка в шоколаде» Виктория — гламурная курва, президент бабского клуба «Гамма-Гамма» — по головам пойдет ради своей фотографии на обложке FHM. Вечерний Петербург; 05.02.2007*).

Портрет *гламурного мужчины / мачо* напоминает женский общей безрадостностью и агрессивностью, хотя в целом значительно менее детализирован.

Д. О. Добровольский

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

Изменение сочетаемости как основа семантических сдвигов

В основе доклада лежит тезис о решающей роли изменений в комбинаторном потенциале слова для его семантического развития. Примеры, иллюстрирующие изменения, произошедшие в семантической структуре слова вследствие изменения его сочетаемости, могут быть найдены в самых различных классах слов.

Так, прилагательное *замечательный* в современном языке (в первую очередь при употреблении в атрибутивной функции) квазисинонимично таким словам, как *отличный, прекрасный, восхитительный, чудесный* и приблизительно означает 'исключительный по своим достоинствам, выдающийся' [Ожегов, Шведова], в то время как ранее оно значило 'заметный', 'привлекающий внимание' или 'достойный внимания' (ср. употребляемое сегодня в близком значении слово *примечательный*, а также его квазисинонимы *необычный, удивительный, выделяющийся* и пр.). Ср.: *совершается противодвижение с востока на запад с замечательным сходством с предшествовавшим движением с запада на восток* [Л. Н. Толстой. *Война и мир*]; *я ненавижу любопытные памятники, замечательные собрания* [И. С. Тургенев. *Ася*]; *замечательный чудака; с замечательным достоинством* [Н. С. Лесков. *Однодум*]; *любуюсь его весьма замечательными невежествами* [Н. С. Лесков. *Неоцененные услуги*].

Естественно предположить, что в основе семантического сдвига 'заметный' → 'очень хороший' лежат изменения сочетае-

мостных предпочтений. Новое значение возникло в этом случае путем лексикализации одного из вариантов употребления. Слово *замечательный* в своем исходном значении входило в контексты, не имеющие оценочных ограничений. Это вполне понятно, так как «быть заметными» могут самые различные, неоднородные с оценочной точки зрения сущности. При этом, однако, уже в XIX веке в узусе доминировал (по крайней мере в количественном отношении) определенный тип сочетаемости — контексты с положительной оценкой. Видимо, этот тип сочетаемости изначально образовывал ядро комбинаторного потенциала слова *замечательный* — его диахронически стабильный компонент. Постепенно прогрессирующее сужение узуальной сочетаемости привело к семантической спецификации ‘заметный’ → ‘заметный потому, что особенно хороший’; со временем в семантической структуре этого прилагательного сместился фокус, и смысл ‘очень хороший’ стал восприниматься как центральный семантический компонент. Таким образом, причина перестройки элементов семантической структуры усматривается в том, что, во-первых, произошло сужение узуальной сочетаемости и, во-вторых, как следствие этого, контекстно обусловленная прагматическая импликатура получила статус ассертивного компонента значения.

Другой пример. Существительное *переворот* употреблялось еще около 100 лет назад практически синонимично слову *революция*. Ср. активно употреблявшееся в 1917 г. в большевистской прессе и явно лишенное оценочного смысла словосочетание *Октябрьский переворот*. Сегодня слова *революция* и *переворот* противопоставлены друг другу по целому ряду параметров. Ср. типичный контекст из Интернета: *различие между революцией и переворотом ещё проще. Если событие нравится — революция. Если не нравится — переворот*. Ср. также *дворцовый переворот*, но **дворцовая революция*; *на благо революции*, но **на благо переворота*. Этот сдвиг в значении слова *переворот* можно объяснить постепенным сужением его комбинаторного профиля, которое можно проследить по контекстам употребления этого слова за последние сто лет. Интересно, что эти семантические (и в первую очередь оценочные) изменения не отражаются словарями. Так, словари [МАС; БТС; Ожегов, Шведова; Шведова] толкуют *переворот* как ‘коренное изменение существующей обществен-

но-политической системы / в государственной жизни’, что мало отличается от предлагаемых толкования значения существительного *революция*. Ср., например, ‘коренной переворот во всей социально-экономической структуре общества, приводящий к смене общественного строя’ [БТС]. А значит, что смысл высказываний типа *это не революция, а переворот* невозможно объяснить, исходя из словарных толкований. Очевидно, словари продолжают ориентироваться на старые употребления и не отражают в данном случае интуицию носителя современного языка.

Естественно, не любые семантические сдвиги могут быть объяснены изменениями в сочетаемости. Встречаются и противоположные случаи, когда сужение комбинаторного потенциала слова не приводит к явным изменениям его значения. Так, сфера сочетаемости наречия степени *чрезвычайно* за последние 150 лет заметно сузилась. Ср. странные с точки зрения современного узуса словосочетания: *наш небольшой городок чрезвычайно разбросан* [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы]; *экипаж с чрезвычайно высоко поставленным крошечным кузовом коляски* [Л. Н. Толстой. Анна Каренина]. Произошедшие изменения сочетаемостных норм можно (по крайней мере приблизительно) отразить в словарях с помощью указания на семантические классы, члены которых предпочтительно сочетаются с этим наречием степени, но трудно представить себе, что эти комбинаторные изменения могут повлечь перестройку толкования.

Л. Р. Дускаева, С. Г. Корконосенко

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Гуманистически ориентированное речевое поведение в журналистике и массовых коммуникациях

В качестве основного направления в государственной языковой политике Российской Федерации рассматривается пропаганда русского языка в СМИ. Ее эффективности призваны способствовать специальные публикации в периодике и радио- и телепрограммы о русском языке. Не менее мощным фактором пропаганды языка являются высокая речевая культура самих журналистов и литературное качество их произведений. Но сами журналисты часто игнорируют общепринятые нормы публичного речевого поведения, культивируя, по существу, незачисленные и незачисленные формы общения. Для преодоления этого необходи-

мы целенаправленные научные исследования лингвистического и социально-культурного профиля. На кафедре речевой коммуникации СПбГУ, в сотрудничестве с другими кафедрами факультета журналистики, ведутся исследования в таких речевых областях массмедиа, где проявляется гуманистическая и эстетическая направленность лингвокреативных поисков журналистов.

Одна из областей речевой практики массмедиа, где культивируются гуманистически и эстетически ориентированные нормы речевого поведения, — журналистика сферы содержательного досуга, в частности те ее сегменты, в которых журналист направляет свое внимание на творческую деятельность человека, произведения искусства, и объекты природы, давая им эстетическую оценку. Так, стремясь помочь читателям «услышать» музыку, журналист «подключает» богатый арсенал выразительных ресурсов, описывая тембр, ритм, темп, высоту музыкального сочинения. Отражая особенности звучания музыки, автор соотносит его с определёнными ценностными стандартами — общепринятыми нормами, предыдущим опытом восприятия, сформировавшимся вкусовыми пристрастиями. Установление эстетической ценности музыкального события сопровождается интерпретацией, которая включает описание эмоционального отклика на событие: положительная оценка окрашивается чувствами восхищения, и тогда она звучит как комплимент или похвала. Примечательно, что для эстетической оценки музыкального творчества в газете характерно сопряжение с другими видами частных оценок — этической, утилитарной (ср. с работами Н. Д. Арутюновой), а исполнение музыкального произведения признается эстетическим лишь в том случае, если оно обладает этическими достоинствами — искренностью и душевной теплотой, а также эффективностью — воздейственностью. Конечно, специфика журналистского слова о музыке состоит в том, что, рассчитанное на массовую аудиторию и ориентированное на информирующее воздействие неспециалиста, оно стремится к доступности и в чем-то упрощает музыкальные явления. В ежедневных газетах порою весьма поверхностно передается драматизм творческого процесса музыканта. Однако острая напряженность экспрессии, активный поиск новых и новых способов и приемов ее создания представляют несомненный интерес для лингвиста и весьма значимы в социально-культурном отношении. Эс-

тетическая оценка музыкальных событий, основанная на утвердившихся в обществе культурных нормах и традициях, ориентирует и направляет читателя в его поисках своего пути к прекрасному. Таким образом, журналистика выступает субъектом сохранения традиционных культурных ценностей в обществе.

Исследуя различные речевые сферы в массмедиа, мы осознаем, что назрела необходимость в разработке теоретических оснований гуманизации потенциально и реально конфликтного медиаобщения; для этого необходимо создание моделей гуманистически направленной коммуникативной компетентности, выявление особенностей ее формирования в образовательном процессе, методическое обоснование и практическое внедрение дополнительных образовательных программ по формированию гуманистически направленной профессиональной коммуникативной компетентности современного журналиста, рекламиста и специалиста ПР в условиях вузовской и постдипломной подготовки.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: а) теоретически разработать понятие гуманистически ориентированного общения в журналистике и массовых коммуникациях; б) определить приоритетные речевые области гуманистически ориентированного общения в российской журналистике, исходя из их социально-культурной значимости; в) выявить важнейшие признаки гуманистически ориентированного речевого поведения в массмедиа, определив не только его основные признаки, но и — что особенно важно — факторы формирования; г) исследовать и систематизировать прецеденты и опыт гуманистически ориентированного общения в массмедиа; д) описать компетенции, составляющие гуманистически ориентированную профессиональную коммуникативную культуру журналиста; е) методически обосновать принципы и содержание образовательных программ по формированию в вузе профессиональной гуманистически ориентированной речевой компетентности современного российского журналиста; ж) разработать дополнительные образовательные программы; з) осуществить практическую проверку разработанных программ в рамках подготовки профессионалов области массмедиа.

Слова и сочетания слов в связном тексте

По разрозненным элементам нельзя познать того, что есть высшего и тончайшего в языке, это можно постичь и ощутить только в связной речи.

Вильгельм фон Гумбольдт

1. В «Воспоминании о В. И. Даль» Я. К. Грот строго придерживался фактов и позволил себе лишь один пространный комментарий: о стилистическом конфликте между «Казакон Луганским» и «автором Светланы» (Жуковский «боялся мужичества»); Грот отметил, что «въ мнѣніи Даля о пригодности народныхъ выражений для замѣны общеупотребительной образованной рѣчи было своего рода преувеличеніе» [Гротъ 1873: 7]. Примечательно: обсуждается *уместность* слова в тексте, а не характеристики отдельных слов.

2. Говоря о кризисе русского литературного языка, отмечают, что социально-политические процессы рубежа XX–XXI вв. привели к «разрушению перегородок, которые существовали в языке», к утрате всегда существовавших границ между социолектами — [Кронгауз 2011]. Уместность употребления языковой единицы говорит о том, что говорящий / пишущий освоил правила *коммуникативной сочетаемости* слова. Современные тексты пестрят примерами нарушения грамматической, лексической, семантической, коммуникативной и прагматической сочетаемости языковых единиц (см. [Горбаневский и др. 2000], [Идиотека]). Тем самым проблема сочетаемости в самом широком смысле слова является одной из самых актуальных для современной лингвистики.

Интерес к вопросам сочетаемости усилился во второй половине XX в. (разработка систем машинного перевода и обучение иностранцев — «Лексическая семантика» Ю. Д. Апресяна и словарь сочетаемости П. Н. Денисова и В. В. Морковкина). И все-таки словари сочетаемости представлены в российской лексикографии единицами; диахроническая неустойчивость сочетаемости редко привлекает внимание исследователей (но см. [Добровольский 2001]), а механизм выбора говорящим / пишущим того или иного варианта сочетания вообще не изучается.

Современная семантика связывает сочетаемостные свойства слов с различными компонентами его значения, но описания

так сложны, что остается только удивляться тому, как рядовой носитель языка умудряется интуитивно освоить все правила выбора употребления слова. Д. О. Добровольский говорит: *«Почему в определенный момент узус отказывается от одной из возможностей в пользу другой, остается тайной»*. Нужна объяснительная модель сочетаемости, и один из путей к её созданию — исследование механизмов освоения словосочетаний.

3. Исследование текстов, написанных носителями языка и билингвами, показало: везде заметны нарушения сочетаемости (цитаты буквальные).

Я считаю, что я знаю и владею русским на среднем уровне. Когда у меня возникают мысли, мне не всегда удаётся правильно её записать. В голове у меня есть очень много красивых и развёрнутых предложений, но на листе они получаются абсолютно другими.

Предположение о необразованности и бедном лексиконе неверно: начитанные студенты делают ошибки тех же типов, используя более разнообразную лексику и сложные синтаксические конструкции:

Я описываю самую знаменитую картину Ивана Айвазовского — «Девятый вал». Картина, хотя и представляет собой изображение людей, пытающихся выжить на останках корабля после ночного шторма, благодаря используемой гамме, не создает гнетущего ощущения безысходности и неизбежности гибели терпящих крушение моряков. На первом плане мы видим группу людей, которые держатся за мачту корабля — единственное, за что можно ухватиться, чтобы не утонуть.

Ответы студента на вопросы (Чем отличаются останки от обломков? и проч.) показали, что он понимает ошибочность написанного им лишь при предъявлении альтернативного варианта; исправляя фрагмент предложения, не может переписать текст.

4. В сознании пишущего значения слов вытекают из того, в каких контекстах они употребляются (а не наоборот). Пока сочетаемость не освоена, в идиолекте человека значения лексем не включаются в значимые системные противопоставления, свойственные языку в целом, а смыслы передаются не словами, а группами слов, описывающими прототипическую ситуацию:

{Во время крушения корабля не все моряки утонули; Корабль

потерпел крушение во время шторма; Во время шторма судно вынесло на рифы, оно получило пробоину и в конце концов затонуло; Капитан видел, что траулер терпит бедствие, но не помог морякам...} → *крушение корабля* ≡ *вынесло на рифы* ≡ *получил пробоину* ≡ *моряки утонули* ≡ *потерпеть крушение* ≡ *терпеть бедствие* ≡ *тонуть* ≡ «это когда корабль плывёт, на нём люди, моряки, и этот корабль разбивается, тонет, моряки тонут, иногда кто-то спасается» — то есть из речевого опыта извлекаются частотные конструкции для обозначения похожих ситуаций; они образуют единый блок. Порождая высказывание, пишущий применяет различные комбинации элементов блока для описания действий *любого* из участников ситуации.

Воспроизведение крупного блока в идентичной ситуации производит впечатление гладкой речи («плагиат»); механическое вычленение составляющих блока для описания похожих, но не идентичных ситуаций — источник ошибок. Для *точного описания* ситуации требуется рефлексия и установление противопоставлений: корабль затонул — моряки утонули; потерпеть крушение может судно, но не человек.

Чем хуже сформирована компетенция — тем более размытым является значение элементов блока. Чем больше различий в сочетаемости близких по смыслу единиц обнаруживает индивид, тем более полноценной становится его языковая компетенция. Освоение слов вне денотативной привязки (непонятные слова, вычленяемые в потоке не вполне понятной речи, — в телепередаче, на уроке, в тексте учебника) приводит к худшим результатам (в интервью один из самых частых комплиментов чужой речи — «умеет понятно объяснять»).

5. Дети самостоятельно осваивают грамматику родного языка, интуитивно выводя её правила из речевого опыта; «грамматика сочетаемостей» формируется у подростка и взрослого (речевое развитие человека продолжается до 40–45 лет, см. [Ананьев 1968]). Интересный материал даёт рефлексия билингва: приехав в Москву, подросток на первом этапе сознательно заучивал контексты, которые носитель языка запоминает бессознательно. Это механическое запоминание контекстов наполняет нашу речь устойчивыми сочетаниями разных типов. Затем мы вычленяем фрагменты устойчивых выражений, которыми можно пользо-

ваться («метод подстановки»).

6. Важна повторяемость конструкций, накапливаемых в речевом опыте: социум тиражирует одни тексты, не допуская других (потому так сильно влияние СМИ). В одном из студенческих текстов из 102 слов 50 входят в состав 19 частотных, в том числе устойчивых выражений (сочетаемость во многих из них не соответствует норме). В интервью студентка отмечает, что ей трудно выходить за рамки бытового общения.

7. Освоение сочетаемости продолжается всю жизнь. Даже писатели могут допустить в своём тексте неточности и странности. А. Иличевский, описывая, как взлетают дельтапланеристы, говорит, что они «срывались над покачнувшейся прорвой океанского прибоя». *Прорва прибоя* — это метафора или случайная фонетическая оговорка? Дельтапланерист *срывается* (взгляд внешнего наблюдателя) над *покачнувшейся* прорвой (взгляд планериста) — смещение точек зрения случайно или намеренно?

Поиск объяснения писательского выбора — еще одна сторона изучения законов сочетаемости (именно в таком ракурсе М. Ю. Михеев рассматривает язык Андрея Платонова в [Михеев 2012]).

8. Выводы.

Языковая компетентность носителя востребована обществом ([Базжина, Евграфова 2008], [Идиотека]).

Необходимо целенаправленное обучение монологической речи, аналитическому чтению и творческому письму:

Анализ нарушений сочетаемости, обсуждение семантических особенностей слов и обучение письменной речи и саморедактированию активизируют процесс освоения сочетаемости.

Нужны словари сочетаемости (на основе корпусных исследований и семантического анализа речевого материала).

Литература

Ананьев Б. Г. Онтогенетическая эволюция психофизиологических функций человека. // В кн.: Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л.: изд-во ЛГУ, 1968

Базжина Т. В., Евграфова С. М. Новая социальная ценность — компетентный носитель языка // В сб.: VII выездная школа-семинар «Проблемы порождения и восприятия речи». Материалы. Череповец, 2008

- Горбаневский М. В., Караулов Ю. Н., Шаклеин В. М. Не говори шершавым языком. М.: Галерея, 2000.
- Гротъ Я. К. Воспоминания о В. И. Далъ и П. П. Пекарскомъ. Санктпетербургъ, 1873. 23 с. Орфография оригинала, сканир.: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01004109903#?page=7>; <http://dds.crl.edu/loadStream.asp?iid=13724> (один файл); орфография оригинала, текст: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/vidahl/kritika/grot1873.htm>.
- Добровольский Д. О. К динамике узуса (язык Пушкина и современное словоупотребление) // Русский язык в научном освещении. № 1. М.: Языки славянских культур, 2001. Сс. 161–178. Цит. по: <http://www.philology.ru/linguistics2/dobrovolsky-01.htm>.
- [Идиотека]: Кронгауз М. А. Интервью в передаче «Решето» от 09.04.2011 http://www.russia.ru/video/resheto_11835/.
- Михеев М. Ю. Проект создания словаря «трудных мест» Платонова (доклад на круглом столе «Перечитывая Платонова», конференция «Маргиналии 2012»).

О. П. Ермакова

Калужский государственный университетим. К. Э. Циолковского
(Россия, Калуга)

Лексикография и грамматика (некоторые размышления при чтении словарей)

Известно, что толковые словари, помимо толкования лексических значений, содержат и основные грамматические сведения о словах, об их отношении к определённым разрядам частей речи. Но в некоторых случаях грамматические пометы не проясняют частеречную принадлежность слов, зато вызывают размышления о соотнесённости лексической семантики и грамматики, прежде всего — морфологии.

Так, анализируя значения группы отместоименных наречий *по-моему*, *по-твоему*, *по-вашему*, *по-нашему*, *по-ихнему* в «Словаре современного русского литературного языка» (БАС в 17 т.) и в «Толковом словаре русского языка» под ред. Н. Ю. Шведовой (2008), мы обратили внимание на то, что одно из трёх значений этих слов не характеризуется с морфологической точки зрения, оно лишено пометы *нареч.*, которое сопровождает два других значения, а характеризуется как *вводн. слово* или *в знач. вводн. слова*. Ср.:

По-моему. 1) *Нареч.* По моей воле, желанию. *Всё будет по-моему*; 2) *Нареч.* Так, как делаю я: *У тебя задачка не получа-*

ется. Попробуй решить по-моему. 3) Вводн. сл. По моему мнению. По-моему, он прав (Сл. Шведовой).

Аналогично в этом словаре и в БАС толкуются *по-твоему, по-нашему, по-вашему, по-ихнему*. По его, по её, по их не сопровождаются грамматическими пометами. В них отмечаются только два первых значения.

Во втором издании (неоконченном) Большого академического словаря *по-его, по-её* определяются как наречия и написаны через дефис со значениями: «Так, как хочет, делает он (она)». *По-его и вышло. Всё-таки по-её не вышло*.

Возникает вопрос: значит ли это, что будучи вводными словами (что, как известно, понятие синтаксическое), эти словоформы не могут оставаться наречиями. В грамматических работах это отнюдь не исключается. Ср.: «С грамматической точки зрения [имеется в виду, очевидно, с морфологической О. Е.] вводные слова представлены личными формами глагола, инфинитивом, деепричастиями, существительными и местоимениями (с предлогами и без предлогов) наречиями, предикативами, а также глагольными и именными фразеологизмами (кратк. русск. гр-ка 1989, с. 504).

Возможно, под *вводными* понимаются *модальные слова*, но не используется этот термин подобно тому, как термин *предикатив* во многих словарях заменяется пометой «в знач. сказ.»?

Очевидно, что составителям словаря мешает назвать слова *по-моему, по-твоему* и др. наречиями их модально-ограничительное значение. Но оно есть и у неместоименных наречий — суффиксальных и суффиксально-префиксальных, которые не относят ни к вводным, ни к модальным словам. Ср.: *Юридически дом не ваш; Пьеса бездарно поставлена режиссёрски; По-маминому (по-Лизиному, по-тётиному) все люди злые*. Кстати заметим, что в словарях нет наречий *по-маминому, по-папиному, по-тётиному, по-дядиному, по-бабушкиному, по-дедушкиному*, поскольку отсутствуют соответствующие легко образуемые прилагательные на *-ин-*. В разговорной речи наречия этого типа довольно употребительны. Они имеют все значения, отмеченные в *по-моему* и других отместоименных. 1) *Всё будет по-маминому*; 2) *Ты хочешь жить по-маминому*? 3) *По-маминому все люди злые*.

Хочу обратить внимание на то, что модально-ограничительное значение встречается, хотя и с меньшей регулярностью у

наречий, в субстантивной основе которых название национальности, религии и некоторых этических категорий. *По-православному это грех. По-японски лучше поселиться недалеко от моря; Он сразу облаял, сопя и сердясь, по-русски жилище, по-ихнему — грязь* (А. Безыменский. Трагедийная ночь); *И бог у них был свой, по-еврейски — невидимый, по-японски — солнечный, по-буддистски — безбожный хитрован, по-мусульмански — верный до гроба, по-христиански — жалостливый и слабый* (Г. Щербакова. Ангел Мёртвого озера).

Известно также, что, кроме наречий, модально-ограничительные значения сплошь и рядом наблюдаются у предложно-падежных форм существительных: *У сильного всегда бессильный виноват; Стихи для вас одна забава; По мне уж лучше пей, да дело разумей*: Все случаи такого рода в современных грамматических трудах рассматриваются как детерминанты, выраженные существительными. Ср.: Детерминирующим членом может служить падежная форма имени, наречие, деепричастие (Кратк. русск. гр-ка 1989, с. 482).

Цель моего сообщения отнюдь не в критике толковых словарей, тем более, что у меня нет уверенности в том, что полное соответствие подходов в грамматиках и словарях возможно (и необходимо?).

В. М. Живов

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

Лингвистический капитал и его трансформации в истории русского языка последнего столетия

1. Языковой стандарт — важнейшая социокультурная институция меритократического общества. Степень владения языковым стандартом соотносится со статусом индивида в социальной иерархии, он представляет собой в терминологии Пьера Бурдьё лингвистический капитал. Языковой стандарт взаимообусловлен с другими артефактами меритократического общества, обеспечивающими ту же структуру социального доминирования. Языковой стандарт соотносится с каноном классической литературы на данном языке. Он задается нормализаторской деятельностью специалистов по языку (филологов), корпорация которых оказывается одним из институтов власти и принуждения.

2. Лингвистическая динамика в эпоху революций лучше

всего описывается как трансформация лингвистического капитала. Старый лингвистический капитал дискредитируется, он подается как элемент старой ниспровергаемой революцией культуры и тем самым как необходимый объект культурной революции. Культурная революция, по крайней мере, в России есть и лингвистическая революция. Заметим, что все русские лингвистические революции характеризуются интенсивным употреблением заимствований; это указывает на связь русских культурных революций с оппозицией России и Запада.

3. Исследователи, занимавшиеся языком большевистской революции, отмечали в качестве характерных черт революционного языка изобилие заимствований, калек, абстрактной лексики, аббревиатур, канцеляризмов и архаизмов, вульгарной лексики, элементов блатного жаргона и диалектных слов. Эти элементы воплощают отталкивание от традиционного языкового стандарта, отрицание старого лингвистического капитала. Новая большевистская элита противопоставляла себя элите старой, ее языковое поведение было отрицанием старых норм и вместе с тем введением норм новых.

4. К началу 1930-х годов ситуация меняется. Происходит консолидация новой партийной элиты. Под сенью сталинской формулы культуры «национальной по форме, социалистической по содержанию» национальная традиция оказывается востребованной новой советской элитой. Национальный лингвистический капитал восстанавливает свои права. Эта реставрация не означает полной регенерации старого языкового стандарта. Имеет место определенный синтез традиционного употребления и «языка революционной эпохи». При этом дореволюционное языковое наследие подверглось в нем систематической редукции прежде всего на содержательном уровне. «Тоталитарный язык» в понимании Н. А. Купиной «обнаруживают прямое давление идеологии на лексическую семантику».

5. Созданный в 1930-е годы языковой стандарт доживает до падения советского режима. Этот стандарт был советским лингвистическим капиталом и обеспечивал социальное продвижение в условиях тоталитарного режима. Период конца 1980-х — 1990-х годов представляет собой эпоху новой дискредитации старого (на этот раз советского) символического и лингвисти-

ческого капитала. Заметны сходства с языком революционной эпохи 1910–1920-х годов. Как и тогда, риторика цивилизационного вербального контроля («умеренности» и «воспитанности») сменяется риторикой спонтанности. В рамках этой перемены получают широкое употребление, как и в революционную эпоху, грубые, вульгарные, жаргонные, обценные слова и выражения, равно как и не полностью освоенные заимствования. Хотя культурно-языковая ситуация в период советского застоя была мало похожа на ту, которая имела место в императорской России накануне революции, способы дискредитации лингвистического капитала (революционного ниспровержения традиционного языкового стандарта) оказываются сходными.

6. Несомненны и сходства в попытках реставрации утерянного символического капитала; это явление характеризуют новый пуризм, новое ханжество, воскрешение «советской классики» наряду с обращением к тем слоям лексики, которые были устранены в сталинском языковом стандарте. Пуристический откат отчетливее всего выразился в Законе о русском языке как государственном языке Российской Федерации, принятом в 2005 г. Из реставрируемых слоев лексики более всего бросается в глаза лексика религиозная. И здесь мы имеем дело не с воспроизведением дореволюционного православного дискурса, а — как и при всех реставрационных процессах — с порождением новых симулякров. Эта инновационная природа реставрации видна даже в формальных параметрах, например, в новом ударении в словах типа *послу́шник* вместо правильного *пóслушник*, а порою *духóвник* вместо *духовнѣк*.

7. Таким образом, динамика языкового стандарта в России XX — начала XXI вв. отмечена революционными сдвигами, и эти сдвиги могут быть описаны как дискредитация лингвистического капитала предшествующей эпохи в результате культурной революции и последующая реставрация дискредитированного лингвистического капитала (в переосмысленном и измененном виде). Характерно, что русская революция обладает языковым компонентом, а в этот компонент входит усиленное использование «западных» заимствований. Это свидетельствует о связи революционных лингвистических процессов с оппозицией России и Запада, что оказывается присуще и процессам реставрационным, в которых присутствует пуристическая составляющая.

Т. С. Жукова

Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

**Новые тенденции функционирования обращений
в публичном дискурсе**

Доклад посвящен изучению функционирования обращений в публичном дискурсе. Цель доклада наиболее полно осветить новые формы обращений и тенденции их использования. Особенности новой системы обращений являются ее недостаточность; появление новых тенденций, связанных с возникновением новых сфер и ситуаций общения (Интернет-общение; складывающаяся в российских компаниях корпоративная этика; обращения граждан к Президенту, премьер-министру РФ на видеоблогах, «горячих линиях»; формирование новых обращений к работникам МВД, ГИБДД в связи с переименованием милиции в полицию), что отражено в докладе.

Актуальность выбранной для доклада темы определяется необходимостью исследования появившихся новых форм обращений в публичном дискурсе, которые нуждаются в теоретическом осмыслении, анализе и выработке рекомендации по их использованию. В этой связи следует особо подчеркнуть, что полученные выводы свидетельствуют о необходимости нормализации функционирования обращений в этой сфере коммуникации и могут быть использованы при разработке практических рекомендаций по употреблению обращений в публичном дискурсе, в частности, кодификации норм в специальных справочниках; закреплении правил их употребления в нормативных актах и др.

Устное публичное общение анализируется на следующих материалах: «устные» тексты, фиксируемые письменными графическими средствами в сети Интернет, — различные Интернет-форумы, президентский видеоблог, ЖЖ Дмитрия Медведева, сайты различных организаций, СМИ и информационных агентств.

Среди основных тенденций отметим следующие:

1. В современной коммуникации нет утвержденной, общеупотребительной и признаваемой всеми носителями языка этикетной формы обращения к президенту, так что тенденция размытости норм речевого этикета проявляет себя и в этой сфере. Среди возможных причин можно назвать отсутствие информации о существовании кодифицированной нормы обращения к

первым лицам в РФ; непривычность самого жанра — обращения к президенту или премьер-министру простых граждан; идеологическую разобщенность российского общества.

2. Наиболее употребительными по отношению к президенту являются обращения:

— по имени-отчеству (с возможными этикетными модификациями уважаемый, глубокоуважаемый, дорогой);

— «господин» в сочетании с наименованием должности — «президент» (с возможными этикетными модификациями уважаемый, глубокоуважаемый);

— «господин» в сочетании с фамилией;

— по наименованию должности («президент» с возможными этикетными модификациями «уважаемый» и/или в сочетании с оценочными прилагательными).

3. Обращение *господин президент (уважаемый господин президент)* в ситуации обращения к первому лицу в государстве, на наш взгляд, является наиболее уместным и адекватным и рекомендуется к широкому употреблению, поскольку оно задает коммуникации официальный тон и одновременно подчеркивает социальную и личную дистанцию между общающимися.

4. В настоящее время в русском языке нет универсальной, общепринятой формы обращения к сотруднику полиции, что свидетельствует о необходимости кодификации норм использования обращений в этой сфере.

5. Среди наиболее интересных предложений форумчан и участников опросов встречаются варианты обращений к полицейскому:

— по имени-отчеству;

— по званию;

— офицер, инспектор;

— гражданин полицейский;

— товарищ полицейский;

— господин полицейский.

6. На наш взгляд, на сегодняшний день лучшей из предложенных форм адресации является обращение «гражданин полицейский», поскольку оно не несет в себе ограничений ни по возрастному, ни по профессиональному, ни по социальному признакам, ни по принадлежности к различным формам коллективных организаций и т.д.

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

Об «усиленном обычае сливать два слова в одно» и орфографической стабильности

1. Я. К. Грот при выборе слитного или раздельного написания призывал руководствоваться сложившейся традицией, которая чем давнее, тем более имеет право на регулирующую роль. Если же встречается сомнение в способе письма — то лучше писать «врознь». В целом же он полагал, что слитное или раздельное написание определить «точными правилами невозможно». И до сих пор положение дел таково, что только некоторый фрагмент (хотя и значительный) орфографии адвербиалов может быть описан с помощью правил, другая часть адвербиалов имеет так наз. словарное написание. Словарное написание наречий — т. е. правила для отдельных слов — закреплено уже более полувека и представляет собой как раз ту самую традицию, тот обычай, о котором говорил Грот. Поэтому поставить в данное время вопрос об изменении написания или о допущении вариативности написаний наречий, равно как и слов других частей речи, давно зафиксированных в орфографическом словаре, — это значит отвергнуть кодифицированную норму, устойчивость которой поддерживается традицией, укрепляющейся по мере все более длительного существования. Однако тема желательности и необходимости изменений в написании наречий все же поднимается, и, прежде всего, в среде лингвистов. Что до вариативности нормы, то давно уже ясно, что для пишущего сообщества вопрос «как правильно?» — это всегда вопрос только об одном способе написания.

2. В большинстве случаев обсуждение правописания наречий и предложения по его корректировке сводятся к двум положениям: 1) заменить раздельные написания слитными в тех случаях, когда есть уверенность, что данная единица — наречие, и 2) ввести в «трудных», неоднозначных случаях варианты написания.

3. Допустить варианты в написании наречий предлагалось еще в Предварительном сообщении Орфографической подкомиссии 1904 г. в такой формулировке: «...ввиду того, что слитность и раздельность написания слов *зависят* во многих случаях *от субъективного понимания говорящих*» [выделено нами. — О. И.]. Дей-

ствующие Правила 1956 г., как известно, построены на принципе единственности кодифицируемого написания. Допущение варьирования, в частности, в написании наречных единиц означало бы, по мнению Шапиро, возвращение к разнобою XIX века, когда главным мотивом выбора «как написать» являлись «индивидуальные вкусы и привычки пишущих». Получается, что в начале XX в. при попытках установления общей для всех нормы письма «субъективное понимание говорящих», их оценка (а вернее, затруднительность простой оценки) частеречного статуса слова (наречие или существительное с предлогом и, соответственно, слитное или раздельное написание) воспринималась как существенный фактор для принятия идеи вариативности орфографической нормы. В середине XX в. этот же фактор — «субъективность», «вкусы» пишущих — оценивается создателями правил уже как противоречащий идеологии единственности (безальтернативности) орфографической нормы, что и закреплено официально в своде 1956 г.

4. В реальном узусе, конечно, имеются колебания в написании некоторых наречных единиц. Весь вопрос в мере и степени этих колебаний и нашей оценке этой меры. Сложилось ли у пишущих устойчивое представление о том, что слово пишется неодинаково? правда ли, что пишущие уже не различают правильное и неправильное написание? назрела ли потребность в корректировке правописной нормы для каких-либо единиц (в настоящее время в сфере адвербиальной лексики возможны только частные изменения, не массовые)? В поисках ответов на эти вопросы было решено посмотреть на реальное употребление наречий, используя ресурс Национального корпуса русского языка и намеренно отказавшись от необработанных данных поисковых систем, так как существенной представляется динамика именно в отредактированных текстах.

Было взято две контрольные группы слов. Первую составили те наречия, написание которых предлагалось изменить в проекте свода правил русского правописания 2000 г. Тогда после острых дискуссий составители сформировали список из 12 слов, которые, как считалось, «созрели» для кодификации в слитном написании. Вот как выглядит статистика слитных и раздельных написаний для этих слов в 2012 г. по данным НКРЯ (практически все они включены в корпусный словарь неоднословных лексических единиц).

слово	слитно	раздельно	соотношение
<i>(в)сердцах</i>	14 (1 после 1956 г.)	1637	1 : 116 (1 : 1637)
<i>(до)зарезу</i>	27	159	1 : 5
<i>(до)упаду</i>	1 (Мамин-Сибиряк)	233	1 : 233
<i>(за)полдень</i>	2	132	1 : 66
<i>(за)полночь</i>	60	844	1 : 14
<i>(на)весу</i>	2	303	1 : 151
<i>(на)ощупь</i>	55	865	1 : 15
<i>(на)плаву</i>	0	322	0 : 322
<i>(на)скаку</i>	0	194	0 : 194
<i>(на)сносях</i>	0	79	0 : 79
<i>(под)стать*</i>	59	528	1 : 9
<i>(не)прочь</i>	56	1473	1 : 26

Видно, что ни одно слово не показывает степени вариативности, которая позволила бы говорить о назревшей необходимости изменения написаний.

Вторую контрольную группу составили слова, о которых наиболее часто говорят, что они «срослись», что вторая часть не воспринимается в качестве отдельного слова, а предлог превратился в приставку.

слово	слитно	разд.	соотн.
<i>(без)умолку</i>	8	508	1 : 63
<i>(без)устали</i>	1 (Л. Чуковская)	570	1 : 570
<i>(в)тупик*</i>	6	1128	1 : 188
<i>(под)мышку</i>	17 (<i>взять, сунуть</i> и пр. <i>подмышку</i>)	419	1 : 24
<i>(с)маху</i>	39	172	1 : 4
<i>(с)ходу</i>	152	997	1 : 6
<i>(под)дых*</i>	12	93	1 : 7

* Не отмечены в НКРЯ в списке наречных и предикативных оборотов.

В этой группе также ни у одного слова не образовалась «критическая масса» для кодификационных изменений. Полагаем, что, несмотря на ограниченность материала, предоставляемого НКРЯ, можно говорить о *совпадении кодифицированной и узуальной нормы письма* для наречий, которые обсуждались в качестве наиболее подходящих кандидатов для точечной орфографической коррек-

ции. В настоящее время для такой коррекции нет оснований.

В более общем плане хотелось бы констатировать, что хотя в некоторых случаях колебания в написании наречий и имеются, тем не менее вмешательство лингвистов не требуется. Поддерживаемое словарями и правилами написание наречий — это сегодня тот сегмент устойчивого нормированного русского письма, который наилучшим образом «выполняет свою основную функцию передачи информации письменными образами».

В. В. Каверина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)

Я. К. Грот и современное правописание

Ко второй половине XIX века русская орфография подошла в неупорядоченном состоянии. Многие спорные вопросы остались нерешенными, среди них употребление буквы «ять»; Е/О после шипящих и Ц; правописание приставок на <з>; правописание слов с префиксом перед *-и-*; употребление прописных букв; слитные, дефисные и раздельные написания. В решении данных вопросов не было единства даже в трудах нормализаторов.

Я. К. Грот упорядочил русское правописание. В исследовании «Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ. Филологическое разысканіе *Я. Грота*» (Филологическія разысканія. Т. 2. СПб.: Типографія Императорской Академіи наукъ. 1876) ученый сделал обзор узуса и объективной нормы русской орфографии и пунктуации XVIII–XIX вв. На основании данного труда по поручению Императорской Академии наук Грот регламентировал современное ему правописание в работе «Русское правописаніе. Руководство, составленное по порученію Второго отдѣленія Императорской Академіи наукъ академикомъ *Я. К. Гротомъ*» (СПб.: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1885. 120 с.).

Правописание «по Гроту» было рекомендовано Министерством народного просвещения, но подверглось серьезной критике, будучи ориентированным на сложившуюся к тому времени объективную норму и традицию. Книга выдержала 36 изданий до 1917 г., когда была осуществлена готовившаяся в течение почти полувека (с 60-х гг. XIX в.) реформа, которая коснулась в основном графики (устранение «лишних» букв и Ъ в конце слов) и

решила частные орфографические вопросы — упорядочила правописание приставок на *з* и некоторых окончаний. Однако полного свода правил реформа не предложила, поэтому гروتовское руководство оставалось актуальным и после 1917 г.

Обсуждение вопросов орфографии продолжалось и после реформы, однако ни один из проектов не был принят (в частности, самый крупный проект Главнауки 1930 г.). Издательства и типографии выпускали справочники для «внутреннего» пользования, руководствуясь каждый своими соображениями. Так, в 1933 г. было выпущено два орфографических справочника: в Москве — «Орфография, пунктуация и техника корректуры» А. Б. Шапиро, в Ленинграде — «Технико-орфографический словарь-справочник» Н. Н. Филиппова. По словам С. П. Обнорского, «в одном издании язык признаётся, как он есть, а в другом — каким он должен быть». Таким образом, большинство спорных вопросов были решены в них в полном несогласии. В 1934 г. была образована орфографическая комиссия под председательством А. С. Бубнова, которая проводила работу одновременно в двух учреждениях: в Москве при Учёном комитете Наркомпроса, в Ленинграде — при АН СССР, результатом чего стало несколько проектов, которые так и остались нереализованными.

Возобновившаяся после войны орфографическая дискуссия привела к созданию в 1956 году свода «Правил русской орфографии и пунктуации» — первого полного справочника нового правописания. Это была не реформа, а, как говорится в предисловии к своду, лишь попытка упорядочения письма, что должно было содействовать устранению разнобоя. Правила 1956 г. стали первым полным общепринятым сводом русской орфографии: они были утверждены Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР. В 2006 г. Орфографическая комиссия при отделении литературы и языка РАН выпустила «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник» (Под ред. В. В. Лопатина. М.: «Эксмо», 2006. 480 с.), которые были определены авторами как новая редакция Правил 1956 г.

Есть основания полагать, что заслуга упорядочения русского правописания принадлежит Я. К. Гроту, который решил его «спорные вопросы» в труде «Русское правописание», не поте-

рившем своей актуальности доньше. Это положение может быть проиллюстрировано некоторыми примерами.

Грот кодифицировал в современном виде правописание *Ы* после приставок на согласную, устранив разнобой, отличавший даже рекомендации авторитетных грамматических сочинений, одни из которых предлагали на стыке приставки и корня писать сочетание *ьи* (А. Х. Востоков, И. Давыдов, Ф. И. Буслаев), другие же предпочитали употреблять здесь *ы* (А. С. Шишков, Н. И. Греч). Однако последний вместе с тем утверждал, что в «сложныхъ и производныхъ словахъ» сохраняется *Ъи*: *предЪидуций, безЪимянный*. Нестабильностью правописания отличаются словарные статьи изданий Академического словаря 1847 г. и 1867–1868 гг. (например, ВЗЫГРАТЬ, но ОТЪИГРАТЬ, СЪИГРАТЬ). Я. К. Грот в 1885 г. кодифицировал данную орфограмму в ее современном виде и обосновал свою рекомендацию тем, что *Ы* представляет собой сокращенное сочетание *Ъ+И*, таким образом примирив узус и рекомендации некоторых грамматик. Из правила употребления *ы* после приставок ученый сделал единственное исключение — *взирать*, сохранившееся и в действующих ныне правилах орфографии.

После длительного периода разнобоя Грот узаконил написание *о* во многих аффиксах после шипящих, а также сложившуюся в узусе орфографическую практику — писать после *ц* под ударением *о*, без ударения *е*. Написание *о* после шипящих установлено Гротом в следующих случаях: «в окончаніяхъ» — *дружокъ, сверчокъ, вершокъ, свѣжо, хорошо, горячо, плечо, душой, свечой, большой, чужой*; в «открытыхъ слогахъ» — *шопоть, шорохъ, обжора, чопорный, трущоба* (исключение *еще*). В следующих случаях кодифицировано употребление *е*: в личные глагольных формах: *течетъ, берешь*, «гдѣ Е принадлежитъ... этимологическому составу окончанія», а также в причастиях: *шелъ, рѣшень, наречень*; «въ замкнутыхъ коренныхъ слогахъ» — *жесткій, шелкъ, счетъ, щетка, четки*. Отмечается различие в написании существительного *поджогъ* и глагольной формы *поджегъ*; в предложном падеже местоимения что — *въ чемъ*. Грот регламентирует написание *о* после *ц* под ударением: *лицо, кольцомъ, купцовъ*; в противном же случае пишется *е*: *зеркальце, перцемъ, иностранцевъ, улицею, лицевать* (Русское правописание. Руководство, составленное по порученію Второго отдѣленія Импера-

торской Академіи наукъ академикомъ Я. К. Гротомъ. СПб.: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1885. С. 39–41).

Трудно не согласиться с утверждением академика В. В. Виноградова о том, что Грот положил начало «официальной орфографии в России», внес единообразие в правописание, а также «некоторые поправки в сторону согласования и сближения письма с произношением», открыл возможность «сознательного регулирования в развитии орфографии» (*Виноградов В. В.* Русская наука о русском языке // Уч. зап. МГУ. М., 1946. Вып. 106. Т. 3. Кн. 1. С. 74–75). Вместе с тем, на наш взгляд, не менее важно, что большинство неупорядоченных участков орфографической системы были приведены к современному их состоянию именно Я. К. Гротом.

Е. В. Какорина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

Стилистический потенциал языка «простого» пользователя Сети (на материале жанра комментария)

Предметом для наблюдений послужили *комментарии*, оставленные в процессе сбора подписей-обращений к президенту против строительства высотного здания офиса Газпрома (Охта-Центра) в историческом центре Петербурга на сайте *Bashne.net* за 2009–2010 гг.

Прагматический контекст

Особенность коммуникативной ситуации состояла в необходимости назвать новый городской объект и выразить отношение к факту его строительства. При этом стремление говорить «от себя» сочетается с установкой на речь «как все» [Винокур 1993], создаются окказионализмы, творчески используются авторские, узуально групповые и стереотипные речевые средства, официальные и неофициальные именованья.

В процессе поиска неофициального топонима для новой весьма значимой городской реалии, во-первых, возникает большая *вариативность* предлагаемых пользователями номинаций, большая часть которых является индивидуальными, авторскими. Далее можно увидеть, что в этом разнообразии при определенном объеме критической массы начинают выделяться частотные номинации, которые достаточно быстро становятся *узурпаторскими* (они известны другим носителям языка и вне сферы общения в данной группе пользователей; воспроизводятся в ре-

чи, а не создаются). Таковы, например, обозначения *газоскрёб*, *газо*б* и некоторые номинации-образы.

Важную роль в процессе кристаллизации номинаций играет «общая питательная языковая среда», гипертекст, в котором возникают и живут новые обозначения.

Культурно-языковые парадигмы

Отдельные комментарии и гипертекст в целом апеллируют к базовым концептуальным парадигмам *власть — народ*, *Петербург — Москва*, которые конкретизируются через частотные противопоставления *деньги — мораль*, *деньги — красота* (безобразия), *разрушение — созидание*, *красота — уродство*, *история — современность*, *нравственность — безнравственность* и др., Они служат структурно содержательной основой текстов.

Неужели деньги сильнее красоты?? Испохабили Москву... теперь очередь за Петербургом? Или Матвиенко таким образом хочет войти в историю? (Т. Овсянникова, инженер-программист, 09.11.09);

Весь мир ездит в Европу посмотреть на старинные города, не тронутые в течение многих столетий. В России же каждая власть стремится сломать и перестроить, увековечить себя в циклических бандурах... После того, как Газпром воьбьет свой нелепый 400-метровый кол в без того израненное тело Петербурга, приезжать смотреть на это уродство смогут только мазохисты (Е. Руденко, предприниматель, 03.09.09);

Поскольку имею возможность лицезреть плоды неаккуратного, преступного возведения новостроя в городе Москве, очень бы хотелось не увидеть подобного повсеместного эффекта в Питере. Питер — не Нью-Йорк, а город со сложившимся сочетанием архитектурных стилей дореволюционной эпохи по преимуществу, изрядно разбавленной советской эпохой впоследствии (А. Рогожников, труженик села, 02.09.09);

Когда они высосут и продадут весь наш газ, мы станем добрее, не будет многих причин для жадности, споров, зависти, и т.д. А пока всю эту офисную гламурную \$-мерзость можно сливать в Москву-city <так!> (или как там), ей уже не помочь. А Питер оставьте в покое (Стриж, Златоуст, Южный Урал, 11.11.09).

Характер номинаций

Пространный вариативный ряд для обозначения новой город-

ской реалии — *высотного здания, башни, небоскрёба* — отражает поиск слова через диффузные номинации: *байда, балала, бандура, гадость, глыба, громадина, громилице, дрянь, дура, махина, монстр, монстрилла, непотребство, стекляшка, торчок, уродец, уродина, фига, фигня, хреновина, чудище, штука, штуковина*, большинство из которых ярко оценочны и принадлежат РР или просторечию-2, ограниченно используются жаргонные номинации. Помимо общей негативной оценки подчеркиваются большие размеры, уродство, несоответствие стандартам по высоте, неопределенность формы и другие свойства сооружения:

дура (нечто несуразное, некрасивое, громоздкое)

Это дремучее варварство — ради сиюминутных амбиций путинных-матвиенок и т. п. уродовать великий город. Этих деятелей через 50 лет мало кто вспомнит, а построенная железобетонная дура и тогда будет загаживать собой петербургский пейзаж (С. Федосеев, программист, 02.09.09);

штуковина (предмет, вызывающий удивление, любопытство, оценку)

Питер прекрасен именно из-за отсутствия в исторической его части таких вот штуковин (А. Филиппова, студентка, 30.09.09);

глыба (большой, бесформенный кусок чего-л., бесформенная застывшая масса)

Почему-то сторонники башни забывают, что в нашем ленинградском климате большую часть времени это будет выглядеть как кургузая серая глыба с верхушкой, «съеденной» облаками (В. Паршин, инженер, 11.11.09);

фига (кукиш)

Временички сгинут, а эта фига останется (Е. Игнатова, писатель, 03.09.09).

Частотные образы

Образы акцентируют в визуально воспринимаемом городском объекте то или иное его свойство: размеры (ненормативную высоту: *каланча, Вавилонская башня*), форму (нечто острое, способное причинить вред, ранить: *кол, игла*), размеры и форму (сексуальный символ: *огурец, банан, фаллос*), материал (неценное, несущее ауру массовой одноразовой культуры: *стекляшка*). Предлагаемый автором комментарий образ должен быть экс-

прессивным, ярким, привлекающим внимание, но в то же время индивидуальным «в меру», т.е. понятным, легко читаемым.

Среди образов отметим наиболее частотные обозначения, ставшие в данном гипертексте узуальными: *игла, кол, нож, штырь, заноза, ржавый гвоздь (в сердце)* — подчеркивается признак «острый, ранящий предмет»; *Вавилонская башня, (стеклянная) кукуруза / кукурузина* (как маркер эпохи Хрущева) — важны культурно-исторические и политические коннотации; *палец банан, огурец пискья, фаллос, фаллоимитатор, хрен, х.р* и др. — (используются коннотации из сексуальной сферы, подлежащей эвфемизации).
Примеры:

Газпромковский небоскреб — игла в сердце русской культуры (Г. Птичникова, архитектор, 17.09.09); *Если это здание будет построено, весь мир будет показывать на нас пальцем с негодованием и стыдом. Это ржавый гвоздь в сердце Святого города Петра...* (А. Мельчанов музыкант, 26.08.09); *Ужас... Какой-то Нож-в-сердце Питера, ей богу! Она бы, по-моему, и в Нью-Йорке не вписалась, и... вообще нигде. Если уж так необходима эта башня — пусть будет в Москве, Москву уже трудно сильнее испортить...* (М. Соснина, режиссер-аниматор, 25.08.09); *Чудовищная башня, какой-то кол в небо, сатанинское что-то* (Н. Иноземцева, менеджер, 02.12.09); *Зарядить Аврору снарядами и дать залп по кукурузе!* (Yuri A, Sydney, 26.09.09); *К черту кукурузину. Пускай в Маськве своей строят* (М. Донской, дизайнер, 24.08.09); *Строительство «кукурузы» — яркое проявление нуворишеского выпендрежа, желание быть «над всем». Итак всю Россию изгадили, давайте хоть Петров град отстоим!* (Н. Ломоносов, эксперт, 20.02.10); *Возводить этот кошмар — все равно, что напроць разрушить пока еще самый красивый город в России, а не просто разломать «небесную линию». Да и факт ли, что не останется недостроенный и заброшенный, прости Господи, хрен высотой так метров 200?* (О. Родина, студент, 26.09.09); *Сегодня они строят, где хотят, свои ужасные стеклянные фаллосы, а завтра начнут лепить рекламу на картины Эрмитажа!* (Д. Клейменичев, студент Худграфа, 26.09.09).

Концептуализация обозначений

П Пользователи склонны к образному обозначению и символическому прочтению обозначений, избираемых для столь

значимого городского объекта. При этом используются достаточно сложные и разнообразные культурные коннотации.

Башня — своеобразный символ того, что Россия сидит на нефтяной и газовой игле под предводительством царя-газпрома. Даже сама башня по форме своей напоминает иглу. Жуткую и безобразную. Символ поражения России (Я, студент, 14.12.09);

Такая башня, на первом, некрасивая. Но важнее, она символ капитализма и неравенства в наше общество. Петербург становится стерильно и есть меньшее и меньшее места для обычных людей. У нас есть такая башня и никто ее не любит (К. Оуэн, студентка, 03.09.09)¹.

Жанр комментария определяет видимую гиперсемантизацию всех элементов текста, насыщенность его коннотативными и образными языковыми средствами, сужение объема нейтральных номинаций и расширение экспрессивного фона. Пользователи стремятся не только и не столько к «фактографическому» представлению ситуации, сколько к концептуальным «высказываниям по поводу...». Примеры концептуального представления комментируемой ситуации многочисленны: *Эта 400-метровая дуля, конечно, тоже может стать памятником — памятником цинизму властей (и их дурному вкусу тоже) и унижению граждан. Ее назначение — возносясь над городом, ежеминутно напоминать всем, кто здесь главный и ЧТО здесь главное; Башня — не просто уродство! Это символ зарвавшихся российских коррупционеров, плевок в россиян! Вы, де, все обслуживающий нас мусор, а мы боги на этой земле, что хотим, то и воротим; Эта штука — не просто очередная вертикальная игрушка власти. Это нам говорят: «Всё бесполезно, людишки! Что мы запланировали, то и сделаем».²*

¹ Сохранена орфография оригинала.

² Ср.: «Город, развивающийся по определенной градостроительной идее, заложенной Петром, не должен резко менять своей концепции, если мы хотим, чтобы Петербург оставался Петербургом. У него есть свой “генетический код”, он заложен самим Петром — строить по горизонтали. Горизонтали преобладают, они создают красоту нашего города. Поднимающиеся над горизонталями вертикали храмов и Адмиралтейства имеют определенное идеологическое значение. То, что Исаакий пока еще самое высокое здание в городе, знаменует собой приоритет духовного начала. Но почему здание бизнес-центра будет выше Исаакия? Что высотность центра означает? Ведь

Уникальные образы

Среди уникальных образов *ВертиКал Власти*, *тампакс*, *зажигалка* и др.:

Это гигантский памятник тампаксу в культурно-историческом центре города (Г. Тютюнник, бухгалтер, 26.09.09);

В улыбке Петербурга появится фикса из фальшивого золота, как у тёти Мани с Привоза (В. Каган, врач, 25.08.09); *Это как к старинному шкафу приделать пластмассовые ножки* (К. Кузьмина, 02.09.09); *Питер — это древний артефакт, не надо рисовать на нем граффити, он прекрасен от рождения* (Д. Счастливая, хранитель, РАН, 17.09.09); *Башня — нос Буратино на лице Мадонны* (Н. Бармин, пенсионер, 26.08.09).

Стилистическая гетерогенность текстов

Высокие книжные номинации совершенно свободно уживаются с разговорными и подчеркнуто сниженными обозначениями: *Какой небоскреб в Питере? Город чудесный! Не надо этого говна!*; *Вам Москвы мало, гады!?* *Уберите свои грязные лапы от святого места, мне через пару лет, надеюсь и верю, еще там жить!!!*; *Итак всю Россию изгадили, давайте хоть Петров град отстоим!* Пример текста:

Нигде в цивилизованной Европе, куда вы, господа бизнесмены, так любите ездить, такое варварство недопустимо. Так прекратите гадить в той стране, где живете. Это все равно, что взять картину Рафаэля и начать на ней малевать. Ты, бестолочь, возьми чистый холст и там малюй. Стройте на окраине — оставьте исторический центр в покое. Не будьте варварами, не ставьте свои мелочные мещанские, денежные интересы выше интересов нации... (А. Атаманов, программист, 16.09.09).

Обращение к литературной и публицистической традиции проявляется через цитирование общеизвестных текстов, использование лежащих на поверхности» стереотипов: *Сохраним*

архитектура не может быть просто значительной, она должна быть еще и значимой. В девятнадцатом веке, в эпоху капитализма, банки не строились выше церквей. Почему же сейчас они должны быть самыми высокими в городе? <...> Что касается желания и стремления создать символ нового Петербурга, то он уже есть — это адмиралтейский кораблик и герб нашего города, и Медный всадник, и ангел на Петропавловской крепости. Так что, все это перечеркнуть новым символом на здании бизнес-центра? Что он будет символизировать — упоение бизнесом?» [Лихачев 1994].

«Петра творенье»; Что же тогда останется от: «Люблю тебя, Петра творенье, люблю твой строгий СТРОЙНЫЙ вид...»; Петербург еще не хочет умирать. Нет монстру!!!; Вставай страна огромная, пора на смертный бой! ; Газоскрёб на 101-й километр. Градостроительных вандалов ещё дальше.

Пока с этой стране будут «разрушать всё до основания, а потом...» — не будет этой страны. Пора бы уже понять, что наша сила и наша ценность не в деньгах и понтах, а в культуре. Невозможно воспитать сильное поколение в говне. Господа, если вы хотите, чтобы ваше имя осталось в истории, то не идите путём Герострата..., не живите по принципу «после нас хоть потоп»... (А. Мицул, студент-политолог, 03.09.09);

Отступить некуда, позади...Петербург. Невозможно представить, что это произойдет и мы потеряем наш город. Не верю, но понимаю, что мы живем в стране неограниченных возможностей. Увы! (Е. Агаширинова, психолог, 26.09.09).

Материалы интернет-комментариев — свидетельство укрепления и обогащения языковых возможностей носителей языка (возможности свободно выбирать языковые средства из максимально открытых, доступных ему подсистем языка). Стилистическая фактура текстов говорит о богатстве языка пользователей, усвоении публицистической традиции, ее творческой переработке, обращении к разнофункциональным ресурсам русского языка: литературному языку, РР, просторечию-2, жаргонам, — при их взаимообогащении.

Тексты комментариев дают нам представление о «простом» пользователе — нашем современнике.

Литература

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. М., 1993.

Какорина Е. В. Проблемы изучения неофициальных городских номинаций и их словарного представления // Материалы III международной научной Интернет-конференция «Русский язык и проблемы филологического образования» (26–27 декабря 2011 года). Гуманитарный институт САФУ, Северодвинск, 2012 (в печати). www.sfggu.ru/Russkiy_yazyk_i_problemy_filologicheskogo_obrazovaniya.php

Крысин Л. П. Формы существования (подсистемы) русского национального языка // Современный русский язык: Социаль-

ная и функциональная дифференциация. М., 2003

Лихачев Д. С. Интервью газете «Санкт-Петербургские ведомости», 1994.

М. Л. Каленчук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

Орфоэпические словари русского языка: современные подходы и новые принципы

За последние десятилетия был издан целый ряд новых словарей, отражающих произносительную норму. Среди них наиболее авторитетным, несомненно, является «Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы» С. Н. Боруновой, В. Л. Воронцовой, Н. А. Еськовой под редакцией Р. И. Аванесова, вышедший впервые в 1983 г. и многократно переиздававшееся как в стереотипном, так и в переработанном виде. Этот словарь является классикой академического словарного дела, в нем заложена новая традиция отечественной орфоэпической лексикографии.

Но потребность в создании новых орфоэпических словарей фундаментального, академического типа продолжает остро ощущаться.

Рассмотрим основные причины, диктующие необходимость создания новых лексикографических источников орфоэпического типа.

Звуковой строй русского языка изменяется, одни закономерности произношения устаревают и уходят из языковой системы, на смену им появляются новые. В большинстве имеющихся словарей кодифицирована звучащая речь середины XX века, а между тем с тех пор выросло не одно поколение носителей русского литературного языка, в чьей речи воплощены новые нормы произношения.

За последние десятилетия появилось огромное количество новых слов, произношение которых не описывается в имеющихся словарях, а именно эта группа слов чаще других вызывает затруднения у говорящих (напр., *веб-дизайн*, *модем*, *сканер* и мн. др.).

Традиционно сложился круг произносительных явлений, описываемых в орфоэпических словарях, при этом причины, по которым одни факты комментируются в словарях, а другие игнорируются, неявны. Почему описывается, например, произношение согласных в группе *стн* (*челюстной*), но не описывается в группе *нкт* (*санкт-петербургский*), хотя в обоих случаях фик-

сируются варианты произношения? Почему показывается возможное отсутствие редукции в первых основах композитов, но не делается того же по отношению к приставкам (*д[о]военный* и *д[э]военный*)? Почему обсуждается долгота-краткость согласного на месте двух одинаковых букв в корнях заимствованных слов (*дó[лл]ар* и *дó[л]ар*), но за пределами внимания остается длительность звуков на месте букв *нн* в суффиксах (*вѣда[н]ый*, но *дá[нн]ый*)? Таких вопросов можно поставить десятки.

Развитие фонетической науки за последнее время заставило пересмотреть некоторые ранее сложившиеся представления о произносительных закономерностях, а также позволило выявить многие ранее не известные факты, например, стало известно много новых данных о реализации фонемы /j/ в разных позициях.

Вышеперечисленные причины привели к необходимости создания совершенно нового лексикографического источника. В 2012 году вышел из печати «Большой орфоэпический словарь русского языка» М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткина и Р. Ф. Касаткиной (БОС), являющийся фундаментальным сводом русского литературного произношения конца XX — начала XXI века, сочетающим дескриптивный и кодификационный подходы. Как представляется, в БОСе реализованы новые принципы и подходы к созданию словарей подобного типа.

Е. С. Кара-Мурза

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)

Лингвистическая экспертиза как инструмент языковой политики

Развитие и кодификация русского правописания, чем плодотворно занимался академик Я. К. Грот, может рассматриваться в современных социолингвистических терминах как реализация важного направления языковой политики (ЯП). Поэтому в рамках юбилейных чтений резонно обратиться к проблематике ЯП, но других ее направлений — с учетом новой эпохи, а также профессиональных интересов и забот выступающих.

Автора данного вступления в его рабочих ипостасях доцента кафедры стилистики журфака МГУ и члена ГЛЭДИС (Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам) тревожит большое количество речевых правонарушений

и преступлений, в том числе в массмедиа. Они совершаются (или мнятся совершенными) против 1) нематериальных прав отдельной личности и институций (честь, достоинство, доброе имя и деловая репутация), 2) информационных и политических прав людей как граждан и потребителей (в избирательном законодательстве — в части информирования избирателей, в законах о СМИ, о рекламе), 3) прав общества и его групп на безопасную жизнь, на конституционный порядок и на государственную целостность государства.

Этот сегмент правовой регуляции социальных коммуникаций не отражен еще, кажется, в отечественной социолингвистике, хотя его сущность и значимость вполне соответствует ее проблематике и компетенции: по А. А. Волкову, «языковая политика государства проявляется в законодательной деятельности, в организации системы образования, в государственном или общественном регулировании средств массовой информации и издательской деятельности...». Координация законов о государственном языке и об одном из направлений массовой коммуникации уже осуществлена — пока точно: «При производстве, размещении и распространении рекламы должны соблюдаться требования законодательства Российской Федерации, в том числе требования гражданского законодательства, законодательства о государственном языке Российской Федерации» (часть II в ред. ФЗ N 231).

Итак, конфронтационное и делинквентное функционирование текстов на русском языке и соответствующее речевое поведение его носителей может стать новым объектом ЯП. В той мере, в какой определенные речевые практики пресекаются и наказуются согласно законам, можно говорить о карательных, рестриктивных методах государственной языковой политики.

С социолингвистической точки зрения, речевое преступление может рассматриваться как специфическая коммуникативная ситуация. В конфигурации ее участников обнаруживаются, с одной стороны, нарушители, с другой — пострадавшая сторона (оклеветанный, оскорбленный человек, дискредитированная фирма или партия) либо надзорная инстанция, усмотревшая в речевом поступке/ тексте отклонение от закона, а с третьей — правоприменители, чьей задачей является восстановление законности, наказание ее нарушителей и профилактика будущих нарушений. Важный компонент надзора и правоприменения — истолкование

закона применительно к конфликтной ситуации одновременно с истолкованием этой ситуации и ее семиотического продукта [Корнеев]. Если профессиональные толкователи-юристы затрудняются с пониманием конфликтогенного текста, они обращаются к профессиональным толкователям – лингвистам-экспертам, чья задача — обеспечить доказательственную базу для вынесения приговоров по речевым преступлениям и информационным спорам. В зависимости от процедуры запроса оно выполняется в формате судебной экспертизы или заключения специалистов, в методах принципиально не различаясь [Баранов 2007].

Таким образом, решение суда может рассматриваться как непосредственный акт языковой политики, а СЛЭ (в расширительном значении) — как его опосредствующий инструмент.

Как направление прикладной лингвистики СЛЭ развивалась за последние два десятилетия и экстенсивно (в смысле востребованности), и интенсивно (в плане формирования теоретической базы и воспроизводимых алгоритмов анализа). Она выполняется в государственных экспертных центрах при ФСБ, МВД, МЮ, в коммерческих организациях (напр., в «Мосэкспертизе»), в академических либо вузовских (каковы ИРЯ РАН, филфак или журфак МГУ) или в специальных независимых учреждениях (ГЛЭДИС, СИБАЛЭКС и др.). Интерпретативный характер восприятия конфликтного текста и многосторонний характер процесса способствует процессуальной конкуренции экспертиз.

Среди возможных социолингвистических «поворотов» этой темы кажется важным обсудить роль и место лингвистов-экспертов как субъектов языковой политики. Социолингвистика считает таковыми государственные и общественные институты, группы и индивидуальных носителей языка; в зависимости от этого различаются государственная и общественная ЯП: в современной России нормализация и кодификация русского литературного языка «получает отражение в языковой практике и вызывает определенную общественную реакцию. Такова, например, реакция на жаргонизацию литературной речи \diamond , на неумеренное заимствование иноязычной лексики, на другие процессы, характерные для развития и функционирования современного русского литературного языка, которые, по мнению многих представителей интеллигенции, требуют регулирующего вмешательства

со стороны лингвистов» [Беликов, Крысин 2001: 265].

Ценности и принципы субъектов государственной и общественной ЯП могут различаться, что традиционно для России с ее противостоянием власти и интеллигенции. Поэтому в политизированных процессах, в условиях давления на суд и в традициях обвинительного уклона, негосударственные эксперты как самостоятельная герменевтическая инстанция часто занимают точку зрения, которая противостоит официальной, содержательно близка оппозиции. Такая экспертиза может не быть полезной клиенту, но получить общественный резонанс — обычно вместе с самим делом. В докладе будут приведены подобные примеры.

Литература

Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. М., 2007.

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М., 2001.

Корнеев В. В. Герменевтический метод в философии права (краткий обзор) // www.kovit.narod.ru/open.html.

Н. В. Козловская

Институт лингвистических исследований РАН (Россия, Санкт-Петербург)

К описанию языка русской религиозной философии

Доклад посвящен проблеме лексикографического описания терминологии русского религиозно-философского текста.

Традиция отечественной авторской лексикографии, которая в последние годы развивается очень динамично, вбирает в себя наследие Я. К. Грота, который в фундаментальном труде «Жизнь Державина по его сочинениямъ и письмамъ...» представил первый опыт словарного описания языка писателя (разделы «Языкъ Державина» и «Словарь къ стихотворениямъ Державина»).

Лексика русского религиозно-философского текста — интересный, но очень неоднородный и сложный материал потенциального словарного описания. В «Филологическихъ разысканияхъ» Я. К. Грот приводит Программу словаря братьев Гримм («Къ соображенію будущихъ составителей русскаго словаря»), в которой, в частности, говорится: «Философамъ, которые понимаютъ точную связь между представлениами и словами, должно бы быть сродно углубляться въ тайны языка, но ихъ превосходство развивается болѣе изнутри и такъ много зависитъ отъ особенностей собственной натуры каждаго, что они мало обращаютъ вниманія

на общеупотребительный язык...» (Гротъ 1899: 163).

Зависимость языка философа от «особенностей натуры» проявляется, в частности, в появлении авторских философских терминов (*беспочвенность* и *почва* Л. Шестова, *аритмология* и *пневматосфера* П. А. Флоренского, *этость* и *самость* С. Франка) и в различном смысловом наполнении традиционных философских понятий: истина, свобода, душа и др.

Такие единицы должны стать объектом лексикографического описания сводного дифференциального словаря русской философской лексики. Источниками словаря являются тексты русских мыслителей, творчество которых тесно связано с религиозным мировоззрением: К. Н. Леонтьев, Вл. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, Л. Шестов, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк.

Слова, актуализирующие связь с произведениями русских философов, часто оказываются «за пределами словарей» — лингвистических и философских. Так, например, лексема *всѣмство*, имеющая статус авторского образования Ф. М. Достоевского, не отражена в толковых и философских словарях. В Большой словарной картотеке ИЛИ РАН есть одна карточка на это слово (цитата из критической статьи о Достоевском). Слово отражено только в Статистическом словаре языка Достоевского.

Между тем *всѣмство* — один из важнейших компонентов терминосистемы Л. Шестова, который, заимствовав это понятие у Достоевского, значительно его углубил и расширил. Если у Достоевского *всѣмство* встречается один раз в «Записках из подполья», то у Шестова, по данным Национального корпуса русского языка, показатель частоты возрастает до 47 раз («На весах Иова» (1929), «Афины и Иерусалим» (1938), «Николай Бердяев: Гнозис и экзистенциальная философия» (1938)).

Смысловое наполнение термина *всѣмство* у Достоевского и Шестова соотносимо с одним из основных понятий экзистенциализма, выраженным неопределенно-личным местоимением *тап*: это такой способ существования личности, когда она мыслит, чувствует и поступает «как все», не избирая в каждой ситуации своего подлинного пути.

Анализ слова *всѣмство* показал, что, помимо классических лексикографических зон (частота употребления, толкование, иллюстрация), словарь языка русских философов должен включать ком-

ментарий составителя, проясняющий связь предмета лексикографирования с античной и западной философией, Библией, богословскими текстами, творчеством русских и зарубежных писателей.

Поскольку многие философы — и в частности Шестов — не дают определения понятий, в задачу лексикографа входит составление толкования и подбор цитаты, наиболее полно отражающей семантический облик слова.

Наиболее близки к дефиниции понятия *всемство* у Шестова следующие цитаты: «... *то, что Достоевский называл «всемством», т.е. всеми признанные суждения»; «И точно, Аристотель был гением и несравненным певцом «всемства», т. е. середины и посредственности»* [Шестов 2010: 45].

Дефиниция термина может быть представлена синонимическим способом — через перечисление текстовых синонимов и аналогов *всемства*, которые составляют ядро значения слова: *всемство* — это обычное сознание, сознание вообще, законы рассудка и совокупность «очевидностей», середина и посредственность, равновесие душевное, состояние равновесия, удовлетворенности.

Кроме того, словарная статья должна включать зону метафор, которые являются яркой чертой русского религиозно-философского текста и служат для более объемной, выразительной характеристики основных понятий (характеристика *всемства*: *тупая, серая, зевающая, удушающая прочность «несомненного» сна, золотая середина, меловая черта*).

Лексикографическое описание философской терминологии необходимо не только для дальнейшего исследования произведений русских мыслителей, но и для уточнения лингвистического понятия «философский термин».

Литература

Жизнь Державина по его сочинениямъ и письмамъ и по историческимъ документамъ / описанная Я. Гротомъ. Издание Императорской Академіи Наукъ. Томъ второй. Санктпетербургъ, 1883. Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru/> Шестов Л. На весах Иова. М., 2010.

**Польское имя в русском тексте:
из наблюдений над способом передачи собственных имён
в современных российских СМИ**

Каждый день на страницах газет и журналов, а также новых СМИ, таких как Интернет, появляется множество имён, чуждых русскоязычному реципиенту. Несмотря на факт, что проблема передачи иноязычных, не только польских, имён собственных и названий в русском тексте не является новой, она до сих пор не исчезла и приводит к многочисленным ошибкам, которые в значительной степени осложняют межъязыковую коммуникацию.

Как подчеркивается в лингвистической и переводческой литературе, имя собственное всегда реалия. Кроме того, оно тем отличается от нарицательного имени, что всегда непосредственно относится к единственному в своём роде объекту, то есть к конкретному лицу, организации, месту и т.д. Эти объекты характеризуются ещё и тем, что за ними всегда закреплена национально-языковая принадлежность.

Сегодня не только от переводчиков, но также и от журналистов, которые становятся транскрипторами, зависит написание и дальнейшее распространение таких иностранных реалий. Именно поэтому материалом к настоящему исследованию послужили данные, извлечённые из «Национального корпуса русского языка» (www.ruscorgpora.ru), в состав которого входят тексты печатных газет («Известия», «Комсомольская правда», «Советский спорт», «Труд») и электронных агентств («Новый регион», «РИА Новости», «РБК-Daily»). Добавочным материалом послужили тексты электронных версий таких газет и журналов, как «Независимая газета», «Итоги», «Аргументы и факты», «Коммерсантъ» и «Частный корреспондент». Во время работы была также использована поисковая система Яндекс.ру.

В центре внимания оказались прежде всего имена и фамилии современных польских деятелей политики, культуры (кино, литературы, музыки) и спорта; названия газет, радио- и телеканалов, фирм и политических партий, то есть те имена, которые ежедневно появляются в современных российских массмедиа.

К основным способам передачи имён собственных относятся:

прямой перенос, то есть написание имени посредством букв латинского алфавита, транскрипция, смысловой перевод.

Результаты проведённого анализа однозначно показывают, что в настоящее время все сильнее становится тенденция к прямому переносу собственного имени, особенно названий газет и журналов телеканалов, организаций и фирм. Эта практика начала распространяться также на имена и фамилии, которые появляются в текстах также в оригинальном написании. Часто при таком прямом переносе опускаются польские диакритические знаки или имя даётся в английской транскрипции, а это уже может привести к дальнейшим ошибкам и непониманию.

Самым распространённым способом передачи иностранного имени является транскрипция, которая до сих пор вызывает трудности. Источником трудностей является между прочим отсутствие строгой унификации норм передачи иностранных слов. На издательском рынке существует масса различных словарей и пособий, описывающих правила транскрипции, в которых авторы часто по своему собственному языковому «чутью» устанавливают правила. Результат таков, что эти правила противоречат друг другу и приводят к формированию нескольких вариантов одного и того же имени. Журналисты тем временем, создают свои правила, формируя соответствия имён, которые раньше в никаком словаре не отмечались. Таким образом, «норма» передачи польских букв и их сочетаний посредством русского алфавита находится в постоянном движении.

Такая ситуация приводит к различным курьёзам. Наглядным примером, подтверждающим этот факт, может послужить способ (вернее, способы) передачи личного имени и фамилии *Maciej Zakościelny* (актёр молодого поколения):

Мацей Закощельны
Матей Закостельный
Масьеж (!) Закощельный
Мацей Закошьельны
Мачей Закостцельны
Мацей Закосцельный

На этой основе можно создать еще несколько вариантов, ес-

ли имя *Maciej* можно передать как *Мацей, Мачей, Матей, Масьеж*, а фамилию *Zakościelny* — *Закощельны, Закошьцельны, Закощельны, Закощельный, Закостельный* (получается 24 варианта, без следования какому-либо принципу). При этом следует учесть факт, что только соответствия *Закощельный* и *Закостельный* по нормам русского языка будут склоняться (фамилии на *-ы, -и* не склоняются).

Больше чем одним соответствием обладают также и другие польские личные имена, например *Cezary* (*Цезарь, Цезары, Цезари, Цезарий, Чезари*)¹, *Marcin* (*Марцин, Марчин, Мартин*), *Marian* (*Мариан, Марьян, Марьян*), *Franciszek* (*Францишек, Франтишек, Франчишек*), *Urszula* (*Урсула, Уршула, Уршуля*) или *Zofia* (*Софья, Зофия, Зофья*).

Самые большие трудности при транскрипции не вызваны, как часто упоминается в лингвистической литературе, передачей звуков обозначаемых буквами *a, e*, но, прежде всего *s, c, ś, ć* (особенно перед мягкой согласной), *ia, ie, iu, ja, je, ju* (после согласной). Случаются и обыкновенные (но имеющие серьёзные последствия), не вызванные какими-то трудностями ошибки, в результате которых, например фамилия польского президента превращается из *Коморовского* в *Комаровского*.

Изменениям подвергается и способ передачи фамилий, оканчивающихся на *-ski (-ska), -cki (-cka), -dzki (-dzka)*, которые с определенными исключениями (например, *Барбара Брыльска*), раньше передавались с флексией, свойственными русскому языку *-ский (-ская), -цкий (-цкая), -дзкий (-дзкая)*, а теперь в большей степени начинают передаваться в оригинальном звучании, с окончаниями *-ски (-ска), -cki (-цка)* и т.д. Результатом таких тенденций являются, появляющиеся в текстах (даже на одной полосе!) дублиеты: *Качиньский* — *Качиньски, Сикорский* — *Сикорски, Квасьневская* — *Квасьневска*.

В конце хочется подчеркнуть необходимость регламентации и унификации способов передачи имён собственных (не только польских), хотя, кажется, что такая регламентация в будущем и может быть не нужна, так как большая часть иноязычных имён начинает передаваться в оригинальном написании.

¹ Все соответствия были обнаружены при попытке установления способа передачи фамилии *Pazura* (*Cezary Pazura* — польский актёр).

И. Н. Кошман

Луганский национальный университет им. Т. Шевченко (Украина, Луганск)

Необходимость правила?**(об орфографии собственных имен в русских текстах Украины)**

1. В ситуациях сосуществования нескольких языков на одной территории формируется специфическое ономастическое пространство, имеющее вид некоторой упорядоченной совокупности соотносящихся компонентов — номинаций, функционирующих в каждом из сосуществующих языков. Для таких ономастических ситуаций В. Шпербер предлагает понятие «пара названий», которое он определяет как «наличие двух имен <...> для одного и того же объекта» [Шпербер 1972: 384]. Важным свойством пар названий является то, что «для двуязычных индивидов именные пары — это не следствие случайного двойного именования; напротив, эти пары выполняют вполне определенную функцию, гармонически включаясь во всеохватывающую систему отношений элементов обоих языков» [Шпербер 1972: 387].

2. Сосуществование на протяжении значительного времени украинского и русского языков объясняет наличие особого ономастического пространства, которое представлено соотносящимися украинской и русской номинациями. Пары названий, составляющие ономастическое пространство, получают кодификацию в каждом из языков, а нормативное соотношение пар названий закрепляется в словарях и справочниках.

Например, словари [НРУСД 1996; Скрипник 1996] фиксируют следующие пары названий, входящие в поле мужских имен:

<u>Русская номинация</u>	<u>Украинская номинация</u>
Василий	Василь
Григорий	Григорій, Григір; <i>разг.</i> Григор, Грицько, Гриць, Ригір, Ригор
Михаил; <i>разг.</i> Михайла, Михайло	Михайло
Николай; <i>реже</i> Никола	Микола; <i>реже</i> Миколай
Филипп	Пилип

3. Русские тексты Украины новейшего времени отражают тенденцию к перераспределению антропонимов в описываемом ономастическом поле, что свидетельствует о том, что сформировавшиеся ранее и получившие кодификационный статус со-

отношения в парах личных имен постепенно разрушаются. На место упорядоченного и последовательного разграничения именованных приходит смещение, обусловливаемое причинами нелингвистического характера.

4. Трансформации в ономастическом пространстве имеют количественное измерение. В современных русских публицистических контекстах для именованного лица все чаще используется украинский антропоним из соотносящейся пары названий. В примере: *На аудиенцию с главой государства, которая продолжалась свыше двух часов, в Крым, в президентскую резиденцию в Форосе, прилетели бывший Президент Украины Леонид Кравчук, ректор Киевского национального университета имени Тараса Шевченко Леонид Губерский, писатель Иван Драч, директор Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины **Микола Жулинский**, директор Института украинского языка НАН Украины **Павло Гриценко**, директор Национального музея Тараса Шевченко **Дмитро Стус** и еще несколько представителей украинской интеллигенции. Также на встречу пришли советник Президента Украины **Ганна Герман** и министр культуры Украины **Михайло Кулыняк** (Д 2012, 9.08) — украинский оним используется в качестве номинации общественных и политических деятелей Украины.*

5. Насыщение русских текстов украинскими антропонимами актуализирует проблему графического представления онимов такого рода. Совершенно естественно включение в текст украинизмов в графической форме, соответствующей общим принципам передачи иноязычных собственных имен [Суперанская 1978]. Графический облик некоторых словоформ закрепляется в энциклопедических и справочных изданиях. Например, в ЛитЭС: *Бажан **Микола** (Николай) Платонович, Тычина **Павло** (Павел) Григорьевич.*

Следование традиционной форме отражают современные контексты: *Не зря еще **Микола Хвильевый** говорил...* (Б 2010, № 45); *Так и не отработав после училища положенный срок, **Григор** вернулся в родную Шиловку* (Д 2011, 16.12); *Был в то время такой себе театр, которым руководил **Пилип** Хмара* (ЗНУ 2012, № 12); *А про здравых написал по сей день актуальное **Василь** Стус...* (ЗНУ 2012, № 29).

6. Вместе с тем активизация украинских именных пар в русских текстах обуславливает стремление к транскрипционной пе-

редаче личного имени — такому способу представления, который максимально приближает антропоним к оригинальному (украинскому) звучанию: ...*в Канев приедут исполнительница главной роли Людмила Ефименко, сын режиссера, продюсер Пылып Ильенко...* (Д 2011, 11.01); *И нет рядом никого, кто как Василь Лыпкивский, смог бы сказать...* (ЗНУ 2011, № 7); *И это они еще не нюхали такого глубинного явления, как Михайло Поплавський* (Б 2011, № 16); *Возможно, поэтому и «мучились со словом», как Грыгир Тютюнник, ведь родная земля чужих зерен не принимает?* (ЗНУ 2011, № 47); *Работы Мыколы Билоуса можно увидеть в городских галереях и частных коллекциях...* (Д 2012, 17.02).

6. Таким образом, различные стратегии при передаче графического облика украинских антропонимов становятся причиной резкого увеличения графических вариантов, тем самым порождая графико-орфографические конфликты. Орфографический облик русского текста дестабилизируется — в русских текстах Украины увеличивается количество проблемных орфографических областей.

Подобные примеры не только делают актуальной проблему упорядочения написаний собственных имен в русских текстах Украины, но и затрагивают глобальную проблему — о границах русской орфографии.

Литература

- Литературный энциклопедический словарь / [под общей ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева]. М.: Сов. энциклопедия, 1987.
- Новий російсько-український словник-довідник / [укл. С. Я. Єрмоленко]. К.: «Довіра», 1996.
- Скрипник Л. Г. Власні імена людей: словник-довідник / Л. Г. Скрипник, Н. Д. Дзятківська. К.: «Наук. думка», 1996.
- Суперанская А. В. Теоретические основы практической транскрипции / А. В. Суперанская. М.: «Наука», 1978.
- Шпербер В. К соотношению между лужицкими и немецкими топонимами в двуязычной Лужице (Названия урочищ) // Новое в лингвистике. Вып. VI: Языковые контакты. М.: «Прогресс», 1972.

Соматические объекты и некоторые их типы: проблемы лингвосемиотического описания

Тело, части тела, органы, телесные жидкости и другие телесные, или соматические, объекты давно уже стали предметом изучения гуманитарных наук, таких как: психология, философия, теория культуры и лингвистика. А сегодня к анализу разнообразных проблем, относящихся к телу и телесности, активно приступили и специалисты в области невербальной семиотики — новой комплексной науки, изучающей телесные невербальные знаки и модели телесного знакового поведения.

Исследователей языков тела роднит с лингвистами интерес к телу, но не как к физическому или биологическому объекту; их объединяет общий предмет исследования — **семиотическая концептуализация тела и телесности**. Семиотическая концептуализация тела и телесности включает в себя описание того, как отображаются в языковых и невербальных знаках данного естественного языка и языка тела соматические объекты, их структурные и физические свойства, функции и дисфункции, каковы формальное и смысловое представление типовых жестов, производимых с участием тех или иных телесных объектов. Решая задачу построения семиотической концептуализации, мы решаем параллельно задачу сопоставительного описания естественного, в частности русского, языка и соответствующего ему языка тела, сравниваем и оцениваем выразительные возможности вербального и невербального знаковых кодов.

Для построения семиотической концептуализации тела и телесности нашей небольшой исследовательской группой из Института лингвистики РГГУ (Москва) был разработан особый **признаковый подход**, который не только даёт возможность решать две указанные задачи, но и проводить сопоставительный анализ семиотических концептуализаций тела и его частей для разных языков, этносов и культур.

Признаковый подход предполагает выделение и описание большого числа связанных друг с другом множеств. Это, например, множество соматических объектов и множество их содержательных группировок — типов, или классов, множество ха-

рактизирующих их телесных признаков и множество значений этих признаков. Среди телесных признаков выделяется несколько больших групп признаков: (а) классификационные признаки; (б) структурные признаки; (в) физические признаки и (г) функциональные признаки (функции и дисфункции соматических объектов). Кроме того, для полного построения семиотической концептуализации требуется описать множества признаков, характеризующих различные имена (номинации) соматических объектов и их значений, а также множества жестов, исполняемых с участием соматического объекта, признаков, связанных с языковым обозначением жестов, и значений этих признаков.

Однако даже анализом всех этих множеств построение семиотической концептуализации тела не заканчивается. Требуется еще описать очень большие по объему множества языковых и невербальных знаковых единиц, которые служат типовыми выражениями каждого из признаков соматических объектов или их значений.

При изучении механизмов и способов взаимодействия данного естественного языка и языка тела необходимо учитывать не только указанные выше структурные составляющие семиотической концептуализации, но и многие свойства людей — обладателей соматических объектов. Представления людей о человеческом теле и его месте в наивно-семиотической картине мира меняются не только на протяжении разных этапов их жизненного цикла — очевидно, что в период взросления, зрелости и затухания эти представления у людей различаются. Меняются они и в зависимости от значений многих биологических, психологических и социальных характеристик человека. Так, мужское тело представлено в нашем сознании иначе, чем женское, а взрослое — иначе, чем детское. Многие телесные процессы обусловлены биологическими ритмами в разные периоды годового и жизненного цикла, физическим самочувствием и психологическим состоянием человека, его профессией или ролью в обществе. Например, если человек болен, то могут меняться температура, форма, размер или цвет его тела, и тогда соответствующие признаки принимают другие значения, чем у здорового человека. Мозолистые и грубые руки в представлении людей многих культур ассоциируются с рабочими профессиями, требующими существенных затрат физического труда, а утончённые руки, с тонкими, длинными пальцами, — с профессия-

ми музыканта или художника, то есть профессиями творческими.

В докладе ставится задача продемонстрировать применимость признакового подхода к одному классу, или типу, соматических объектов, который мы условно назвали *кости* и который, насколько нам известно, в лингвистике системно не описывался. Этот класс является весьма многочисленным и разнообразным по составу. В него входят собственно кости, стремечко, череп, скелет (система костей), сустав (сочленение костей), ребро, ключица, позвонок и позвоночник, <коленная> чашечка, а также хрящ, лопатка, зуб, локоть, колено, челюсть, мениск и др.

Класс «*кости*» делится на два больших семантических подкласса.

Первый подкласс образуют соматические объекты, которые с языковой точки зрения являются костями, объединениями или сочленениями костей, поскольку именно так воспринимают их люди. Они являются референтами таких слов (в их исходных значениях), как *кость*, *череп*, *сустав*, *ребро*, *хрящ*, *ключица*, <коленная> *чашечка* и ряда других.

Второй подкласс образуют соматические объекты, которые с языковой точки зрения являются, прежде всего, **частями тела** или **частями частей тела**. Сказанное означает, что в большинстве коммуникативных актов и текстов люди рассматривают слова, обозначающие эти объекты, как названия частей тела или частей таких частей. Между тем центральным, если не единственным, формо- и структурообразующим элементом в них является кость, а потому в других контекстах такие слова, как, например, *локоть*, *лоб* или *колено*, могут интерпретироваться именно как кости, то есть имеют в таких контекстах **другие значения** или **другой тип употребления**. Иными словами, соматические объекты, являющиеся референтами слов *локоть*, *колено*, *зуб*, *таз* и др., обладают **множественной (двойной, тройной и т.д.) референтной соотнесенностью**, что оправдывает включение их в класс «костей» (см. такие показательные сочетания, как *лобная кость*, *плечевая кость*, *тазовая кость*, *локтевая кость*).

Телесные объекты, относящиеся к данному семантическому подтипу, принимают участие в производстве многих жестов. Они выступают в них либо в роли активного органа, либо в роли пассивного органа, т.е. служат либо основным инструментом в

производстве жеста, либо местом исполнения жеста, ср. такие жесты, как *преклонить колени, стоять на коленях, поставить на колени, положить кому-л. голову на колени, уткнуться в колени, ломать через колено; работать локтями, опереться локтями, взять под локоть; дать в лоб, поцеловать в лоб, щелкнуть по лбу* и др. Многие из этих жестов и их русских имен актуализируют главное физическое свойство костей — твёрдость.

В докладе даётся семиотическая характеристика некоторых «костей» из первого и второго подтипов. Формулируются толкования их типовых имён, описываются языковые и неязыковые способы выражения признаков объектов и их значений, проводится анализ некоторых жестов и др.

В. М. Круглов

Институт лингвистических исследований РАН (Россия, Санкт-Петербург)

Я. К. Грот — основатель Большой словарной картотеки русского языка¹

1. В 1886 г. Я. К. Грот приступил к работе над «Словарем русского языка», которую планировал начать со сбора материалов для картотеки. В «Отчетах Отдѣленія русскаго языка и словесности» имеется запись о том, что Отделение «приступило ... къ приготовленію материаловъ для Словаря, въ которомъ значеніе и употребленіе словъ будетъ подтверждаться примѣрами, заимствованными изъ сочиненій лучшихъ нашихъ писателей»².

Это на первый взгляд незначительное событие повлияло на всю дальнейшую историю отечественной лексикографии. Изменились принципы составления словарей: отныне поиск и систематизация материала, создание и пополнение картотек станет особой и неотъемлемой частью словарной работы. Картотеки обретут самостоятельное значение, станут источниками словарных предприятий и теоретических научных работ, обеспечат устойчивость традиций и преемственность поколений в русистике.

Как известно, «Словарь русского языка» под редакцией Я. К. Грота не был закончен, но основанная им картотека существует вот

¹ О Большой словарной картотеке русского языка см.: 1) *Рогоженникова Р. П.* Сокровищница русского слова. История Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН. СПб., 2003; 2) *Практическая лексикография. 100 лет словарной картотеке.* М., 1989. С. 4–27.

² *Отчеты Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1886–1891 гг.* СПб., 1903. С. 607.

уже более 120-ти лет и все это время непрерывно пополняется новыми материалами. Основные вехи ее истории связаны с созданием академических словарей русского языка: это и та часть словаря Я. К. Грота, которая после его смерти издавалась под редакцией А. А. Шахматова, и «Словарь русского литературного языка» в 17-ти томах, и «Словарь русского языка» в 4-х томах, и «Большой академический словарь» в 30-ти томах, работа над которым в настоящее время продолжается. Сегодня картотека, хранящаяся в Словарном отделе Института лингвистических исследований РАН, насчитывает более 7 миллионов карточек-цитат и является крупнейшей в мире словарной картотекой русского языка.

2. Идея создания картотеки, как показывают труды Я. К. Грота, возникла у него не случайно. Несколько десятилетий, предшествовавших началу работы над «Словаремъ русскаго языка», он посвятил изучению европейского опыта лексикографической работы, оставив обширные заметки «Къ соображенію будущиъ составителей русскаго словаря» (1852–1892)¹. В них он обратился, в частности, к опыту Шведской академии, содержанию программной статьи в «Словаре немецкого языка» братьев Гримм и опыту датских лексикографов. Сам Грот так объяснял основную цель этих заметок: «Я съ своей стороны преимущественно обращаю вниманіе на практическую часть составленія словарей, представляю матеріалы къ рѣшенію вопроса, какъ вести дѣло»².

В связи с идеей создания картотеки особого внимания среди названных материалов заслуживает, на наш взгляд, переведенное Гротом извлечение из относящейся к 1750-м годам записки секретаря Шведской академии Б. Бескова. Здесь подробно анализируются трудности, с которыми столкнулась академия в процессе работы над Словарем шведского языка, и те принципы, на которых эта работа должна быть основана. Обращаясь к опыту французской, итальянской, испанской и английской лексикографии, Б. Бесков обнаруживает два основных подхода к созданию словарей современного языка: «Извѣстно, что при составленіи такого пособия для живого языка есть два исходные пункта: можно либо, по примѣру Французской академіи, довольствоваться объяснені-

¹ *Гротъ Я. К. Къ соображенію будущиъ составителей русскаго словаря // Труды Я. К. Грота. Т. II. Филологическія разысканія (1852–1885). СПб., С. 129–192.*

² Там же. С. 145.

емъ употребленія словъ посредствомъ придуманныхъ самими составителями примѣровъ, либо, поступая какъ La Crusca, какъ Испанская академія, какъ Джонсонъ, Ричардсонъ и друг(іе), можно, такъ сказать, извлекать словарь изъ классическихкихъ писателей приведеніемъ примѣровъ изъ ихъ сочиненій»¹.

Вопросъ объ источникахъ словаря представлялся настолько принципиальнымъ, что «находя, что послѣдній способъ ближе къ настоящей цѣли словаря, Шведская академія рѣшила измѣнить свой первоначальный планъ» и даже отказалась отъ уже имеющихъ результатовъ подготовительнаго труда, приступивъ къ «извлеченію образцовъ языка» непосредственно изъ текстовъ².

В запискѣ Б. Бескова пристальное вниманіе уделено практическимъ вопросамъ созданія картотеки и подробному рассмотренію частныхъ моментовъ этой, казалось бы, несложной механической работы. Показательно, что Я. К. Гротъ посчиталъ эти фрагменты заслуживающими вниманія, поместивъ ихъ въ свой переводъ. Ср.: «Всякій, кто знакомъ съ подобною работою, можетъ засвидѣтельствовать, что всѣ болѣе замѣчательныя сочиненія надобно перечитывать по нѣскольку разъ (иначе многія частности ускользаютъ отъ вниманія) и что очень часто чтеніе остается бесплоднымъ, потому что фразы, заключающія въ себѣ искомое слово, либо оказываются слишкомъ длинными и не могутъ служить примѣрами въ словарь, либо, отдѣленные отъ цѣлаго, не довольно ясны. Случается также, что выписанные образцы излишни оттого, что уже пріисканы другіе примѣры для того же слова, такъ какъ и самая счастливая память при чтеніи разныхъ писателей въ разное время, иногда спустя цѣлый годъ, не можетъ удержать всего записаннаго. Такимъ образомъ, по расположеніи выписокъ въ алфавитномъ порядкѣ, многіе превосходные примѣры приходится отбрасывать, тогда какъ ради словъ, для которыхъ еще не найдено образцовъ, необходимо снова перечитывать тѣ же сочиненія, а для этого требуется напряженіе, на которое не всякій способенъ»³.

3. Обращеніе къ научному наследию Я. К. Грота убеждаетъ въ томъ, что идея созданія словарной картотеки русскаго языка возникла не случайно. Ее появленіе стало закономернымъ след-

¹ Там же. С. 135.

² Там же.

³ Там же. С. 136.

ствием внимательного отношения Я. К. Грота к задачам отечественной словарной работы и интереса к передовому опыту европейской лексикографии.

С. А. Крылов

Институт востоковедения РАН (Россия, Москва)

Графические единицы русского языка в функциональном аспекте

0. Каковы функции (далее сокращённо Ф) графических единиц русского языка?

С точки зрения основной (т.е. преобладающей, преимущественной) функции графемы подразделяемы на классы: 1. Фонограммы. 2. Идеограммы. 3. Пунктограммы.

1. Ф фонограмм.

1.1. **Фонографические** Ф фонограмм — указание на звуковую единицу.

В структурном аспекте (на синтагматической оси) различаются:

1.1.1. **Фонемографическая** Ф фонемограммы — это её «звуковое значение». Она может быть не только **прямой (основной)**, но и **переносной (вторичной)**; так, Ф букв *a, y, o, e, и* после шипящих и *ц* не указывает на мягкость/твёрдость, и здесь реализуется лишь переносная фонографическая Ф гласных букв.

1.1.2. **Меризмографическая** Ф меризмограммы — указание на тот дифференциальный признак (ДП), который она обозначает на письме (ср. буква *ь* обозначает мягкость предшествующего С; диакритический знак «(две) точки над ё» (в отличие от умлаута в транскрипции) указывает на ДП огубленности и заднего ряда.

1.1.3. **Силлабографическая** Ф силлабограммы — указание на слог (или на начало закрытого слога), ср. Ф йотированных букв в анлауте или после V.

1.1.3'. **Комплексная фонографическая** Ф силлабограммы — указание на фонему в сочетании с ДП соседней (предшествующей) фонемы, ср. Ф йотированных букв после согласных.

1.1.4. **Просодемографическая** Ф просодемограмм — указание на просодему; так, «акут» («оксия») — знак ударности. В т. ч.

1.1.4.1. **кульминативная** Ф, напр., пробела (ср. *культ урологии* / *культурологии*);

1.1.4.2. **делIMITативная** Ф, ср. коннективно-делIMITативную

Ф графем: апостроф, дефис как сигналы внутрисловных границ;

1.1.4.3. вторичная **дистинктивная** — различение омофонов (*под нос / поднос*);

1.1.4.4. вторичная **консервирующая** (ср. пробел в составе идиом).

В семиологическом аспекте различаются: соотносимость

1.1.а. — с фонемами (**собственно фонематическая Ф**),

1.1.б. — с морфонемами (**морфонематическая Ф**) и

1.1.γ. — с аллофонемами (**аллофонематическая Ф**);

1.1.δ. — с индивидуальными оттенками (**индивидуальная функция**, напр., при письменной передаче экспрессивной дикции, ср. *чюдный*).

В социальном аспекте различаются:

1.1.а. **социальные** (коллективные) Ф — в т.ч.:

1.1.а'. **общенародная бытовая** Ф в общем (общепринятом, обычном) письме и в практической транскрипции (ср. разговорники; передачу иностранных собственных имён и названий),

1.1.а". **специальная** Ф — в научной транскрипции; так, кириллица (главным образом в РФ) употребительна в фонетике, орфоэпии, диалектологии;

1.1.б. **окказиональная**, в т.ч. **индивидуально-художественная** Ф (напр., Ф графической рифмы как эстетического средства).

1.2. **Ортологическая (Ортологическая) Ф.**

1.2.1. **Орфографическая** — указание на множество письменных обликов языковых знаков (морфем, слов), в которое входит эта графема.

1.2.1.0. **Тривиальная** орфографическая Ф совпадает с фонографической (1.1.).

1.2.1.1. **Нетривиальная** бывает лишь при фонографической альтернативе.

1.2.1.1.1. **Конститутивные Ф:**

1.2.1.1.1.1. **Собственно конститутивные:**

1.2.1.1.1.1.а. **Морфематическая** Ф — сохранение единства графич. облика морфемы (корня, префикса, предлога).

1.2.1.1.1.1.б. Порой бывает (**вторичная**) **граммематическая** Ф — указание на граммему (ср. -ь в III скл., инф. и имп.).

1.2.1.2. **Вторичная дистинктивная** Ф — различение омофонов (*вод/вот, рож/рожь, сома/сама*).

1.2.1.3. **Консервирующая** Ф — сохранение культурной преемственности (ср. *собака, общий, семинар*).

1.2.1.3'. **Стилистическая архаизирующая** Ф — **игровая** (ср. *Коммерсантъ*).

1.2.2. **Орфоэпическая** Ф — указание на то множество звуковых обликов языковых знаков (морфем, слов), в письменный облик которых входит эта графема.

1.2.2.0. **Тривиальная орфоэпическая** Ф совпадает с фонографической Ф.

1.2.2.1. **Нетривиальная** Ф есть у факультативных графем; ср. «акут» («оксию») и «(две) точки над ё» в современном русском письме).

1.3. **Алфавитная** Ф букв.

1.3.а. **Собственно алфавитная** Ф — указание на порядковое место буквы в алфавите и, таким образом, на порядок подачи вокабул в словарях и списках (указателях, таблицах), организованных по алфавиту (прямому или инверсионному).

1.3.б. **Количественная (цифровая)** Ф. У букв некоторых алфавитов (преимущественно древних, в т. ч. древнерусского) была и цифровая Ф, но до наших дней она не дожила.

1.3.в. **Порядковая** Ф (значение порядковых числительных) возникла из цифровой: ср. роль букв как заместителей цифр в юридических текстах, правилах, инструкциях и т. п. На её базе возникла

1.3.в'. **номинационная** Ф букв — Ф окказиональных собств. имён объектов, порядок которых условен (школьных классов, переменных величин в математике и т. п.).

1.4. **Вторичная идеографическая**

1.4.1. **Вторичная логографическая** (в однобуквенных графических сокращениях (*в., г., д.; М., Л., К.*, и т. п.).

1.4.2. **Вторичная морфемографическая.** (в сокращениях дериватов: ср. композиты *кг, см, га* и т. п.).

1.4.3. **Иконическая = пиктографическая** (ср. *Г-образная лампа, П-образный стол* и т. п.)

2. Ф идеограмм.

2.1. **Идеографическая:**

2.1.1. **Логографическая** Ф логограмм (иероглифов) (т. е. цифр, математических и логических операторов, знаков %, ‰, §, €, ¥, ₣, №, §, №, \$, £, £, €, ¥, ₣, №, §) и т. п.

2.1.1'. **Вторичные фонографические Ф — игровые** (в ребусах и полуребусах, напр., *7я, о5, е2, 100рож*).

2.1.2. **Идеографическая Ф** идеограмм — выражение смысловых отношений.

Так, супрасегментная графема заглавности — сигнал значений «уникальности/повторяемости»; ср. искажённые переиздания текстов XVIII — начала XX в. (с 1920-х гг. по сей день!), где авторская смысловая оппозиция стёрта.

Графическая редупликация (полная, в *гг., вв., тт., сс., №№, §§, §§*, или частичная, в *стрр., слл., №о*) несёт **граммематическую** функцию («множ. ч.»).

На базе заглавности может сформироваться

2.1.2' — переносная **выделительная Ф** (в заголовках, при эмфазе и т. п.).

2.1.3. **Пиктографическая Ф** пиктограмм в геометрической нотации (Δ , \angle , \parallel , \perp).

3. **Ф** пунктограмм (знаков препинания, в т.ч. пробелов и красной строки).

3.1. **Делимитативная Ф** — указание границ синтаксич. единиц (слов, синтагм, предложений, СФЕ).

3.2. **Интонографическая Ф** — указание на интонацию: (не)-завершённость, вопросительность и восклицательность, мелодику, паузы.

3.3. **Семантическая Ф** — выражение семантических отношений кавычками, двоеточием, скобками и т. п.

4. **Функциональный аспект каллиграфем.**

Каллиграфемы (жирность, курсивность, разрядка, гарнитура, кегль, интерлиньяж) несут **каллиграфическую Ф**, но на её базе возникает **эмфатическая Ф** (средств графического выделения). Т.о., создаются **вторичные Ф аллографем**.

О. А. Крылова

Российский университет дружбы народов (Россия, Москва)

Правописание наречий: норма и кодификация

1. Работа над совершенствованием русской орфографии важна не только с лингвистической и социокультурной точек зрения, что обычно отмечается многими лингвистами, но и с политической; последнее проявилось в особенности при обсуждении «Закона о русском языке как государственном языке Российской Федерации».

2. Наречие, как известно, наиболее «динамичная» часть речи, и четкое отграничение наречия от других частей речи нередко бывает затруднительным. Именно поэтому при обсуждении соответствующего раздела орфографических правил на заседаниях Орфографической комиссии в Институте русского языка имени В. В. Виноградова РАН звучала мысль (А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев, В. В. Лопатин), что на этом участке орфографической системы строгая кодификация вряд ли возможна.

3. Анализ раздела «Наречие» в окончательном варианте свода орфографических правил («Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник». — М.: «Эксмо», 2006) позволяет заключить, что, при бесспорных его достоинствах (исчерпывающая полнота материала), тем не менее, в нем есть такие положения, которые могли бы быть уточнены или изменены. В этой связи резонно вернуться к обсуждению вопроса о том, сохранять ли без изменений все действующие написания или в определенных случаях их всё же целесообразно изменить, не вызывая при этом такой негативной реакции, какая возникла, например, при внесении предложения писать *брошура* и *парашют*.

4. Если принять эту точку зрения, то раздел о правописании наречий не будет представлять собой списков наречий, слитное или раздельное написание которых следует запомнить, потому что оно определяется не правилами, а исключительно в словарном порядке. В первом разделе будут правила, определяющие случаи слитного написания, во втором — случаи дефисного написания, а в третий раздел будут отнесены *все остальные наречия* и наречные сочетания, которые следует писать раздельно.

Л. П. Крысин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

О лексикографическом представлении русской разговорной речи

1. Предварительные замечания.

1.1. В последние два десятилетия значительно возросла коммуникативная роль устно-разговорных форм речи. Разговорная, просторечная, жаргонная лексика, синтаксис, характерный для устного дискурса, — обычное явление не только во всех видах бытового общения, но и в публичных сферах, в средствах массовой информации. Это движение “разговорности” в указанные

сферы началось, по-видимому, со времени, когда политики перестали говорить по бумажке, когда в электронных средствах массовой информации — на радио и телевидении — стали популярными разного рода устные и при этом не подготовленные заранее интервью, ток-шоу и другие формы свободного общения. Лингвисты пишут о невиданной прежде и не характерной для русского языка коллоквиализации публичных сфер общения (то есть насыщения их разговорными элементами). В связи с этими явлениями весьма актуальной становится изучение современной русской разговорной речи, в частности, ее лексических ресурсов и особенностей, то есть словарное ее описание.

1.2. Начатое несколько лет назад в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН исследование проблем лексикографического описания русской разговорной речи (РР) опирается на хорошо известный цикл работ, осуществленных в 70–80-е годы XX в. по инициативе М. В. Панова коллективом авторов под руководством Е. А. Земской. По сравнению с периодом, представленным в указанных работах, русская разговорная речь конца XX — начала XXI века претерпела некоторые изменения, касающиеся, в частности, состава ее словаря и соотношения различных ее слоев. Эти изменения вызваны массовым проникновением в РР элементов просторечия и жаргонов, смещением ряда экспрессивно-стилистических характеристик слов, передвижкой — в пределах РР — некоторых групп лексики из одних функционально-стилистических слоев в другие.

Тем самым современная РР по ее лексико-фразеологическому составу отличается от той РР, которая описана в указанных работах: она неоднородна, диффузна по составу, включая в себя как лексические единицы, традиционно имеющие словарную помету «разг.», так и единицы, которые имеют просторечное и жаргонное происхождение, но которые активно употребляются в непринужденной устной речи носителей русского литературного языка.

2. Словарная статья составляемого «Толкового словаря русской разговорной речи» (ТСРР) имеет вид последовательности зон, в каждой из которых содержится один вид информации о слове: о его семантике (толкование), морфологии, синтаксисе, стилистической характеристике, парадигматических связях, о прагматике. Зоны словарной статьи разделяются метками с двое-

точием, указывающими на характер сведений, содержащихся в данной зоне:

DEF: толкование и иллюстративные примеры;

MORPH: морфологические сведения;

SYNT: сведения о синтаксических характеристиках слова;

STYL: стилистические пометы;

SYN: синонимы;

ANT: антонимы;

CONV: конверсивы;

ANALOG: аналоги;

PHRAS: фразеологизм(ы) с данным словом, включая его (их) толкование;

PRAGM: условия — контекстные, ситуативные, социальные и т. п. — употребления данной единицы в речи; в этой зоне возможны также сведения энциклопедического характера — обозначаемой словом реалии.

3. Образцы словарных статей.

ДОРВАТЬСЯ.

1. DEF: сильно и долго желая чего-л., добиться желаемого и начать его интенсивно использовать. *Дорваться до еды, до спиртного; Дорвались до отдыха; Пацута дорвалась до чая, тила и тила (В. Распутин. В ту же землю...); А эти дорвались до думских кресел и зубами в них вцепятся (Л. Корнешов. Газета); Они дорываются до власти, а потом похохатывают над одураченным электоратом (А. Шубин. Путь к благополучию); Вокруг нас на бешеной скорости сновали два маленьких катера с телеоператорами — дорвались парни до работы (Ю. Сенкевич. Путешествие длиной в жизнь); У меня этого нет, чтобы дорваться, и судить, и вешать врагов (М. Пришвин. Дневники); — Этот Даня у меня с ума не сходит. Дорвался пацан, блин... (А. Рыбин. Последняя игра); — Всё у них в руках: милиция, безопасность, армия... попробуй пикни. Дорвались. Никакого сладу нет (А. Волос. Дом у реки).*

MORPH: сов.; несов. дорываться.

SYNT: до чего и без доп.

SYN: наброситься (в 1 знач.), накинуться (в 1 знач.).

2. DEF: сильно и долго желая общения с кем-л., получить такую возможность и начать интенсивно общаться. *Будто люди век не виделись и только сегодня дорвались друг до друга (Ю. Ва-*

сильев. Остановите музыку); *В праздничное и каникулярное время мы дорывались друг до друга, а потом опять расставались, чтобы увидеться через месяцы* (М. Козаков. Актерская книга).

MORPH: сов.; несов. дорываться.

SYNT: до кого.

ДОСКА́.

DEF: женщина, девушка с плоской фигурой, не имеющей явно выраженных форм. — *Не знаю/ что ты в ней нашел/ прям доска такая/ ни сисек ни задницы//* (Запись устной речи, 2008); *Ты с доскою будешь спать со стиральной За машину за его персональную* (А. Галич. Тонечка).

MORPH: ж.; одуш.

STYL: сниж.; презр.

SYN: вешалка, вобла, выдра, кожа да кости (см. кожа), ху-дышка.

ANT: пышка, толстушка.

PRAGM: обычно употребляется применительно к женщине высокого или среднего роста.

ДОСТА́ТЬ².

1. DEF: вызвать у кого-л. сильное раздражение многочисленными просьбами, вопросами, претензиями и т.п. — *Да замолчи ты! Всех достала своим нытьём!*; — *Даже в том, что вы эту деревянную кровать называете байским ложем, есть какое-то унижение для меня. Но вы меня достали! Я готов перейти на вашу кровать.* — *Это вы меня достали!* — *ответил я.* — *Не хочу я вашу кровать!* (Ф. Искандер. Муки совести, или Байская кровать).

MORPH: сов.; несов. доставать².

SYNT: кого чем.

STYL: сленг; неодобр.

SYN: довести, донять, допечь, досадить, задолбать, заколебать, запарить, затрахать, извести.

2. DEF: испытать раздражение, дискомфорт от длительного действия чего-л. или от наличия какого-л. обстоятельства. — *Видно, тебя тоже достало, раз ты так раздухарился!*; *И тут — солнце. Оно меня достало. Ему не было до меня, конечно, дела, как не было дела до меня и времени, которое я пытался перележать* (А. Битов. Рассеянный свет); — *На службу опаздываю. Достала эта служба.* — *Что значит — достала? Ты это*

брось (А. Волос. Недвижимость); — *Меня, между прочим, уже достали всякие капризы, сцены, выяснение отношений, переливание из пустого в порожнее...* (Т. Тронина. Никогда не говори «навсегда»); — *Меня так достают казённые гостиничные номера на гастролях, что дома я с воодушевлением начинаю заниматься цветочками, окружать себя какими-то полочками, вазочками, занавесочками* (Н. Склярова. Если бы у медведя было ружьё); «*Проняло ее тогда все-таки, — думает Эди-бэби. — Достало*» (Э. Лимонов. Подросток Савенко).

MORPH: сов.; несов. доставать²; возможно безл.

SYNT: кого.

STYL: сленг; неодобр.

SYN: обрыднуть, осточертеть.

ДОСЮДА.

1. DEF: до места, где находится говорящий или которое он упоминает. *От моста досюда метров двести будет; — А вы досюда доезжали или на опушке палатку ставили?; — Если не дай Бог наводнение / вода и досюда дойдет //* (Запись устной речи, 2008); *Жар [от пожара] доносился даже досюда — метров за пятьдесят* (С. Таранов. Черт за спиной).

MORPH: мест. нареч.

ANT: дотуда.

PRAGM: 1) при обозначении расстояния говорящий указывает с помощью этого слова протяженность от какого-л. объекта до места, где он находится; 2) употребление слова может сопровождаться частицей *вот* и соответствующим указательным жестом руки.

2. DEF: до места, на которое указывает говорящий. — *Давай-ка прочитай вот отсюда досюда; Трусы вот такие, вот досюда только, — и сапоги* (А. Волос. Недвижимость).

MORPH: мест. нареч.

PRAGM: употребление слова обычно сопровождается частицей *вот* и указательным жестом руки.

ДОТУДА.

DEF: до места, где не находится говорящий и на которое он указывает или которое упоминает. — *Дотуда за один день не доберёшься; — Поезда дотуда не ходят / только вертолетом можно; — А мы только доедем вон дотуда и кругом церкви и*

опять сюда (Л. Кассиль. Конduit и Швамброния); — *Начало в девятнадцать ноль-ноль. Дотуда час езды. Значит, собираемся...* (А. Рекемчук. Мальчики); *Стрела пронеслась над головами и упала где-то на лугу. — Вон дотуда отойдите!* — *взвизнул старик* (А. Иванов. Сердце Пармы).

MORPH: мест. нареч.

STYL: сниж.

ANT: досюда (в 1 знач.).

PRAGM: 1) при обозначении расстояния говорящий указывает с помощью этого слова протяженность от места, где он находится, до какого-л. объекта; 2) употребление слова может сопровождаться частицей *вон* и соответствующим указательным жестом руки.

Ё-МОЁ.

DEF: эмоциональное восклицание по поводу той или иной ситуации. — *Ё-моё/ опять каблук сломался!*; — *Ё-моё/ вот это машина! Настоящий вездеход!* (Записи устной речи, 1998, 2001); — *Ё-моё, — говорил он себе негромко, изумлённый, — да она просто красавица!* (В. Шукшин. Калина красная).

MORPH: междом.

SYNT: обычно в начале высказывания.

STYL: эвфем.

SYN: блин, ёжкин кот (см. кот), ёксель-моксель, ёлки-моталки, ёлки-палки, японский бог (см. бог).

ЖЛОБ.

1. DEF: физически сильный, грубый, интеллектуально и эмоционально неразвитый мужчина. *Выходили из избы здоровенные жлобы, Порубили все дубы на гробы* (В. Высоцкий. Песни); — *Вы его никогда не видели? Некультурный жлоб, типично хуторской. Скорее я могу быть генералом де Голлем, чем он — секретарем райкома* (С. Липкин. Записки жильца); *Это — жлоб, злой и завистливый дурак, составляющий самую активную часть приверженцев некоторых наших политических партий и течений* (В. Якобсон. Терроризм, журналистика и читатели); *Он вскочил из-за барабанов, схватил упавшую литую металлическую стойку, размахнулся и стал бить жлоба прямо по голове* (А. Козлов. Козел на саксе); *Здоровенные жлобы, на которых пахать надо, занимаются пересчитыванием цифр, охраной ВИП-лиц и прочей непроизводительной деятельностью* (Блоги, 2011).

MORPH: м.; одуш.

STYL: жарг., презр.

SYN: амбал, бугай, дубина (в 1 знач.), жеребец (в 1 знач.), оглобля.

2. DEF: скупой человек. *Он тыкал пальцем в счет и называл цену замечательной рыбы за килограмм. «Вот жлоб, — негромко сказала Оксана. — Как будто свои платит»* (Д. Каралис. Роман с героиней); — *Да жлоб он со всей его щедростью, рассчитанной до копейки!* (А. Кабаков. Последний герой); *Первых двоих Катя решительно отвергла: юношу бледного со взором горящим (малец, сам еще на сигареты стреляет) и рыжего широколицего толстяка (жлоб, сразу видно, за копейку удавится)* (А. Инин. Жрица любви); — *Жлоб, скотина безрогая — у такого снега зимой не выпросишь* (В. Богомолов. Момент истины); *Купи мне шубу, покажи, что ты не жлоб* (Блоги, 2011).

MORPH: м.; одуш.

SYNT: употр. часто в функции сказуемого.

STYL: презр.

SYN: жаба (во 2 знач.), жадина, жадоба, жадюга, жид (во 2 знач.), жила, жмот, куркуль, сквалыга, скряга, скупердяй.

ANT: транжира.

ANALOG: кулак, кулачок.

4. Более подробное описание идеологии и принципов составления ТСРР, а также достаточно представительный блок словарных статей см. в проспекте «Толкового словаря русской разговорной речи» (М., 2010), а также в статье: Крысин Л. П. О словарном представлении лексики некодифицированных подсистем языка (Известия РАН. Серия лит. и языка, 2010, № 1, с. 28–43).

Н. И. Кряжева (Кузьмина)

Университет им. Блеза Паскаля (Франция, Клермон-Ферран)

«Метода академика Я. К. Грота» в учебных пособиях по иностранным языкам конца XIX века

Доклад посвящен идеям Я. К. Грота в области преподавания иностранных языков и их воплощению в учебных пособиях конца XIX века в России и во Франции.

«Ничто такъ не объясняетъ предметовъ ученія, какъ открываемая между ними связь; этимъ только способомъ то, что само по себѣ казалось бы случайнымъ и непонятнымъ, приобрѣтаетъ смыслъ

и законность; то, что иначе усвоилось бы только памятью, освѣщается соображеніемъ и входитъ въ сознание» (*Я. К. Гротъ. Филологическія разысканія. Матеріалы для словаря, грамматики и исторіи русскаго языка. СПб., 1873. С. 363.*)

Духом этого положения, высказанного в связи с размышлением о месте грамматики в преподавании классических и новых языков, проникнут, например, «*Опытъ сравнительной грамматики русскаго и французскаго языка по методъ академика Я. К. Грота. Essai de grammaire comparée de la langue russe et française d'après la nouvelle méthode du membre de l'Académie J. Grot*» (М.: Е. Гербекъ, 1890), принадлежащий перу Е. Раевской, которая посвятила преподаванию «родного языка и некоторых иностранных» более полувека. Этот учебник конца XIX века является результатом интересного осмысления автором своего педагогического опыта в соотнесении с различными лингводидактическими идеями современников, и Я. К. Грота в частности.

Работы Я. К. Грота по русскому языку (*Русское правописаніе, СПб., 1885, «Спорные вопросы русскаго правописанія» / Филологическія разысканія, СПб., 1899* и др.) были хорошо известны его современникам-славистам во Франции: авторы грамматик и учебных пособий по русскому языку, такие как Луи Леже (1885), Л. Массок (1897) Поль Буайе и Николай Сперанский (1905) опирались на идеи и предложения ученого при разработке разделов об ударении и орфографии в русском языке. В то же время вклад Я. К. Грота в дело изучения и преподавания русского языка во Франции представляет пока «белое пятно» истории французской русистики и предлагаемый доклад является попыткой в какой-то мере исправить это положение.

И. Е. Кузнецова

Институт лингвистических исследований РАН (Россия, Санкт-Петербург)

Отражение вариативности языковых единиц в «Номенклаторе» И. Копиевского

Интересные возможности изучения явления вариативности в русском языке XVII–XVIII веков могут дать материалы отдельных словарей того времени. Особенности текста словаря позволяют широко отразить варианты языковых единиц, что практически невозможно в рамках обычного текста. Примеры фиксации вариантов встречаем в русской части «Номенклатора на латинскомъ,

русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ», тематическом лексиконе, изданном в 1700 году в Амстердаме Ильей Копиевским (Копиевичем).

Помимо единичных эквивалентов и описательных толкований, в русской части этого словаря используется распространенный прием перевода через набор эквивалентов. Всего было выделено 312 таких наборов. Среди них обращают на себя внимание те, которые включают два (иногда три) варианта слова или словообразовательных дублета: *лодь, ледь; гремить, гримить; влась, волось; брада, борода; клы, клычы; желчь, желть; шчолчекъ, шчолчокъ; колька, коление; млекъ, молоко; медь, мѣвдъ; скоть, скоты; ожикъ, ежъ; чижикъ, чыжъ; осетръ, осѣвтръ; шчипцы, шчипки; одѣало, одѣвало* и т.п. (всего 51).

В других случаях используются синонимы и лексические дублеты: *заутра, оутро; гаданіе, загадка; розвѣдѣ, пѣводь; оудоліе, долина; печатна, друкарна; мертвецъ, покоиникъ; старецъ, чернецъ; священникъ, попъ; толмачъ, переводникъ; помѣвтъ, мотыло; болѣзнь, немощь, недуга; жестокіи, лютыи* и т.п. Некоторые ряды эквивалентов включают устойчивые словосочетания: *дождить, дождь идетъ; стоццаа капла, капѣжъ; искоось, искосное лѣто; живое сребро, ртуть; свина морскаа, ворволь; чортова борода, шпарагъ* и т.п.

При изучении вариативности обычно принимается критерий взаимозаменяемости вариантов в текстах. Сопоставление русской части Номенклатора с материалами Картотеки Словаря русского языка XVIII века, а также с данными словарей (Словаря русского языка XVIII века, Словаря русского языка XI–XVII веков, а также диалектных словарей) позволяет утверждать, что рассматриваемые наборы эквивалентов включают слова и выражения, которые реально были взаимозаменяемы. Встречаются примеры их употребления в одном и том же тексте: **непогода, ненастіе** — *Господи́нь нѣкѣи ненастіемъ обдержанъ на загородномъ своемъ дворѣ, перве овцы своя пояде, .. послѣди же, егда не погода ожесточѣлася, и волы пахотныя убѣлъ, и ядыше.* (Эсоповы прѣтчи. М., 1712. С. 51); **эклиптыка, сѣнечный путь** — *Таможе есть и эклиптыка, которая нарицается солнечный путь, гречески зодіакъ* (Оуготованіе и толкованіе ясное и сѣлш извѣрдное, краснообразнагш поверстаніа круговъ небесныхъ .. Амстердам, 1699. С. 5); **дуга на облацѣхъ, лукъ** — *Дуга на облацѣхъ*

есть *лукъ* *троецвѣтныи* на *облацѣ* *росномъ* и *темномъ* ѿ *возвращенїа* *лучей* *солнца* *противостолицагъ* *являющиса*. (Зерцало естествозрительное .. [1713]. Ркп. ГПБ, Q.VII.1. С. 125).

Во многих случаях слова, составляющие пары эквивалентов, употребляются в сходных контекстах: *мгла*, *туманъ* — *Мела* *есть* *мокрая* *пара*, *восходящая* ѿ *земли*, *или* *густое* *росное* *облако*, *стоящее* *близъ* *земли*. (Календарь или мѣсяцословъ христіанскїи. На лѣто .. 1714. М., 1713. С. 102); *Ежели* *такое* *сгустѣніе* *паровъ* *близъ* *земли* *учинится* *и* *воздухъ* *отъ* *того* *въ* *такое* *состояніе* *придетъ*, *что* *сквозь* *оной* *видѣть* *не* *можно* *будетъ*, *то* *оное* *называется* *туманъ*. (Примѣчанїи на Вѣдомости. Ч. 1. СПб., 1733. С. 172); *знои*, *жаръ* — *Воздухъ* *палаящїи* *тамо* *жаромъ* *великимъ* *человѣковъ* *томилъ*. (Географїа или краткое земнаго круга описанїе. М., 1710. С. 74); *Во* *время* *дня* *знои* *томитъ* *несносный*. (Поденщина, или Ежедневныя изданїя. С. 29) и т.п.

Ряды эквивалентов, используемые для перевода латинских слов в Номенклатуре И. Копиевского, включают как лексемы, которые к началу XVIII века выходят из употребления, так и лексические новообразования. Так, например, в Картотеке Словаря русского языка XVIII века отсутствуют примеры употреблений слов *новъ* и *полна*, входящих в ряды *новъ* *мѣца*, *новыи* *мѣъ*, *новомѣсачїе* и *полна* *мѣца*, *или* *полныи* *мѣцъ* и зафиксированных Словарем русского языка XI–XVII веков. К числу использованных в Номенклатуре лексических новообразований конца XVII века можно отнести, например, заимствования *глобусъ*, *элементъ*, *колѣнїа*, *шанцъ*, *шпада* и др.

Большинство вариантов, входящих в наборы эквивалентов, можно рассматривать как результат языковой избыточности, в основе которой лежало взаимодействие разнодиалектных начал: *чижикъ*, *чыжъ*; *чапла*, *цапла*; *береза*, *бероза*; *толкушка*, *толчокъ*; *оушница*, *оушанка* и т.п. Меньшую часть составляют группы эквивалентов, включающие славянизмы: *брегъ*, *берегъ*; *власъ*, *волось*; *брада*, *борода*; *млекъ*, *молоко* и т.п. Иноязычные слова, как правило, выступают в качестве синонимов русских слов: *календаръ*, *святцы*; *лѣтописїе*, *кроника*; *шанцъ*, *окопъ* и т.п. В единичных случаях представлено варьирование заимствований: *папуга*, *папугаи*; *верблюдь*, *велблюдь*.

Таким образом, хотя при изучении вариативности языковых

единиц русского языка конца XVII — начала XVIII века материалы словарей в этом аспекте практически не рассматривались, они, как показывает проведенное исследование, могут содержать данные, представляющие интерес для истории русского языка.

Г. С. Куликова

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
(Россия, Саратов)

Нормативное и ненормативное: словарь и реакции носителей языка

Как известно, в процессе кодификации того или иного языкового варианта непременно учитывается его распространённость. Следовало бы учитывать и реакцию общества на те отступления от нормы и те случаи её колебания, которые встречаются в речи, в частности, в СМИ. Материалом анализа в данной работе послужили наблюдения за окружающей речью и содержание телефонных звонков в студию саратовской радиопередачи «Служба русского языка».

Вопросы и суждения радиослушателей касаются самых разных аспектов правильности: соответствия орфографической, орфоэпической, акцентологической, лексической, грамматической норме. Рассмотрим наиболее типичные группы явлений и случаи, ставшие объектом критики.

Во-первых, это варианты, которые являются спорными, не получившими в языке окончательного оформления, прежде всего в силу новизны обозначаемого словом объекта, часто резко контрастирующие (различающиеся) характером словарных рекомендаций и узуса. Например, написание слова *Интернет*: по рекомендациям современных авторитетных словарей — с прописной буквы — и широко представленное в книгах и СМИ — со строчной. Причём встречается различное написание этого слова даже в статьях разных авторов, соседствующих на одной газетной полосе. Подобное положение касается и слова *риелтор*. Здесь представлено написание, соответствующее рекомендациям словарей, в то время как широкая речевая практика демонстрирует иной вариант: *риэлтор*. Затруднения вызывает выбор между акцентными вариантами *в сѣти* / *в сетí*, когда речь идёт об Интернете. Практика показывает, что здесь наблюдается стремление к размежеванию вариантов по семантическому признаку.

Во-вторых, это вопросы и критические суждения, связанные с неприятием, иногда непониманием профессиональных вариантов, несмотря на стремления авторов словарей включить эти варианты в число нормативных, например, *позёмок*, *гололедица* (в определённом значении, отличном от *гололёда*), *шрифты́* и т.д. Негативную оценку часто вызывает и слишком широкое использование в речи политиков и языке СМИ терминологической лексики, например, слов *агломерация* и *кластер*, имеющих в словаре помету *спец.* или вовсе отсутствующих в толковых словарях.

В-третьих, это вопросы, связанные с забвением устаревающих норм (*зна́мение*, *ворожея́*, *до́гмат*, *брело́ка*, *гэнезис*), ещё рекомендуемых словарями, но редко представленных в узусе.

В-четвёртых, это языковые явления, связанные с англоязычным влиянием. Оставляя в стороне вопрос о прямых заимствованиях и немотивированном предпочтении в речи русским словам иноязычных, что является проблемой, постоянно обсуждаемой радиослушателями, отметим некоторые характерные группы примеров. Это переосмысление и семантическое расширение русских слов, часто по образцу английских *шокировать*, *агрессивный*, *амбициозный* и т.д., что вызывает резкое отторжение, особенно у старшей части радиоаудитории; изменение места ударения в давно усвоенных русским языком заимствованиях по примеру английских слов (например, вместо *фе́тиш* и *то́тем* — *фэ́тиш* и *то́тем*), а также непонимание внутренней формы слова *паралимпийский*, созданного по аналогии с английским *paralympic*, которое постоянно используется в СМИ вместо *параолимпийский*, зафиксированного в словаре.

Естественно, вызывают возмущение случаи явных неправильностей, которые постоянно отмечают слушатели. Таковы многочисленные примеры распространённого в СМИ, но не соответствующего правилам употребления собирательных числительных (*пятеро человек*) и порядковых числительных (*в двух тысяча двенадцатом году*).

Может быть, следовало бы подчеркивать в словаре ненормативность некоторых широко распространённых вариантов и строже относиться к речи журналистов, которая воспринимается большинством населения как эталон.

Е. М. Лазуткина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

**Просветительство как языковая политика
(концепция «Словаря русского языка» Я. К. Грота)**

Яков Карлович Грот был филологом в истинном смысле этого слова. С 1845 г. Я. К. Грот посвятил себя исследованиям по русскому языку и с 1888 года возглавил подготовительную работу по составлению «Словаря русского языка», провозгласив себя «политологом живого языка»: «Настоящее издание имеет предметом собственно «общеупотребительный в России литературный язык в том виде, как он образовался со времен Ломоносова». Его «Объяснительная записка о новом академическом словаре» была одобрена членами II отделения Академии наук 17 апреля 1889 г.

Определение Грота «**общеупотребительный**» весьма значимо: отбор лексем свидетельствовал о высокой степени их распространенности и понятности большинству населения России. Словник отражал исторически сложившуюся коммуникативную практику; иллюстративный материал из литературы показывал естественные акты речи, ориентированные на восприятие самой широкой аудитории, — демонстрирующие *формы выражения, соответствующие принятым в обществе этическим принципам.*

Словник вышедших томов (буквы А–Д), организованный по алфавиту, свидетельствует о замысле Грота показать «образованной части общества» язык как **систему знаний**, как хранилище когнитивного опыта народа.

Состав словника отражал большое функционально-стилистическое разнообразие: это была демонстрация богатейших стилистических ресурсов языка. С одной стороны, в Словарь были помещены распространенные специальные слова, которые раздвигали горизонты обыденного сознания и знакомили читателей с новыми областями знаний, с иностранными лексическими заимствованиями. С другой стороны, образованной части общества предлагалось познакомиться с просторечными и диалектными словами, часто встречавшимися в живой повседневной речи.

Просветительские цели диктовали Гроту и включение в состав словника устаревающих и устаревших слов, вследствие чего критики называли этот словарь толковым словарем с историческим уклоном.

Опыт этимологических исследований позволил Гроту решить важную проблему теории и практики толкового словаря — описание полисемантического слова, *разграничение первичных и вторичных значений слова* на основе законов семантической деривации. Вне зависимости от степени употребительности того или иного значения, в Словаре Грота первое значение слова является более ранним, а второе — более поздним. Определения слов также представляли собой сочетание энциклопедической и лингвистической информации. В определениях использовались синонимические выражения и лексемы, представлявшие макросемантические классы.

«Словарь русского языка» под ред. Я. К. Грота стал знаменательным событием и важной вехой в истории **русской нормативной лексикографии**. Это был первый **нормативный словарь**, содержащий предложенные Я. К. Гротом нормы орфографии и орфоэпии и разработанную им систему помет — стилистических и грамматических. Словник и пометы Словаря русского языка обнаруживают намерение Грота создать народный русский письменный язык, заложить основы национальных норм языка.

Академик Я. К. Грот вкладывает в термин **«литературный язык»** понимание русского языка своей эпохи как культурного коммуникативного пространства, т.е. термин употребляется по отношению к функционально разветвленному, многогранному, развитому языку цивилизованного государства XIX века, выработавшему каноны официально-деловой речи, составления документов дипломатической переписки, вобравшему в себя красноречие устной публичной речи и искусство русской публицистики, обороты научных трактатов начиная с М. В. Ломоносова. Этот язык показывал культурные стереотипы общения образованных слоев населения, находки изысканной поэзии, непринужденность эпистолярных жанров и живость прозы известных писателей XVIII и XIX веков.

См., например, указание Я. К. Грота: *«Учинить, вместо сделать, нельзя сказать в разговоре, а особливо молодой девице»*; см. его замечание о стилистической *«неразборчивости»*, высказанное в адрес В. Даля: *«Автор упускает из виду, что у каждой сферы языка есть свой характер, свой тон, который выдерживается не только целым составом речи, оборотами, но и отдель-*

ными словами. Поэтому переносить слова из одной сферы в другую не всегда удобно» [Гротъ 1899: 15].

Нормативный подход Я. К. Грота проявлялся и в подборе иллюстративного материала, он следовал определенным принципам, которые впоследствии были подробно охарактеризованы Л. В. Щербой. Это подбор «образцов нейтрального или нормального стиля общерусского литературного языка, ярче всего отражающих и выражающих общерусскую языковую норму в тот или иной период истории русской культуры» [Виноградов 1978: 157].

Иллюстративный материал в словарных статьях отражает и знание Гротом художественной литературы и публицистики, и знание лексикографических традиций, заложенных отечественными и зарубежными языковедами, и обнаруживает его общественные взгляды.

По заключению В. В. Виноградова, «академический словарь под редакцией акад. Я. К. Грота (т. I, А — Д) представляет собой выдающееся явление в истории русской лексикографии. Точностью определений, ясностью и четкостью семантических характеристик (т.е. описаний связи, последовательности и различий в значениях и оттенках), разграничением значений и фразеологических употреблений словарь Грота значительно превосходит академический словарь 1847 г.» [Виноградов 1977: 232].

Литература

- Виноградов В. В.* Толковые словари русского языка // *Виноградов В. В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: «Наука», С. 206–242.
- Виноградов В. В.* О задачах истории русского литературного языка // *Виноградов В. В.* Избранные труды. История русского литературного языка. М.: «Наука», 1978. С. 152–177.
- Галаванова Г. П.* Грот как лексикограф. АКД. Л., 1953.
- Гротъ Я. К.* Труды. СПб., 1901. Т. 4. С. 311–327.
- Гротъ Я. К.* Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка // *Гротъ Я. К.* Филологическія разысканія. Т. 2. СПб., 1899.
- Гротъ Я. К.* Матеріалы для русскаго словаря. 1. Дополненія и замѣтки къ «толковому словарю» Даля // *Гротъ Я. К.* Филологическія разысканія. СПб., 1899.
- Словарь русскаго языка, сост. Вторымъ отд. имп. Акад. наук. Т. I [подъ ред. *Я. К. Грота*]. СПб., 1891–1895.

И. Б. Левонтина, Д. О. Добровольский

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

**Тимиологический компонент
в семантике русских дискурсивных слов**

Три почтенных еврея идут по аллее еврейского кладбища. «Я бы хотел лежать здесь, рядом с ребе Шнеерсоном», — говорит один еврей. «А я бы хотел лежать вот на той аллее рядом с почтенным ребе Коганом», — говорит другой. «А я бы хотел лежать рядом с мадам Рабинович», — говорит третий. «Да, но она еще жива», — удивляются его собеседники. «О!» (указательный палец поднимается вверх).

(Анекдот)

Тимиологические (то есть содержащие оценку по важности) значения играют важную роль в семантике языка и в организации дискурса. Однако до сих пор на них мало обращали внимания. В этом смысле очень важна замечательная статья А. Б. Пеньковского, посвященная одному из значений слова *так* (*Не книга, а так, статья; Да это так, просто знакомый*). В ней, в частности, говорится: «Нам открывается если и не универсальный, то, во всяком случае, не уступающий аксиологическому по объему, широте охвата и значимости, — тимиологический принцип членения, ранжирования, или стратификации, элементов мира» [Пеньковский 1995: 36].

Пеньковский обратил внимание на *так*, понижающее значимость. Можно добавить, что сходная идея входит в одно из значений слова *да* (*Да я не против, Да отдай ты ему деньги*); см. [Левонтина 1999]. Однако в языке есть целая серия языковых единиц, выражающих идею высокой значимости. Некоторые из таких выражений будут рассмотрены в докладе.

Одной из таких единиц является широко употребительная русская фразема *то-то и оно* (*, что*). Рассмотрим следующие примеры:

— <...> *Вы знаете, что такое алиби? — Нет, не знаю. — Вот то-то и оно-то. Для того чтобы установить личность преступления, я должен прежде всего установить ваше алиби.* [А. Т. Аверченко. Ниночка]

— *Они же это делают несознательно. — То-то и оно, что несознательно. Знаешь, в детстве я тоже мечтал стать не-*

видимкой. [М. Сергеев. Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова]

— *Квартира почти продана... почти... — То-то и оно, что «почти»!* Если б не это «почти», я бы не топтался здесь за бесплатно [А. Волос. Недвижимость]

— *Но я-то вроде свободна!* — *То-то и оно, что* — «вроде»... [Н. Катерли. На два голоса]

То-то и оно принадлежит к большой группе выражений, используемых в качестве диалогических реакций (ср. *да, ага, а то, еще бы, а как же* и т. п.). Однако, как видно из приведенных примеров, в отличие от большинства таких слов, говорящий при помощи *то-то и оно* в первую очередь не подтверждает то, что говорит собеседник, а указывает на важность сказанного или выделяет наиболее важный компонент. Ср. *то-то и оно, что вроде* [собеседница говорит *вроде свободна*, для нее здесь главное — то, что она *свободна*, а говорящий указывает, что *вроде* здесь и есть самое важное].

Более того, сочетание *то-то и оно, что* может вводить не только подтверждение слов собеседника; ср.:

— *Удалось что-нибудь откопать?* — *Да то-то и оно, что почти ничего!* — *Коля огорченно махнул рукой.* [В. Белоусова. Жил на свете рыцарь бедный]

Собственно, и некоторые из примеров, рассмотренных выше, не являются реакцией подтверждения. Говорящий на самом деле спорит с собеседником, но оспаривает не содержание его высказывания, а шкалу важности.

Надо сказать, что сходные значения выражают еще несколько единиц, в состав которых входит сочетание *то-то* (*то-то, то-то же, в том-то (все) и дело*). На идею важности в значении *то-то* проникательно обратил внимание уже Д. Н. Ушаков:

То-то, частица. (прост.). 1. Со словом *вот* и без него употр. для подчеркивающего указания на самое главное в предшествующей речи, реплике, в знач. 'в том то и дело, именно'. «Вот то-то все вы гордецы!» Грибоедов. *Толковый словарь Ушакова*

При этом все упомянутые единицы имеют несколько разное значение и во многих случаях не взаимозаменяемы.

Рассмотрим, например, характерный случай употребления единицы *то-то же* — анекдот времен обострения советско-ки-

тайских отношений: «Заходит китаец в магазин и спрашивает: — Рис есть? — Нет. — То-то зи».

В этом случае *то-то же* совершенно невозможно заменить на *в том-то и дело*.

Действительно, в *то-то же* есть еще важные смысловые компоненты: говорящий, грубо говоря, требует, чтобы собеседник признал свою неправоту, убедившись в ее последствиях, или по крайней мере говорящий указывает, что собеседник пропустил что-то важное, не заметил ключевой аспект ситуации. Именно это свойство *то-то же* ярко проявляется в данном анекдоте.

Этого совсем нет в выражении *в том-то и дело*, там скорее приглашение к совместному обдумыванию ситуации. Например, невозможен такой диалог: — *А не может ли это лекарство дать побочные эффекты?* — **То-то же! Я поэтому и не очень хочу его вам выписывать.*

Здесь совершенно естественно будет *в том-то и дело*.

Надо заметить, что в анекдоте, который мы взяли в качестве эпиграфа, «О!» использовано в значении, близком к *в том-то и дело* или *то-то и оно*. Дополнительный комизм анекдоту придает то, что *О!* имеет гораздо более широкое значение, а недостающие компоненты смысла передаются интонацией и жестами — что как раз очень характерно для еврейского анекдота [Крейдлин, Шмелева 2007: 517].

Литература

- Добровольский Д. О., Левонтина И. Б. О синонимии фокусирующих частиц (на материале немецкого и русского языков) <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2012/materials/pdf/156.pdf>.
- Крейдлин Г. Е., Шмелева Е. Я. Вербальные и невербальные элементы анекдота // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М., 2007.
- Левонтина И. Б. Стратегии уговаривания: частицы в повторных просьбах // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М., 1999.
- Пеньковский А. Б. Тимиологические оценки и их выражение в целях уклоняющегося от истины умаления значимости // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. М., 1995.

Е. В. МариноваНижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
(Россия, Нижний Новгород)**Здоровые и нездоровые в современном дискурсе**

В докладе предполагается рассмотреть актуальную сочетаемость некоторых слов современного русского языка, нарушающую традиционные представления его носителей о системе нравственных координат.

1. Согласно толковым словарям русского языка, слово *амбиция/амбиции* представляет собой обозначение одного из негативных качеств, проявлений кого-, чего-л. (в форме мн. ч. *амбиции* ‘претензии, притязания на что-либо’) [БАС; МАС; БТС]. Однако в последние десятилетия это качество характеризуется прилагательным с положительной оценкой, а именно словом *здоровый (здоровые амбиции)*.

Наблюдения над сочетаемостью прилагательного *здоровый* в современном русском дискурсе (НКРЯ и др. источники) показывают, что частотность сочетания *здоровые амбиции* объясняется не только тем, что изменилась (с отрицательной на положительную) коннотация существительного *амбиции* (этот факт уже отмечался ранее в лингвистической литературе [Радбиль 2010; Сенько 2011; Маринова 2012]), но и тем, что изменилась сочетаемость, а значит, семантика прилагательного *здоровый*.

2. Определение *здоровый* могут иметь при себе и другие обозначения человеческих недостатков и пороков: *здоровый апломб, здоровое властолюбие, здоровое зазнайство, здоровая самонадеянность, здоровая самоуверенность, здоровое тщеславие, здоровое высокомерие, здоровое самомнение, здоровый снобизм, здоровая самовлюбленность, здоровый нарциссизм, здоровая самоуверенность, здоровая самонадеянность*. Слово *здоровый* в этих и подобных контекстах (самыми неожиданными являются *здоровый цинизм, здоровая ревность, здоровая агрессия, здоровая агрессивность*) имеет, по-видимому, следующий оттенок: ‘такой, который не причиняет вреда окружающим; безопасный и в то же время в каком-то отношении полезный для самого носителя качества’. В словарях (в частности, названных выше) такой оттенок значения отсутствует. Возможно, в будущем лексикографическое описание слова *здоровый*

следует дополнить новым толкованием, с учётом активно используемых в речи сочетаний, построенных по модели *здоровый* + существительное с негативной семантикой.

3. Те же самые существительные (обозначения недостатков) употребляются с противоположным по семантике прилагательным *нездоровый*. Например: *нездоровый* — *апломб, цинизм, снобизм, гонор, эгоизм; нездоровое* — *тщеславие, самомнение, честолюбие; нездоровая* — *ревность, самонадеянность, спесь спесивость; нездоровые амбиции* и др. Если сочетания «*здоровый* + существительное с негативной семантикой» представляются, с точки зрения традиционных нравственных понятий, оксюморонными, то сочетания тех же существительных с прилагательным *нездоровый* кажутся плеонастичными.

МАС даёт такое толкование прилагательному: *нездоровый* (перен.) — (1) приносящий вред, ущерб в моральном или общественном отношении, а также (2) свидетельствующий о ненормальном, неблагоприятном состоянии кого-, чего-л. (*нездоровое любопытство*). Как видим, эти значения (особенно первое) коррелируют с тем значением, которое реализует прилагательное *здоровый* в сочетаниях типа *здоровый цинизм* ('не причиняющий вреда окружающим; безопасный') и которое отсутствует пока, как уже отмечалось, в современных толковых словарях.

4. Несмотря на общий круг в актуальной сочетаемости прилагательных *здоровый* и *нездоровый*, выступающих по отношению друг к другу как антонимы, у этих слов есть и различия в непосредственном словесном окружении. Так, слово *нездоровый*, в отличие от своего антонима, активно употребляется и в сочетании с именами существительными, именующими положительные качества человека. Например: *нездоровая скромность, нездоровая целеустремлённость, нездоровая гордость*, а также *аккуратность, честность* (!) и даже *доброта*. Синонимами слова *нездоровый* в таких контекстах выступают слова *чрезмерный, излишний, болезненный, больной*. Но в целом преобладает в подобных сочетаниях слово *нездоровый*.

5. Сочетания *здоровые амбиции* и *нездоровая честность* и подобные им — веяния нового времени, факты меняющегося языка. Однако в более глубоком, духовном плане смещение (смещение) этических оценок нравственных категорий вызывает тревогу.

Литература

- БТС: Большой толковый словарь русского языка/ Под ред. С. А. Кузнецова. СПб, 1998.
- Маринова Е. В. Больные вопросы родной грамматики. М.: «Флинта»: «Наука», 2012. С. 13.
- МАС: Словарь русского языка в 4-х томах. 2-е изд-е. М., 1981–1984.
- НКРЯ: Нац. корпус русского языка // www.ruscorpora.ru.
- Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета. М.: «Флинта»: «Наука», 2010. С. 70.
- Сенько Е. В. Эволюция русской языковой картины мира// Лексикология. Лексикография (русско-славянский цикл). Русская диалектология: Материалы секций XXXIX Междунар. филологической конф. СПб, 2010. С. 61.

Т. А. Милёхина

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
(Россия, Саратов)

Языковая игра в корпоративном общении

Различные жанры современной устной корпоративной коммуникации демонстрируют большую свободу в использовании языковых средств общения. Устная форма становится более важным фактором, чем официальные условия общения и рамки делового стиля. Анализ видеозаписей нескольких корпоративных совещаний одной из финансовых российских групп позволяет обнаружить в устной корпоративной коммуникации несколько новых ярких черт, не свойственных классическому деловому языку.

В основе таких новшеств, имеющих различный характер, в большинстве случаев лежит присутствие в деловой речи языковой игры, то есть допустимость эмоций, творческого отношения к речи, художественной формы деловой информации: *Каждый регион может заключать договор самостоятельно/ если какой регион проваливается//; Теперь у нас заявки не гуляют туда-сюда//; До тех пор/ пока не будет качественной отчётности/ вот так вот распускать в массы эту отчётность не будем//.*

Отчёт-презентация о работе одного из региональных банков организуется вокруг метафоры-названия: *Мы начинаем наше выступление/ назвали мы его «Маски»// «Маски»/ где// «Маски» в цифрах/ «Маски» в киоске/ «Маски» на заводе/ «Маски» везде/ ну и «Маски» на празднике/ «Маски» в банке можно ещё/*

да/ и так далее// Э ... ну значит/ «Маски» в цифрах/ ну понятно/ сначала мы говорим о цифрах// ... Это/ коллеги/ наверно всё о цифрах// И сейчас мы расскажем «Маски вдалеке»/ то есть вдали от нашего главного офиса// Мы открыли несколько отделений/ увеличили нашу сеть/ там/ где у нас было одно отделение/ не планировали/ но построили в городе Серове//.

Широкое распространение получают прецедентные тексты разного характера: *Посмотрите/ «Быть лучшим ДРБ»/ это знаете вы/ да/ это великая стратегия/ вы знаете/ да вот/ вчера ещё её лидер сказал о том/ что спасибо/ что в ГЭБе есть ДРБ// и я вспомнил/ вот эти стихи противпартийные: **прошла зима/ настало лето/ спасибо рознице за это// И так/ из таких вещей/ вот/ значит// Давайте дальше//; Если посмотреть на данные/ то получается **вот такая загогулина//*****

Яркая черта современного корпоративного общения — присутствие слоганов, девизов, служащих для привлечения клиентов или предназначенных для внутреннего использования: *Обещаем, что можем сделать, делаем то, что обещаем; Кредит на доверии. ВУЗ-банк — быстрый банк; Выдаём деньги после беседы! Мы из вашей жизни!; Приучаем к лучшему! Внутренние лозунги также имеют в своей основе языковую игру. Так, корпоративный киножурнал называется «Voogol», то есть «В угол»: *Вот уже не первый год выдающаяся компания «В угол» выясняет/ чем дифференцируются ТЭК и ДРБ в одном городе и наблюдает за региональным стартом ДРБ//; «В угол» и «Лайф» очень похожи// В обеих строятся уникальные культуры// Что же делать с теми/, кто не демонстрирует инновационную культуру/ не стремится к дифференциации и вау-сервисам? Они попадают в угол!; Если вы попали «В угол»/ значит вы ещё не гугол!**

Характерно, что формулировки таких корпоративных слоганов коллективно обсуждаются: — *Собственно/ тема называется HR бренд/ есть рабочий слоган/ «Приучаем к лучшему»// Собственно/ для чего весь проект/ ... — Может не приучаем/ а приучаемся?//* В ходе дискуссии выбирается наиболее приемлемый вариант.

Оговорки, свойственные устной речи, не ставят говорящих в тупик, наоборот, обыгрываются, становятся основой для языковой игры: *Да/ по поводу цифр/ отчётности/ и уже с ними/ на самом деле вы все прекрасно знаете/ да? что отчётность*

мы не сделали вовремя/ вину томой/ тому виной/ вину томой наш Николай Токарев/ который решил тиражность ввести под конец года/ на данный момент у нас задержка по отчёту получилась по группе более шести дней//.

Нередко языковая игра становится основой для проявления личностного индивидуального начала в устном публичном деловом выступлении, даёт возможность рассказать на крупном корпоративном совещании о своих семейных делах, о личных эмоциях, о предпочтении одного регионального учреждения перед другими: *Можно я сейчас объявлю тот банк/ который будет выступать/ потому что я имею непосредственное отношение к этому банку/ это мой любимый банк/ да простят меня все остальные//.*

В ходе крупного корпоративного совещания, так называемой «Стратегической сессии», наблюдается вольная трактовка статусных отношений с начальством, отмечаются и шутки весьма вольного содержания, присутствующие, например, в речи ведущих: — *Ну а вечером традиционно/ игра в футбол/ кубок финансовой группы «Лайф» по мини-футболу/ будут встречаться команды «Нереал» и «Лайф-сервис»// — Футбол или gerl?*

Особым проявлением корпоративного общения является создание собственного внутрикорпоративного словаря, в основе которого — и территориальное, локальное расположение отделений финансовой группы (*группа; отделения группы; карта группы*); временные реалии (*С этим знанием группа пришла в новый очередной год своей стратегической жизни*); общее идеологическое пространство (*25 ноября прошлого года все сотрудники банка получили очередное обращение от президента/ говорилось там о 4-х критериях дифференциации бизнеса в группы//*); общее времяпрепровождение, некие шуточные символы (*... для тех/ кто сейчас отгадает/ что/ какое слово здесь зашифровано/ ждёт подарок/ фотография с бигдылом//*).

В таком корпоративном языке получают распространение переосмысленные литературные слова: *дивизион* (ДМСБ — *дивизион* малого среднего бизнеса, ДРБ — *дивизион* розничного бизнеса), *индикатор* (с точки зрения карты мы добавили один новый индикатор — нашу прибыль: заработать 1 миллиард), *карта* (график, на котором разными цветами регистрируется то или иное достижение). Создаются специальные корпоративные сло-

вечки («Нефитиль», «Нереал», вау-сервис), новые понятия (лингвистский клуб, совет лидеров, комната сопутствующих услуг).

Таким образом, одной из отличительных особенностей современной устной корпоративной коммуникации является довольно широкое распространение различных средств и приёмов языковой игры, отмечающееся даже в официальной публичной деловой речи.

И. Г. Милославский

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)

Кодификация содержательной стороны языкового знака

1. Счастливая судьба «Русского правописания» Я. К. Грота, на мой взгляд, предопределена тем, что эта работа имела сверхзадачу. Сверхзадача эта состояла в том, чтобы сделать коммуникацию более эффективной в результате предъявления более высоких требований к отправителю сообщения. Эта мысль представляется мне фундаментальной, хотя труд Я. К. Грота посвящен исключительно формальной стороне языкового знака, причем только в его письменной форме. И все же, несмотря на эти важные ограничения, не забудем главного: совершенствование коммуникации за счет более высоких требований к адресату.

Для общественной жизни России XXI века вопросы неточного, неполного, неправильного понимания между говорящими порусски группами людей и между отдельными личностями — среди вопросов фундаментальных. А для современной русской лингвистической науки вопрос о совершенствовании коммуникации внутри российского общества — самый главный. В конечном счете, именно на решение этого вопроса направлено и интегральное описание современного русского языка, и исторические штудии, и разнообразная лексикографическая деятельность.

2. К настоящему времени в лингвистической науке нормативный аспект исследуется преимущественно по отношению к формальной стороне языкового знака в письменной (орфография) и устной (орфоэпия) речи. Несмотря на появление в последние годы ряда нормативных словарей русского языка, идеи и опыт специалистов по орфографии и орфоэпии не всегда используются лексикологами, фразеологами и лексикографами по отношению к содержательной стороне языковых знаков. Разнообразные ре-

чевые отклонения в значениях слов и фразеологических единиц от рекомендаций, имеющих в нормативных словарях, обычно не получают того глубокого осмысления и рекомендательной оценки, которые встречают формальные отклонения от нормы (колебания в роде существительных или место ударения, например). Разумеется, нормализаторская работа по отношению к содержательной стороне значительно сложнее, чем по отношению к стороне формальной. Поскольку включает в себя, помимо речевой практики разнообразных носителей, а также тенденций развития самого языка, еще и такой важнейший фактор, как требующая именованная и постоянно меняющаяся реальность.

3. Не подвергая сомнению еще восходящий к М. В. Ломоносову тезис о высочайших качествах русского языка, осмелюсь, однако, указать те места в лексической системе русского литературного языка, которые могут создавать коммуникативные риски и даже неудачи.

3.1. В современном русском языке существует значительное количество слов, у которых за общностью формы скрываются глубокие различия в значении. Вопрос, на мой взгляд, должен быть поставлен не так, как он традиционно ставился и решался лексикографами: омонимия или многозначность. Речь должна идти о том, преодолевается ли семантическая двусмысленность за счет глубоко различных контекстов, выступающих для одного и для другого значения. К сожалению, к настоящему времени в русском языке накопилось немало слов, для которых обычное контекстуальное окружение не открывает того единственного значения, которое имел в виду требовательный к себе адресант. Например, *империя Мердока* — это как *империя Августа* с метрополией и провинциями или как *империя кухни* с указанием только на огромный размер?. *Элита* — это «лучшее, специально отобранное», как сообщают нормативные словари, или «группа лиц, стоящих у власти, претендующих на власть или просто способных взять власть», как это принято в социологической науке? *Провоцировать* — это слово, имеющее в пресуппозиции «недружественные отношения между субъектом и объектом провокации», в соответствии с традиционным употреблением, или пресуппозиция может предполагать и отсутствие отношений, тогда *провокация* — это просто «привлечение внимания», как это наблюдается в новей-

шем употреблении? *Государство* — это «общественное устройство», «страна» или «власть»? Видимо, перед нами не слова-губки (по Л. А. Капаназе), не диффузы (по О. Б. Сиротиной) и не гиперонимы, но многозначность (или омонимия, что неважно), не преодолеваемая значительной частью контекстов.

3.2. В нормативных словарях русского языка представлено немало слов с ограничительными пометами. При этом соответствующее содержание может быть выражено нейтрально только с помощью громоздких словосочетаний (*выпендриваться, оттягиваться, заглушки* и мн. др.). Таким образом, производитель речи оказывается в положении, когда ему необходимо чем-нибудь обязательно поступиться: нормативностью, точностью или краткостью.

3.3. Если посмотреть на современный русский литературный язык не со стороны самого языка, но со стороны той действительности, которую он должен отражать, обнаружится немало лакун и/или бессмысленностей. От отсутствия именовании для названия событий 19–21 августа 1991 до невозможности назвать чувство, возникающее у человека, когда справедливо критикуют нечто для него дорогое. От невозможности обозначить учащегося, озабоченного только документом об образовании, до ситуации и фигурантов, представленных, например, в крыловской басне «Кот и повар» и мн. др.

4. Неразличающаяся многозначность, наличие только ограниченных в употреблении слов для обозначения одних важных фрагментов действительности, полное отсутствие точных словных номинаций для других фрагментов — вот те важнейшие моменты, которые требуют усовершенствования в современном русском литературном языке. Надежда на решение этого вопроса может быть связана только с профессиональным лингвистическим сообществом. Состояние школьного преподавания русского языка не дает никаких надежд даже на обращение к содержательной стороне языкового знака. Современную власть «семантическое невежество» общества вполне устраивает, она им более или менее умело пользуется (*суверенная демократия, бюджетник* только как «работник образования, здравоохранения, науки, культуры», *точечная застройка*). Все это не позволяет оптимистически оценивать возможности совершенствования русского языка. Хотя вдохновляет разнообразный исторический опыт. Напомню лишь изобретение одних слов М. В. Ломоносовым и

Н. М. Карамзиным, преодоление А. С. Пушкиным ограниченно-го употребления слов других, очевидные успехи в поднятии орфоэпической и орфографической культуры советского общества.

С. В. Науменко

Канский педагогический колледж (Россия, Канск)

Орфографические разыскания Я. К. Грота в оценке С. П. Обнорского

Я. К. Грот вошел в историю отечественной орфографии как автор глубоких и масштабных работ. Его «Спорные вопросы русского правописания отъ Петра Великаго доннынѣ» (1873 г.) стали первым системным описанием исторического развития отечественной орфографии с XVIII века до 80-х годов XIX века, а «Русское правописание» (1885 г.) — первым в истории обучения языку обязательным для школы орфографическим руководством.

Эти труды создавались в период орфографического разнобоя. Несогласованность многочисленных руководств существенно осложняла письменную и издательскую практику, школьное преподавание языка. В этих условиях Я. К. Грот видел свою задачу в том, чтобы «удовлетворить сознаваемую всеми потребность привести русское правописание къ желательному единообразію» [Гротъ 1894: 3].

Нормативные установки орфографического руководства «Русское правописание» Я. К. Грота вызвали длительную и острую полемику и получили противоречие отзывы. Осознание роли Я. К. Грота в истории правописания, а с ним и взвешенная оценка его работ придут только в 40-ые годы XX века, в частности, в публикациях С. П. Обнорского, который возглавит орфографическую комиссию 1939 года.

Труды Я. К. Грота, по мнению С. П. Обнорского, составили «эпоху в истории русского правописания» и имели «громадное значение», поскольку его деятельность «впервые регулировала письмо, боролась с его разнобоем, обращала внимание на правописание как на неотъемлемый объект общей культуры», а сам он был «прекрасно осведомлен о разных орфографических системах» [Обнорский 1954: 17].

«С давних, догготовских еще времен в нашем правописании было немало частных неясных, этих «спорных», вопросов письма, спорных вопросов с написанием однотипных групп слов и т.п.

Грот в своей деятельности пытался ввести известный порядок в эту смесь подчас трудно поддающихся правописной нормализации больших случаев нашего правописания», — писал С. П. Обнорский [Обнорский 1939: 5]. Незрелость и дискуссионность орфографической теории конца XIX века вынуждали «ощупью направляться в своих работах по вопросам орфографии», но он все-таки смог представить «посильное упорядочение нуждавшейся в нем нашей правописной системы... Конечно, не все, что предлагал Грот, оказалось принятым в практику правописания... но в основном дело Грота получило признание своего времени» [Обнорский 1934: 455]. В «Русском правописании» (II-е изд., 1894) привычным для нас образом регламентируется орфография более 20 групп спорных написаний той эпохи. Безусловно, не всегда рекомендации Я. К. Грота были обоснованными, поэтому С. П. Обнорский справедливо отмечал, что в дальнейшем «обозначились многие возражения по существу объяснений Грота» [Обнорский 1954: 17]. И все же в действующем орфографическом Своде отчасти чувствуется «логика прежних правил — по Гроту» [Дегтярев 2009: 206].

У С. П. Обнорского мы находим не только прямые высказывания о Я. К. Гроте, но и видим одинаковый подход к решению важнейших для орфографической нормализации теоретических вопросов. Во-первых, взгляды Я. К. Грота и С. П. Обнорского совпали в понимании бесперспективности преобразования письма на фонетической основе. Я. К. Грот рассуждал: «Некоторым казалось, что русское правописание могло бы совершенно отбросить производственный элемент и сделаться чисто звуковым; но эта мысль не может устоять пред мало-мальски серьезной критикой... для множества слов явилось бы по нескольку начертаний, и орфография лишилась бы руководящего начала» [Гротъ 1873: 4]. Через несколько десятилетий об этом скажет и С. П. Обнорский: «В работе по унифицированию нашего письма следует всегда считаться с основным принципом, на котором построена вся наша орфографическая система. Этот принцип есть морфологический, но не фонетический» [Обнорский 1939: 9].

Во-вторых, позиции Я. К. Грота и С. П. Обнорского оказались схожи и в оценке системы русского письма как логичной, внутренне целостной: «Прав был... наш лучший историк русского правописания, акад. Грот, который (еще в старое время в

70-х гг.) в характеристике нашей орфографии писал: «наше правописание далеко не представляет тех многочисленных и запутанных затруднений, которые тяготеют над письмом большей части других европейских народов» [Обнорский 1939: 7].

В-третьих, будущее орфографии оба видели не в реформировании, а только в «частныхъ измѣненіяхъ, польза которыхъ можетъ быть всѣми понята и почувствована» [Гротъ 1899: 802]. Практическая задача, по мнению С. П. Обнорского, «...не есть реформирование существующей системы письма, а лишь ее унифицирование, корректирование ее в пунктах неустойчивости... не следует думать, что общая наша система письма вопиет к реформе, что здесь у нас крайне неблагоприятно» [Обнорский 1939: 7]. Наконец, определенное единство находим в нормативных установках Я. К. Грота и проектов правил 1939 (1 и 2 ред.) и 1940 гг., созданных орфографической комиссией под руководством С. П. Обнорского.

Таким образом, Я. К. Грот верно определил основные принципы орфографической нормализации, которые позже будут тщательно обоснованы С. П. Обнорским и станут ключевыми в работе над содержанием «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г.

Литература

- Гротъ Я. К.* Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ. Филологическія разысканія *Я. Грота*. СПб, 1973.
- Гротъ Я. К.* Русское правописание: Руководство, составленное по порученію Второго отдѣленія Императорской Академіи наукъ академикомъ *Я. К. Гротомъ* (II изд.). СПб, 1894.
- Гротъ Я. К.* Филологическія разысканія. Т. 2. СПб, 1899.
- Дегтярев В. И.* Драматические страницы в истории русской орфографии. А. В. Миртов против Я. К. Грота // Кириллица — латиница — гражданица: Коллективная монография. Новгород, 2009.
- Обнорский С. П.* Русское правописание и язык в практике издательств // Изв. АН СССР. Отд. общественных наук, 1934.
- Обнорский С. П.* Основные принципы орфографической нормализации // РЯШ, 1939.
- Обнорский С. П.* Задачи орфографической комиссии // РЯШ, 1954, № 5.

И. В. Нечаева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

**Правописание заимствований
в орфографической концепции Я. К. Грота**

1. Работа по упорядочению письма, которой Я. К. Грот посвятил свои труды, выражалась в стремлении «привести русское правописание к желательному единообразию». Тем самым была заложена тенденция к стандартизации письма путем сознательного регулирования, действующая по сей день. Последующая история русской орфографии шла под знаком ее упорядочения и упрощения. Но если данный процесс на протяжении XX века в отношении исконных слов шел более или менее успешно, то по отношению к заимствованиям, как мы знаем, эта проблема актуальна и по сей день. Область иноязычных заимствований традиционно отстает в стандартизации (если иметь в виду системность нормирования, а не установление нормы для отдельных слов) в силу своего периферического положения в системе языка.

2. Я. К. Грот рассматривает иноязычные слова отдельно от исконных как слова особой природы, посвящая им специальный раздел в своих трудах. Впоследствии кодификаторы отказались от такого подхода, тем самым растворив специфические для заимствований проблемы в море общих правописных проблем. (Не с этим ли отчасти связана многолетняя нерешаемость проблем орфографии заимствований в русском языке?..) При описании вопросов освоения иноязычий Грот не разделяет устный и письменный язык и одновременно с орфографическими рассматривает также проблемы транскрипционной передачи слов, вероятно, полагая, что одно от другого отделять нецелесообразно, поскольку и то и другое — это этапы единого процесса освоения иноязычных слов в русском языке.

3. Отдавая себе отчет в значительном влиянии случайных факторов на установление «обычаев» письма, Я. К. Грот, тем не менее, призывает «вводить в письмо закон и единство, соглашая, насколько это возможно, противоречащие друг другу начала». Что такое «противоречащие начала» для иноязычий? По Гроту, они происходят от неодинакового понимания условий передачи иноязычных слов в русском языке. Как мы знаем из истории, в дальнейшем русская орфографическая кодификация шла по пути не

соглашения «противоречащих начал», а жесткой стандартизации с помощью императивного диктата по отношению к частной норме.

4. «Принятіе чужихъ словъ», по Я. К. Гроту, «естественно и неизбежно». Основной принцип их передачи — писать «по звучанію». Дело в том, что, имея своеобразную азбуку (по отношению к европейским языкам), мы лишены возможности сохранять точную письменную форму слов, и потому лучшим, по мнению Грота, выбором будет «держаться иностранного выговора». При этом он отвергает предложение о внесении в русский алфавит дополнительных букв для обозначения иноязычных звуков, отсутствующих в русском языке, поскольку, произнося заимствованное слово, мы «по неволе подчиняем иностранный выговор законам своей фонетики».

5. Я. К. Грот являлся сторонником соблюдения принципа *звук — буква*, т.е. такого положения, при котором (в идеале) каждому звуку речи соответствует одно «начертание», а каждое «начертание» имеет свое звуковое значение. С этим связан вопрос об употреблении буквы «э». В конце 19 века еще существовали разногласия о правомерности включения этой буквы в русский алфавит. По мнению ученого, буква «э» введена в русское письмо «совершенно основательно», поскольку, в отличие от «е», изображает звук чистого, нейотованного *ε* (в начале слова и после гласных). В большой мере проблема употребления буквы «э» относится к иноязычным словам. Грот отмечает распространение использования «э» также в позиции, которая ранее не предполагалась, а именно — после согласных. По его мнению, такое употребление следует допускать только в двух случаях: а) в собственных именах и б) в нарицательных «для избежания двусмыслия» (т.е. омонимии); тем самым было положено начало всем известному списку исключений, начинающемуся со слов *мэр, пэр* и *сэр* (который, как мы знаем, впоследствии был значительно пополнен).

6. Проблемы, выделяемые Я. К. Гротом при описании заимствований, актуальны и сегодня. Одна из них — удвоенные согласные. Здесь за прошедшее столетие мало что изменилось. Грот отмечает, что в «обрусевших» заимствованиях удвоение большей частью пропало, однако не везде; в принципе, по Гроту, «удвоение не противно народной фонетике» (ср. в собственно русских словах: *беззаконный, подданный* и др.). Он отмечает, что удвоение звука особенно явственно слышится после гласной

с ударением: *сумма, колонна, труппа, телеграмма...* (как было уточнено впоследствии, здесь важно не только заударное, но и интервокальное положение согласной). Действует всё тот же принцип: «начертание не должно быть противно выговору». Его вывод: в позднейших заимствованиях нет оснований исключать все двойные буквы, но употребление их следует несколько ограничить. Ученый не разделяет мнение тех своих коллег, которые стремятся к упрощению двойных согласных во всех без исключения словах. Надо сказать, что в истории русского правописания было немало попыток избавиться от двойных согласных, однако они проявляют удивительную стойкость в русском письме.

7. В трудах Я. К. Грота затрагивается также вопрос «о разнообразии в правописании». К заимствованиям это имеет прямое отношение. Грот отмечает, что в орфографии действует множество противоречивых обстоятельств, пока наконец не установится «обычай», т.е., по-нашему, орфографическая традиция. С одной стороны, следует бороться против «двояких написаний»; с другой — надо «уметь отличать важные разногласия от неважных»; при этом «всякая сознательная причина имеет право на внимание». В этом отношении современная орфография, в силу своей нормативной категоричности, по сравнению с Гротом сделала шаг назад. Я. К. Грот признает, что в языке существует много слов, которые могут быть написаны двумя разными, но одинаково хорошими способами, и поэтому, стремясь к единообразию, следует остерегаться педантизма.

Е. Н. Никитина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

Наследие Я. К. Грота и объяснительность в современной лингвистике

1. Доклад посвящен интерпретации орфографии и семантики глагольных корней с чередующимися безударными гласными (*мак-мок-моч*).

2. В «Русском правописании» (1894) академика Я. К. Грота формулировка правила опирается на семантику вида: «потому что въ древнемъ языкѣ, при образованіи многокр(атнаго) вида, коренное *о* подвергалось подъему въ *а*». При этом речь идет, при опоре на диахронию, о «корне» с *о* и о «форме» с *а*: *положить — полагать, коснуться — касаться* (к видовому соотно-

шению относит Грот и *мок-мак*). Тем самым, в гротовской формулировке осуществлен объяснительный принцип (см. конструкцию с причинным союзом).

В отечественных изданиях по орфографии, обращенных к широкой аудитории, ([Д. Э. Розенталь]; [Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова 2011]; школьные учебники) применяется принцип, который ориентирует пишущего на внешние, формальные признаки: наличие/отсутствие суффикса *a*, чередование конечного согласного в корне. Любопытно, что в учебнике [М. М. Разумовская и др.] осуществлен такой композиционный прием: чередования *лаг/лож* определены в надчастеречные правила, а чередования *e/i* перед суффиксом *a* — в глагольный раздел (что частично приближает проблематику чередований к грамматической семантике вида).

3. Известно, что русская грамматика (и орфография) обладает определенной закрытостью для внешнего пользователя (который ориентируется в основном по формальным признакам). В частности, в области орфографии это смысловые правила: проверка слабых фонем сильными, что требует понимания членимости слова и категориальных значений, владения просодией слова. В грамматике это проявляется в текстовом, синтаксическом характере глагольных категорий (спрягаемые формы не так многочисленны и получают осмысление в тексте, а не в парадигме). Представляется, что приоритет значения, объяснительности как сознательный выбор автора-лингвиста может способствовать приближению носителя языка к родной грамматике — см. [М. А. Шелякин 2009].

4. Статья «своим» для грамматики (и орфографии) означает, что носитель языка получает знание о грамматическом механизме, оставившем свой след в орфографии. В случае чередования (*кос-кас, бр-бер-бир, жн-жин* и др.) — это связь гласного звука с семантикой вида и проявление в выборе современной гласной буквы старого иконизма знака. Количественные характеристики гласного передают количество времени, выражаемое глаголами: сов. в. связан с исторически краткими и сверхкраткими гласными, а несов. — с исторически долгими (несов. в. осознается как временная длительность в отличие от временной ограниченности сов. в., что Г. А. Золотовой было сформулировано как параллелизм взгляда говорящего линии времени в несов. в. и пересечение взглядом говорящего линии времени в сов. в.).

5. Отказ от объяснительности, в котором видно стремление к непротиворечивой формулировке правила, не ведет к освобождению от исключений из правил. Но бывает, что непротиворечивость по отношению к логике формулировки имеет следствием противоречивость для человеческого сознания. Например, вынесение в исключения слова *слоговой* (перед *г* безударное *о*, а не *а*). Возможно, классическое правило следует формулировать для непроверяемых гласных, тогда пара *слоговой* — *слог* подчиняется общему правилу проверки ударной позицией.

6. Синхроническое разграничение корней с разной семантикой — *мак* и, с другой стороны, *мок/моч* — обнаруживается при толковании. Первый корень исторически связан с каузацией — «делать предмет мокрым посредством погружения в жидкость», но лексически отчужден, независим от *мок/моч*. Называемое глаголами с корнем *мак* действие связано 1) не столько с погружением в жидкость, сколько в некоторое вещество (*обмакнуть в соль, в сахар, в пудру*); и 2) не только и не столько с нахождением в некоторой среде, сколько с неомогенностью ситуации и пространственно-динамической (переместительной) семантикой. Перемещение объекта в пространстве выражается директивом *в + Вин.*, обязательна краткость пребывания в указанной среде, обязательно и наблюдаемое извлечение объекта из этой среды. Семантика *мак* предполагает промежуточность этого действия, нацеленность на другое действие при выполнении сложных операций (само макание не может быть целью: *обмакнуть перо, чтобы писать; обмакнуть мясо в кляр, чтобы зажарить*). Этими особенностями семантики обусловлена встречаемость глагола *обмакнуть* в текстовых фрагментах с отношениями временного следования, где он занимает инициальное или срединное (но не конечное) положение в серии предикатов — аористив (продвигающий время повествования вперед): *Учитель развернул тетрадь и, бережно обмакнув перо, красивым почерком написал Володе пять в графе успехов и поведения.* [Толстой]; *Он сел за мой письменный столик между двух окон, придвинул к себе бумагу, обмакнул перо в чернильницу и стал писать...* [Катаев]; *Она достала флакончик, обмакнула пальцы и потерла виски.* [Шишкин]. Ограничение на финальную позицию связано с невозможностью передачи глаголом *обмакнуть* перфективной семантики (глагол не выражает состоя-

ние объекта, «след» действия не сохраняется на объекте по завершении действия). Интересно, что употребление в переносном значении позволяет перфектное осмысление (а тем самым и финальную позицию): *Дымку леса, рощу, сад Кто-то обмакнул в закат* = «дымка леса, роща, сад стали розового цвета».

7. В докладе будет сделана попытка объяснить пересечения *о/а* в корне *мак*, что обычно встречается в рамках причастной формы страд. прош. (перфект): *За огромным письменным столом с массивной чернильницей сидел пустой костюм и необмакнутым в чернила сухим пером водил по бумаге.* [Булгаков] – *Как будто бы железом, обмокнутым в сурьму, Тебя вели нарезом По сердцу моему* (Пастернак).

8. Данные НКРЯ позволяют оценить возросшую активность и жанровые рамки употребления дериватов с корнем *мак* (кулинарные рецепты, гиды по ресторанам, советы по употреблению экзотических блюд): от «Подарокъ молодымъ хозяйкамъ, или средство къ уменьшенію расходовъ въ домашнемъ хозяйствѣ» Е. Молоховец (1861) до «Процесс еды и беседы. 100 кулинарных и интеллектуальных рецептов» А. Наймана и Г. Наринской (2003).

Н. В. Николенкова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)

**Написание географических названий
в истории русского литературного языка:
практика письма и предложения Я. К. Грота.**

Первые географические сочинения на русском литературном языке (церковнославянском) мы относим к середине XVII века. Именно в этот период переводятся сочинения научного характера, отличные по содержанию от ранних космографий.

Одной из проблем, которые должны были решить переводчики, было написание географических названий, частично известных авторам переводов, частично незнакомых. Грамматики церковнославянского языка (в первую очередь Грамматика 1648 г.) не предлагали орфографических правил в помощь переводчикам: в рекомендациях на употребление «впящих» букв географические названия отдельно не выделены. Это отражалось на практике письма вплоть до первой половины XVIII века: не были упорядочены принципы передачи отдельных букв,

удвоенных согласных и т.д. В докладе будут проанализированы два сочинения: рукописный перевод Атласа Блау на церковно-славянский язык конца 50-х гг. XVII века и «Географія или Краткое земнаго круга описаніе», напечатанное в Москве в 1710 году. Переход на «гражданицу» не решил автоматически проблем, с которыми на практике столкнулись авторы сочинений.

Обращаясь в докладе к раннему этапу развития русского литературного языка, мы покажем, какие зоны оказывались наиболее проблематичными для передачи иноязычных географических названий и какими приемами пользовались книжники XVII и начала XVIII века для адекватной передачи кириллицей латинских написаний. Однако грамматические сочинения XVIII века не успевали за переводчиками и не предлагали каких-либо правил передачи географических названий. Решение проблемы упорядочения географических названий на письме было оставлено XIX веку.

Я. К. Грот в работе «Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ» (отдел II) ставит вопрос об общих правилах передачи иноязычных названий в русской письменности. Он обращает внимание на наиболее острые из нерешенных вопросов: употребление букв «е», «э», «г» в начале слова; передача заимствований, пришедших в русский язык через посредство какого-то третьего языка; сохранение уже используемых названий или изменение их в пользу новых написаний; вопрос об удвоенной и прописной букве и т.д.. Фактически суммировав те проблемы, которые накопились за время существования научных географических сочинений, Грот предлагает пути и способы их решения.

О. Н. Околелова

Мичуринский государственный аграрный университет (Россия, Мичуринск)

**Лексико-семантическая представленность
самооценочных лексем «гордость» и «гордыня»
в русском языке**

Современное состояние лингвистической науки активно демонстрирует интерес к успешно развивающемуся направлению языковедческих изысканий — лингвистике эмоций. Ряд исследователей, работающих в этой области (В. И. Шаховский, Н. А. Красавский, С. Г. Воркачев, Е. Ю. Мягкова и др.), отмечают недостаточную изученность эмоционального мира личности в лингвокогнитивном аспекте.

Известно, что эмоциональный и оценочный пласты ментального пространства человека тесно связаны между собой; часто провести четкую границу представляется необычайно сложным. Одним из инструментов анализа «языкового сознания», отраженного в лексическом фонде языка, является изучение речевых реализаций эмотивно-оценочных концептов в нарративном дискурсе.

В русле данной проблемы нельзя обойти стороной вопрос о самооценочных лексемах, ибо самооценка — взгляд на самого себя, свои возможности, качества и способности, сопоставление себя с другими людьми — демонстрирует реализацию Я-концепта, столь актуального в настоящее время развития антропоцентризма в лингвистике.

Диапазон предмета самооценки очень широк и затрагивает самые разные аспекты жизнедеятельности личности. В данной статье мы рассмотрим лексико-семантическую вербализацию лексем «гордость» и «гордыня» в русском концептуальном сознании.

Известно, что чувство гордости вызвано любовью к себе, соединенной с крайней степенью самодовольства и самоуважения [1]. Данное чувство одно из самых сложных в спектре позитивной оценки, и, возможно, потому одно из самых сильных, интенсивных.

Вот какое описание лексемы «гордость» мы встречаем в лексикографическом источнике:

Гордость — 1. Чувство собственного достоинства, самоуважения. 2. Чувство удовлетворения от чего-либо. 3. О том, кем (чем) гордятся. 4. Высокомерие, чрезмерно высокое мнение о себе, спесь [2].

В русском национальном сознании исследуемое понятие неоднозначно с точки зрения оценки: с одной стороны, существует традиционная интерпретация гордости как одного из смертных грехов; с другой стороны, чувство самостояния человека, собственного достоинства способно оцениваться положительно:

Отличительное свойство падших духов — гордость; отличительное свойство и еретиков — гордость, которой очевиднейшее проявление состоит в презрении и осуждении всех, не принадлежащих их секте, омерзение или лютая ненависть к ним (епископ Игнатий (Брянчанинов)); Прямо гордость берет за наш народ — сохранился еще генотип (А. Слаповский); Мно-

*жество грустных мыслей вызывала эта фигура, и в то же время **гордость** за человеческий род вспыхивала во мне, стоило лишь задержать на ней взгляд* (Б. Окуджава).

Лексическая единица «гордыня» как «непомерная гордость, заносчивость, высокомерие, эгоизм» [3] отражает семантику «гордости» лишь в четвертом значении:

*А знаете, что это такое? **Гордыня** бесовская, вот что! Люди погублены, сам горю, зато сколь чист!* (В. Дудинцев); *Слаб человек, немощен, а велика его **гордыня*** (Д. Мамин-Сибиряк); *Гордость человеческая, **гордыня**, высокомерие, вот что надо искоренить дотла* (И. Тургенев).

Безусловно, «гордость» как «гордыня», как термин аскетический, демонстрирует особое состояние души человека, которое можно попытаться описать как обостренный эгоизм, самодовольство, полнейшая замкнутость в себе, коррелирующая с пренебрежением окружающими. В случае же сопереживания, радости — чувство гордости противопоставляется гордыне. Гордыня — это скорее следствие принципов, убеждений, сложившихся за всю жизнь. Но богатство и многозначность русского языка приводит к тому, что в сознании многих людей понятия «гордость» и «гордыня» тесно переплетаются друг с другом и нередко смешиваются.

Проведенное лексикографическое исследование дает возможность утверждать, что две основные составляющие гордости — положительная и отрицательная — иллюстрируют разные содержательные стороны этого понятия. Если в основе гордости лежат успехи человека, его талант, трудолюбие и т.п., то положительная оценка вполне заслужена; но если человек без достаточных на то оснований считает себя лучше других, оцениваться положительно это никак не может.

В русском национальном характере как совокупности наиболее значимых определяющих черт этноса и нации тема гордости представляет собой особый интерес. Не раз великие классики рассуждали о степени характере гордости русских. Так, Н. А. Бердяев писал: «Русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость и часто даже — увы! Чуждо национальное достоинство» [4]. М. Горький также не без оснований писал о низком национальном самолюбии русских. Он пришел к выводу, что русским свойственно занижать свою

действительную ценность, творческие способности. Вот что пишет М. Горький А. Чехову в 1900 г.: «Это ужасно трагично, что все русские люди ценят себя ниже действительной стоимости. Вы тоже, кажется, очень повинны в этом» [5]. А. Куприн, в свою очередь, также отмечал, что для русских характерны «врожденный стыд перед громкой фразой или красивым жестом, и полнейшая неспособность к оценке собственного подвига» [6].

Итак, мы видим, что в числе основных черт русского национального характера не значатся гордость и уверенность в себе — качества, отражающие отношение человека к самому себе. Думается, что это может свидетельствовать о некоем «коллективизме» русского народа, их характерной установке на «других». Об этом свидетельствует целый массив паремиологических высказываний, являющихся, как известно, «зеркалом» народной мудрости:

Спесивый высоко мостится, да низко садится; Стоишь высоко — не гордись, стоишь низко — не гнись; Хвалят — не гордись, учат — не сердись; Мнениями высок, да делами низок; Будь красив, да не спесив; не ищи мудрости, ищи кротости; Смиранных Господь духом спасает, Тише едешь — дальше будешь; Не поклонясь до земли, и гриба не подымеешь и мн. др.

Русский язык отражает некоторую категоричность по отношению к понятиям *гордость/гордыня*. Гордыня как явление безоговорочно отрицательное тесно соседствует с гордостью. Гордость как любовь к себе, самоуважение позиционируется как качество положительное, однако русская наивная этика предпочитает чаще негативно относиться к такого рода самооценке. Предпосылкой к данной реалии думается справедливым считать православную мораль, где «Всякий возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» [7].

Литература

1. *Снегирёв В. А.* Психология. М., 2008. С. 543.
2. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1990. С. 142.
3. *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2007.
4. *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. URL: <http://lib.rin/doc/i/42050p10.html> (дата обращения 31.08.2012).
5. *Горький М.* Переписка М. Горького с А. Чеховым. URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_0610.shtml (дата обращения 31.08.2012).

6. Кулешов Ф. И. Творческий путь А. И. Куприна 1907–1938 URL: <http://kuprin.org.ru> (дата обращения 31.08.2012).
7. Евангелие от Луки. Глава 14.

Е. В. Осетрова

Сибирский федеральный университет (Россия, Красноярск)

К определению языковой привычки

Языковая привычка — ставшая постоянной для человека языковая склонность либо потребность, обычная для него манера пользоваться языком и совершать языковые действия. Кажется, что любую из них полезно определять по трем основным параметрам: по содержанию, по качеству и по типичности.

Содержание языковой привычки может быть самым разнообразным. Однако при первом знакомстве прежде всего обращают внимание на произношение, активный словарь, а также на манеру общения.

А. А. Реформатский с легкостью определял «кто откуда родом», послушав студентов во время консультации перед экзаменами [Ильина 1983: 197]. Даже рядовому человеку хватает небольшой, отнюдь не профессиональной внимательности, чтобы отличить москвича в сибирском городе или понять, что случайный попутчик, с которым он только что общался, приехал с юга. Фонетический слух каждого чрезвычайно обостряется, когда он оказывается в новом географическом пространстве. Так, москвичи посмеиваются над манерой красноярцев смягчать конечные согласные в словах на *-изм*: *опtimi[з'м']*, *коми[з'м']*, *кретини[з'м']*, *социали[з'м']*.

Лексические пристрастия свидетельствуют о носителе языка не менее выразительно, чем орфоэпические. Кто-то под впечатлением увиденного восклицает *Великолепно!*, кто-то затверженно бубнит *Клево*, а кто-то выбирает сдержанное *Хорошо* или эмоциональное обезоруживающее *Ну и ржачка!*

В итоге образ говорящего зависит от обыкновения вести себя в момент общения. Если орфоэпические и лексические привычки многие согласны отнести к «милым странностям» своих партнеров, то коммуникативные привычки оцениваются более жестко. От них в определенной степени зависит социальная позиция, занятая человеком. Одно дело вести беседу спокойно, доброжелательно, другое — с первой же фразы бросаться в бой, воспри-

нимая любого собеседника как соперника, а то и врага. Всем печально знакомы национальные типажи раздраженной продавщицы, занятого бюрократа, орущей «училки». Существуют даже специальные слова, описывающие подобную манеру общения — *отфутболить* и *отшить*. Тактически эти привычки приносят пользу: человек побеждает в споре, добивается исполнения требований, наслаждается освобожденным от «прочих» пространством. Однако стратегически они, конечно, вредны, поскольку в результате агрессор начинает страдать от социальной изоляции, за ним закрепляется слава неприветливого и злого.

Содержание привычки естественно провоцирует определять ее **качество**, давая оценку по параметру «вредная» — «полезная». Обращения к товарищам по работе — *Коллеги!*, *Дорогие мои!*, а к собравшейся аудитории — *Господа!* — большинство оценит положительно. Напротив, ругань и матерная бравада, также привычные для некоторых, могут вызвать лишь возмущение. Здесь приведены две крайности, не отнестись к которым оценочно невозможно. Другое дело, что, однажды увлекшись исполнением привлекательной, но коварной роли оценщика, легко впасть в крайность. Многие языковые привычки никак не влияют на общение, не меняют его к худшему, оставаясь индивидуальными характеристиками личности. Поэтому обращать на них громогласную насмешку, подвергать их носителя публичному осуждению вряд ли корректно.

Наконец, языковую привычку можно характеризовать по степени **типичности**. Сибирское «чё» распространено по всей стране. Ему не уступают многие жаргонизмы (*баксы*, *беспрдел*, *крутой*, *тусовка*, *клево*), записанные в словарь большинства россиян, по крайней мере, в его пассивную часть.

Часто языковые привычки являются групповыми, объединяя людей территориально либо профессионально. Их во многом задает среда, в которой человек обитает, точнее, диалекты и просторечие, царящие в ней, а потому усвоенные большинством. Фраза — *С Меда вам лучше до жэдэ на однёрке доехать!* — понятная любому красноярцу, гостя города может ввести в недоумение. Чем более массовой является привычка, тем более нормативным видится ее существование: люди иногда не осознают конкретное словоупотребление как нечто, отличающее их от дру-

гого коллектива. *Глу́боко, вы́соко, сбела, счерна* для их носителей не кажутся странными: так говорит окружение.

Часто языковые привычки от человека уходят сами под воздействием моды либо других экстралингвистических обстоятельств. Исчезает реалья, называвшаяся данным словом — вслед за ней исчезает из активного лексикона само слово. Двадцать лет назад в Красноярске вещевой рынок называли *барахолкой*, затем — *балкой*. Сегодня эти слова забылись. В 90-е годы популярным у компьютерщиков было пренебрежительное «чайник» по отношению к начинающему пользователю. Затем оно заменилось на усвоенное из иностранного нейтральное *юзер* (англ. user потребитель) [The Pocket Oxford...1994: 604] и фигуральное *ламер* (от англ. lame хромой; *перен.* дефектный, неадекватный, слабоумный [The Pocket Oxford...1994: 439; The Oxford Paperback...1994: 455]).

У языковой привычки может быть иной вектор воздействия, если носитель языка самостоятельно решает приобрести новый опыт на той же почве. Это становится возможным, когда в языковом активе есть несколько вариантов одного слова, различающихся по орфоэпической или морфологической характеристике; ср.: *торты́* — *тёрты́*; *красивее́* — *краси́вее*; *звони́т* — *звони́т*; *квартал* — *квартáл*; *ложить* — *класть*; *одеть* (что-либо) — *надеть* (что-либо); *крема́* (мн. число) — *кре́мы* (мн. число); *по приезде* — *по приезду*; и т.д. Первые члены в данных парах общеупотребительны, но в большинстве своем оцениваются как просторечные варианты, вторые — составляют более редкую литературную норму, образуя своеобразный «набор знатока русского языка». Массовое языковое сознание маркировало их как показатели образованности, и люди, внимательные к собственному имиджу, старательно воспринимают их, приобретая престижные языковые навыки.

Литература

Ильина Н. Дороги: Автобиографическая проза. М., 1983.

The Oxford Paperback Thesaurus / Compiled by Betty Kirkpatrick. Oxford University Press, 1994.

The Pocket Oxford Russian Dictionary: Second Edition. Oxford New York: Oxford University Press, 1994.

Е. С. Полищук

Издательство Московской Патриархии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

Указатели к Полному собранию сочинений в 17 томах**Н. В. Гоголя****(М.: Издательство Московской Патриархии, 2009–2010)**

В 2009–2010 гг. был реализован совместный российско-украинский проект издания ПСС Н. В. Гоголя. Проект имел целью служить как единению русского и украинского народов (поскольку творческое наследие Гоголя одновременно принадлежит им обоим), так и христианскому просвещению людей, ибо писатель был не только великим сатириком и обличителем общественных пороков, но и глубоко религиозным, православным автором, знатоком святоотеческой литературы и богослужения, что ярко проявилось в его письмах и публицистических работах, таких как «Размышления о Божественной Литургии» и «Выбранные места из переписки с друзьями».

Потому не случайно, что труды Гоголя выпустило центральное церковное издательство в сотрудничестве с представителями академической науки: составление, подготовка текстов и комментарии к ним были выполнены известными отечественными гоголеведами В. А. Воропаевым и И. А. Виноградовым, на нашу же долю выпало редактирование, корректура и художественное оформление издания, а также подготовка сводных указателей к нему, которые составляют последний XVIII том ПСС Гоголя.

Трудности подготовки указателей были обусловлены необычайным разнообразием наследия писателя, включающего в себя не только художественные, литературно-критические, публицистические и духовно-нравственные произведения, но также материалы по истории, фольклору и этнографии, выписки из творений святых отцов и богослужебных книг, записные книжки и др.; впервые в полном объеме в издание включена переписка Гоголя (с ответами адресатов).

Подготовленная система указателей включает в себя:

- алфавитный перечень произведений Гоголя, напечатанных в тт. I–XVII;
- указатель произведений Н. В. Гоголя, упоминаемых в тт. I–XVII;

— указатель имен и названий произведений (около 6500 имен и 4500 названий);

— указатель персонажей художественных произведений Н. В. Гоголя (более 350 имен);

— указатель писем Н. В. Гоголя по адресатам (более 1350 писем);

— указатель писем корреспондентов Н. В. Гоголя (более 500 писем);

— указатель собранных Н. В. Гоголем малороссийских песен (более 800 названий).

При работе над этим проектом использовался не традиционный метод выписывания имен и названий на карточках, но компьютерная технология построения соответствующих указателей в полуавтоматическом режиме, для чего был создан специальный пакет программ. Общая задача разбивалась на три этапа:

1) построение указателя к отдельному тому издания: преобразование PDF-файла в Word'овский файл с сохранением нумерации страниц; автоматическое выделение слов-кандидатов в элементы указателя; генерация первичного варианта указателя и коррекция его элементов в полуавтоматическом режиме (перестановка фамилии и имени-(отчества), титула, сана и др.); объединение одинаковых элементов с использованием программ перехода из указателя в текст книги и наоборот;

2) присоединение построенного указателя к формируемому сводному указателю;

3) финальная обработка сводного указателя (автоматическое объединение смежных номеров страниц в диапазоны и др.).

Представляется, что разработанный программный пакет может быть применен и в других словарных работах.

Указатель имен включает в большинстве случаев словарные статьи о соответствующих лицах, идентификация которых во многих случаях представляла значительные трудности, в том числе и по причине изменившихся за почти два века правил транскрипционной передачи иностранных имен на русский язык. Встречается в данном указателе и имя Якова Карловича Грота, 200-летию со дня рождения которого посвящена настоящая конференция. Имя Я. К. встречается во всех частях ПСС Гоголя — и в комментариях к его произведениям, и в его переписке, и в Ле-

тописи жизни и творчества писателя (всего 125 раз на 68 страницах издания). Большая часть ссылок на Грота связана с письмами к нему его друга П. А. Плетнева, близкого к Гоголю издателя «Современника». В них Плетнев сообщает Гроту о различных перипетиях, связанных с прохождением цензуры и изданием произведений Гоголя, особенно «Мертвых душ» и «Выбранных мест...». Ссылки на Грота содержатся также в письмах Плетнева к Гоголю, которому он постоянно ставит Я. К. в пример — и как образец человека, ведущего «регулярный образ жизни», необходимый для поддержания сил (14 декабря 1850 г.), и даже как образец истинного христианина (27 октября 1844 г.). В последнем письме, откровенно высказываясь о человеческих качествах великого писателя (скрытность, эгоизм, славолюбие и др.), Плетнев ссылаясь на свои христианские побуждения, которые он носит в сердце, «потому что у меня есть другъ — Гротъ, который таковъ во всѣхъ своихъ помышленіяхъ и дѣйствіяхъ». В другом письме (11 января 1847 г.), сообщая Гоголю о том, что в шведской литературе есть книга, подобная «Выбранным местам...», Плетнев советует писателю написать «моему лучшему другу Якову Карловичу Гроту, профессору въ Гельсингфорскомъ университетѣ. Сколько интереснѣйшихъ вещей могъ бы онъ сообщить тебѣ». Важным для характеристики Грота является также письмо к Гоголю А. О. Смирновой (18 декабря 1844 г.), в котором она отмечает, что «съ Плетневымъ произошла большая переменѣна въ эти послѣдніе три года... онъ былъ всегда прекрасный и добрый человекъ безъ сознанія христіанскаго, а теперь, благодаря Бога и пріятеля его Грота, Плетневъ сдѣлался истиннымъ христіаниномъ».

Собственная переписка между Гротом и Гоголем состоит всего из двух писем — Грота (26 октября 1849 г.), в котором он в ответ на просьбу писателя присылать замечания о русском народе рекомендует ему специалиста по сельскому хозяйству России Д. С. Протопопова и даже прилагает к письму рассуждения последнего о характере русского человека, — и небольшого ответного письма Гоголя (15 декабря 1849 г.), в котором писатель благодарит Грота за ценные для него сведения. Поскольку интерес Гоголя к России распространялся и на природу ее различных регионов, он попросил живущего тогда в Финляндии Грота выслать ему книгу о флоре этой страны; эту просьбу Я. К. выполнил.

А. Н. Потсар

НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Москва — Санкт-Петербург)

**Проект русскоязычной доменной зоны .дети
в аспекте речевой культуры**

Стремление государства регламентировать развитие русскоязычного сегмента сети Интернет реализуется в целом ряде законодательных инициатив, в частности, во вступившем в действие 1 сентября 2012 года федеральном законе о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. Этот закон, а точнее — необходимость его исполнения, ставит перед филологией ряд практических вопросов. Так, проект создания русскоязычной доменной зоны .дети, находящийся сейчас на этапе разработки и обсуждения, требует осмысления ряда проблем, связанных со спецификой речевой коммуникации в сети Интернет.

Простота и скорость публикации любого высказывания в Интернете чаще всего не предполагают редактирования, то есть контроля достоверности содержания и литературной обработки (или корректуры). Редакторские функции в каком-то смысле возлагаются на пользователя, который должен уметь отсеивать недостоверную информацию, быть устойчивым к некорректной форме высказывания, самостоятельно оценивать собственное речевое произведение перед публикацией.

Дети и подростки как пользователи Интернета не обладают достаточными навыками такого рода и потому нуждаются в определенных фильтрах. Дефекты речи в интернет-пространстве препятствуют усвоению родного языка, формированию коммуникативной компетенции. Нарушения языковых и коммуникативных норм: орфографические и пунктуационные ошибки, лексические, грамматические, стилистические, логические дефекты запоминаются и воспроизводятся; вербальную агрессию привыкают воспринимать как норму общения и так далее. Качественная речевая среда, предположительно, может быть создана с помощью определенных ограничений и контроля над стихийными речевыми процессами. Такой средой, в соответствии с концепцией, и должна стать доменная зона .дети. Ограждающая цензура будет применена только в ограниченной части интернет-пространства, изначально предназначенной для аудитории в

возрасте от 6 до 17 лет. Вопрос о границах этой цензуры — дискуссионный и выходящий за рамки сугубо филологических проблем. Какова же роль филолога в создании детского Интернета?

1. Соблюдение правил орфографии и пунктуации. Тексты детских сайтов должны соответствовать действующим правилам русской орфографии и пунктуации, требуется тщательная редаKTура и корреKTура всего размещенного в зоне .дети контента. Это необходимо для формирования грамотности, которая во многом базируется на зрительной памяти, при регулярном столкновении с искаженными написаниями графический облик слова размывается даже в памяти взрослого человека. Тексты, создаваемые пользователями зоны .дети, вероятно, в идеале тоже должны соответствовать правилам, поэтому необходим встроенный механизм подсказок. В зоне .дети должны быть доступны онлайн-словари и учебники, справочная служба по модели gramota.ru или gramma.ru. Механизмы повышения статуса грамотности нуждаются в отдельном осмыслении.

Спорным представляется вопрос, как относиться к языковой игре с правильным/неправильным написанием («албанский язык») и подобные игры с графической формой слова). Полный запрет невозможен, как и полная свобода.

2. Соблюдение норм речевой культуры. Из текста закона о защите детей следует запрет на использование бранной и obscene лексик в размещаемом контенте, ограничение на использование жаргона, просторечия и иноязычных слов без необходимости, однако следует выработать отчетливые критерии классификации применительно к доменной зоне .дети.

Проблемным представляется соблюдение речевого этикета, размывающегося в том числе под влиянием Интернета. Этикетные нормы становятся все менее обязательными. Каким именно нормам публичного общения и в каком объеме обучать пользователей детского Интернета — это еще один дискуссионный вопрос.

3. Развитие речи. Доменная зона .дети подразумевает обучающую направленность. Для развития речевых навыков детям и подросткам нужны образцы качественной речи и упражнения на развитие речи. Формирование онлайн-библиотеки — профессиональная задача, как и выработка концепции интерактивных развивающих упражнений.

4. Лингвистическая экспертиза текстов. Дети и подростки должны быть ограждены от вербальных проявлений агрессии и экстремизма, от манипулятивной рекламы и пропаганды того, что запрещено федеральными и местными законами. Следовательно, размещаемый в зоне .дети контент должен проходить психолингвистическую экспертизу, при этом необходимо выработать критерии специально для этого сегмента интернет-пространства.

Интернет — неоднородная среда, которая вряд ли когда-либо придет к коммуникативному единообразию. В хаотичном интернет-пространстве можно создать ограниченный сегмент языковой упорядоченности, но для этого придется дать однозначные ответы на ряд спорных вопросов. Трудно сказать, необходимо ли это в действительности.

М. Н. Приемышева

Институт лингвистических исследований РАН (Россия, Санкт-Петербург)

Словари трудностей XIX в. и рукописный

«Словарь затруднений русского языка» Я. К. Грота (1870-е гг.)

Традиция создания «словарей трудностей русского языка» получила свое развитие во второй половине XX в. и связана, прежде всего, с именами Л. П. Крысина, Л. И. Скворцова, Д. Э. Розенталя, М. А. Теленковой, К. С. Горбачевича. Однако истоки этой вновь возникшей в России традиции, обусловленной закономерными проблемами языковой вариативности и развития языковой нормы, восходят к XIX в.

При небольшом количестве собственно орфографических словарей в XIX в. значительное число справочников было посвящено одной из важнейших орфографических проблем XIX в. — правописанию буквы *ѣ*. Эту группу словарей и словариков можно считать одной из первых в ряду словарей «трудностей».

Начинает же в истории русской лексикографии традицию словарей выбора правильного варианта из двух существующих словарик А. Н. Греча «Справочное мѣсто русскаго слова. Четыреста поправокъ» (СПб., 1839), в котором были представлены слова от *августовскій* до *Ѳома*, в употреблении, произношении и правописании которых регулярно допускались ошибки. В 1843 г. вышло второе издание этого словаря под названием «Четыреста пятьдесятъ поправокъ, съ руководствомъ къ употребленію буквы Ѣ». Но ввиду небольшого объема и несистемной подачи материала этот

словарь занимает незначительное место в данной традиции.

Собственно словарем «трудностей» в современном понимании стал опубликованный в 1886 г. словарь Виктора Долопчева «Опыт словаря неправильностей въ русской разговорной рѣчи», который включает значительное количество слов, оборотов, которые, как правило, употреблялись в речи неправильно. Интерес и комментарии автора вызывали случаи неправильного ударения (аккуратнѣе; доллárь; прию́тить; ухудш́ить; фáрфорь; фéйерверкъ; фигóвый и мн. др.), *произношения* (акціонэръ; алькоголь; атлѣть; галстухъ; имянной; конфекта; коррэспондэнтъ; Одэсса; учѣбникъ, экстерный и др.), *неправильное употребление паронимов* (абрикосный—абрикосовый; атласъ — áтласъ; индѣйскій — индѣйскій; романтическій — романическій и др.); *грамматические ошибки* (например, ошибки в роде существительных: абрикоса, аритишока, балдахина, баклажана, карамеля, мышь (м.р.), фанерь, фасоля, фарша; в склонении существительных: аршиновъ (род. мн.); кадетовъ (род. мн.); румыновъ (род. мн.), турковъ (род. мн.); в употреблении глаголов и глагольных форм: бѣгишь; берегешь; бережись; зависю; загорѣю; мышлю; нашодши; фальшить и др.); *синтаксические неправильности русской разговорной речи*: благодарить кому; насмѣхаться съ кого, чего; нахохотаться съ кого; оштрафовать во что; разбавить съ чѣмъ; разговаривать за кого, что; сводь о чемъ; скучать за кѣмъ, чѣмъ; фаршировать съ чѣмъ и т.д., которые он сопровождал правильным вариантом и соответствующим комментарием.

Видимо, закономерным для развития орфографии конца XIX в. можно считать тот факт, что аналогичный по принципам и — часто — по содержанию материал готовился в качестве Словарика и Я. К. Гротом. В фонде Я. К. Грота (ПФА РАН) хранится его собственный «Словарь затруднений русского языка» (*Я. К. Гротъ. Словарь затрудненій русскаго языка. Объясненіе значеній, орфографія, управленіе, синонимика и проч. Рукопись. Ф. 134. Оп. 1. Ед. 83. 63 л.*), некоторые записи которого датируются началом 70-х гг. XIX в. и который по принципам своей организации и подбору материалов идентичен не только Словарю В. Долопчева, но и современным словарям трудностей русского языка.

Словарь представляет собой общую тетрадь объемом 63 л, с вырезкой букв алфавита по правому краю, как в современных те-

лефонных книгах. На нескольких страницах к каждой букве алфавита в разном количестве записаны слова, очерки, языковые сюжеты, объединенные по принципу вариантности, неясности этимологии, проблематичности написания, то есть различные языковые случаи, вызывающие интерес, имеющие вариативные случаи произношения, написания, ударения. Встречаются и случаи грамматических ошибок из произведений писателей и поэтов, есть вырезки из газет о народной фразеологии (точить лясы, подпускать турысы), об этимологии русских фамилий и мн. другое.

Например: *Английскій?* Англицкїй, агницкїй; *Авось* состоитъ изъ а во се; *Ажно* = а жъ но; Большая часть — были или была? Половина — были или была? Множество знаетъ или знаютъ? (Вопрос 16 мая 1873 г.); *брезгать* — брезговать, брезгуеть; *въ теченіе* — въ теченіи — втеченіе?; *корокатица* — отъ корокъ (кракъ), нога, черезъ прил. корокатый, т. е. многоножный. Ср. нѣм. der Krake, огромное животное той же породы; *Лѣкаръ, врачъ, докторъ*. Разница значеній въ XVIII ст. Первый докторскїй дипломъ Л. В. Чистовича; *любоваться* чѣмъ и на что; *несобственныя выраженія*: любовь къ родинѣ; осуществленіе цѣли; *соломенный, клюквенный, неправильно*. Должно быть соломяный, какъ кожаный; *хатать* — хаараан; хныкать, хнычу, не хнычь; *элинг*. Что за слово? и мн., мн. другое. На букву Д к слову *дѣепричастія* приводятся в качестве грамматически ошибочныхъ выражения из произведений И. С. Тургенева: Проникнувшись этимъ сознаниемъ..., никакой медь не покажется сладкимъ («Довольно»); Заговаривая съ нимъ, ей вѣчно такъ приходилось къ нему обращаться («Дымъ»).

Таким образом, Я. К. Грот стоит у истоков не только теоретических основ русской орфографии. Его научная деятельность оказывается тесно связанной с исследованием ее практических проблем и, можно утверждать, с инициативой такого направления отечественной лексикографии, как словари трудностей.

Е. Протасова

Хельсинкский университет (Финляндия, Хельсинки)

Ценностные нормы в финляндских учебниках русского языка

Русский язык преподается в Финляндии уже 200 лет (ср. [Мустайоки и др. 2010], [Юрков и др. 2012]), и первоначальной задачей Я. К. Грота в этой стране была именно инспекция обу-

чения русскому языку. Нормируя грамматику, Грот, судя по его письмам, желал бы нормировать и владение языком, включая передаваемые через речь смыслы, но в том не преуспел. Целью нашего исследования было выявить особенности учебных текстов, связанные с русской культурой на разных этапах преподавания русского языка в Финляндии. В них отражается эпоха, то, как было принято думать об окружающем, чему считалось необходимым научить финнов, чтобы они могли высказывать это на русском языке. Мы рассматриваем страноведческие сведения в ценностном аспекте (ср. [Рябов, Курбангалеева 2003], [Седакова 2011], [Pirttilä-Backman et al. 2005]).

Учебник иностранного языка обычно демонстрирует три вида информации, связанной с культурой: «цивилизацию» собственной страны, страны изучаемого языка и общемировую. В конце XIX — начале XX века учебники иностранного языка походили на учебники родного языка и основным методом преподавания было заучивание образцов наизусть и их варьирование; часто публиковалось два варианта учебников — для шведоязычных и финноязычных, а иногда один учебник имел два словника для двух целевых аудиторий. После второй мировой войны, в период «финляндизации», опирались на российские учебники, созданные для финнов; видимо, в них отражался опыт обучения финнов и карелов, накопленный в 1920-е — 1930-е гг. (ср. [Rautio, Shaternikova 1961]). С 1970-х гг. методика преподавания русского языка в Финляндии шла в ногу со временем, и учебные комплексы отражали достижения как зарубежных, так и советских специалистов по обучению второму и иностранным языкам. Ценности, переданные в этих учебниках, являются компромиссом между интересами финнов в СССР, собственной жизнью финнов и официальной идеологией, диктовавшейся договорами между двумя странами. Почти как анекдот выглядит фраза из одного учебника того времени: финские школьники съездили в Советский Союз и удивились, почему там сосиски серого цвета, а им ответили, что это сосиски без консервантов и искусственных красителей. Туристы всегда ездили в одну сторону и встречались с рабочими, колхозниками и творческой интеллигенцией, которые ходили в театры, музеи и на концерты, занимались спортом. Важно, что пособия создавались для разных курсов изучения русского языка — коротких и длинных, а

также для тех, кто начинает изучать язык в гимназии, в кружках для взрослых, собирается вести бизнес и пр. Учебники существовали, почти не меняясь, десятилетиями.

В последние годы разнообразные учебники честно отражают реалии современной жизни, которые быстро трансформируются, так что материал устареваает на глазах. По-русски говорят и иммигранты в Финляндии, и финны, поехавшие учиться в Россию. В учебниках «Экстрим» соблюдены интересы молодежи, которой они и адресованы: поиски профессии, музыкальные группы, андеграунд и т.п. — все это дается в активном темпе.

Но, может быть, с исторической точки зрения интересней обратиться к замечательным текстам из учебника [Thillot 1912], где многие персонажи говорят по-русски, по-шведски, по-фински, по-английски, по-немецки. Они свободно путешествуют по России, в том числе по Финляндии. О том, как здесь употреблялся русский язык, сообщается, например, в тексте «Поѣздка въ Гельсингфорсъ» (с. 32–35):

Третьяго дня, въ пятницу, поздно вечеромъ я поѣхалъ съ отцомъ на пароходѣ изъ Выборга въ Гельсингфорсъ. Ночью дулъ вѣтеръ съ юго-запада и всѣ пассажиры, кромѣ отца, были больны; я также былъ боленъ и не могъ спать. Вчера, въ субботу, мы приѣхали въ 2 часа и пошли къ дядѣ.

Онъ живеть на углу Казарменной и Малой Робертской противъ казармы. Когда мы пришли къ дядѣ, его не было дома. Мы ждали его долго. Намъ сказали, что онъ обыкновенно приходитъ въ 3 ч., но онъ пришелъ только въ 4 ч.

Послѣ обѣда мы пошли съ нимъ въ гости къ тетѣ Ольгѣ Ивановнѣ Петровой; она живеть близко въ третьемъ или четвертомъ домѣ отъ угла. Тетя была очень рада насъ видѣть.

Вечеромъ, когда мы пришли домой отъ тети, я написалъ письмо матери. Въ 10 ч. мы легли спать. Отцу поставили кровать въ кабинетѣ дяди, а я спалъ на его диванѣ.

Сегодня, въ воскресенье, мы встали рано. Въ 9 ч. отецъ пошелъ со мною гулять, а дядя остался дома. Погода была хорошая. Утромъ шель дождь, но днемъ было тепло, и на улицахъ было сухо.

Мы пошли сперва по Казарменной улицѣ мимо больницы на Обсерваторную гору, съ которой видна вся гавань и Свеаборгъ, а потомъ въ паркъ и оттуда въ Новую церковь.

Изъ церкви мы пошли на Эспланаду къ памятнику Рунеберга, затѣмъ къ новому фонтану и черезъ рынокъ мимо дворца въ Сѣверную гавань.

Здѣсь мы сѣли въ лодку и поѣхали на Высокій островъ. На островѣ мы были три часа, ѣли, пили и смотрѣли звѣрей. Въ 4 ч. мы поѣхали назадъ въ городъ, потому что въ это время сюда всегда пріѣзжаетъ очень много людей.

Вечеромъ мы будемъ въ финскомъ театрѣ, въ которомъ дають новую финскую комедію. Мы ляжемъ поздно. Мамѣ я сегодня не напишу письма.

Завтра, въ понедельникъ, праздникъ; но у отца не будетъ времени, у него много работы. Я пойду гулять безъ него съ Павломъ Викторовичемъ Смирновымъ.

Сперва я хочу спросить на почтѣ, нѣтъ ли для насъ писемъ изъ Выборга отъ мамы, а потомъ сядемъ въ трамвай, который идетъ отъ почты къ Длинному мосту, и поѣдемъ въ ботаническій садъ. Оттуда мы пойдёмъ пѣшкомъ черезъ паркъ мимо пруда на железнодорожную площадь въ музей.

По дорогѣ домой я куплю въ книжномъ магазинѣ портретъ Наполеона Великаго, который сестра просила меня купить ей.

Вечеромъ мы поѣдемъ въ Выборгъ съ ночнымъ поѣздомъ въ 11 ч.; во вторникъ утромъ мы хотимъ быть дома.

Скажи Николаю Ильину, что я видѣлъ здѣсь Смирнова. Дядя теперь будетъ часто пріѣзжать къ намъ въ Выборгъ и иногда также съ нимъ и съ его братомъ. Съ Смирновыми я говорилъ здѣсь только по-русски; они хотятъ писать мнѣ письма по-фински, а я буду отвѣчать имъ по-русски.

Литература

Мустайоки А., Протасова Е., Коптев М., Никунласси А., Хуттунен Т. (ред.). Изучение и преподавание русского языка в Финляндии. СПб.: Златоуст, 2010.

Рябов А. В., Курбангалеева Е. Ш. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003.

Седакова И. А. (ред.) Эволюция ценностей в языках и культурах. М.: Пробел-2000, 2011.

Экстрим 1: *Jegorenkov, M.; Väisänen, T. & Dmitrieva, E.* Saarijärvi: Saarijärven Offset, 2006.

Экстрим 2: *Dmitrieva, E.; Huttunen. T.; Jegorenkov, M. & Väisänen, T.* Tampere: Esa Print, 2008.

Юрков Е. Е., Протасова Е. Ю., Попова Т. И., Никунласси А. (ред.)

Формирование и оценка коммуникативной компетенции билингвов: насколько эффективно двуязычное образование. СПб.: МИРС, 2012.

Pirttilä-Backman A.-M., Ahokas M., Myyry L., Lähteenoja S. (toim.)

Arvot, moraali ja yhteiskunta. Sosiaalipsykologisia näkökulmia yhteiskunnan muutokseen. Helsinki: Gaudeamus, 2005.

Rautio A., Shaternikova L. Venäjän kieltä suomalaisille. Helsinki: Yhteistyön kirjapaino, 1961.

Thillot A. Venäjän kielen oppikirja. Helsinki: Helsingin sentraalikirjapaino, 1912.

Р. И. Розина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

Некоторые трудности лексикографического описания разговорной лексики современного русского языка¹

В докладе предлагается решение некоторых конкретных проблем, возникающих при описании семантики разговорной лексики.

1. Разграничение значений многозначного слова

1.1. Глагол *балдеть*: одно или два значения? Есть ли у глагола *балдеть*, наряду со значением деятельности (1а), значение состояния (1б):

(1) а. *Мы с ним ездили в Суздаль, гудели-балдели на последние деньги — для семьи он отъехал в срочнейшую командировку!* (М. Вишневецкая. Вышел месяц из тумана)².

б. *Я нарастила гелем и теперь просто балдею от собственных ногтей* (Блоги, 2010)?

В докладе доказывается, что использование глагола *балдеть* в конструкции с предлогом *от* свидетельствует о том, что у *балдеть* есть значение состояния.

1.2. Отглагольное имя *баловство*: три значения или два? Различать ли значения 'занятие каким-л. приятным делом, недостаточно серьезным и полезным с точки зрения говорящего' (2а) и значение 'то, что человек иногда позволяет себе ради

¹ Исследование поддерживается грантами РГНФ № 10-04-00275а и № 11-04-00488а.

² Источники примеров — Национальный корпус русского языка и Блоги.

удовольствия, но без чего он может обойтись' (2б) ¹?

(2) а. *Ружьем балуешься... Я, когда помоложе был, тоже любил это баловство* (А. П. Чехов. Беспкойный гость).

б. *Я знал, что чашечка турецкого кофе — это единственное баловство, которое он может себе позволить на собственные деньги* (Ф. Искандер. Стоянка человека).

В докладе доказывается, что в обоих случаях отглагольное имя *баловство* — имя ситуации 'делать что-либо приятное' (охотиться, пить кофе и т. п.), и тем самым у слова *баловство* в приведенных примерах одно и то же значение.

2. Асимметрия значений производящего и производного слов

2.1. Несоответствие значений производящего глагола и именных производных.

Слово *заказать* в современных значениях 'дать задание кому-либо за плату сделать что-либо, носящее неблагоприятный характер' и 'дать задание за плату убить кого-либо' мотивирует целый ряд производных: *заказ, заказной, заказуха, заказчик, заказчица*. Слово *заказчица* выступает только в контексте слова *убийство* (3) и, в отличие от остальных дериватов, имеет только одно значение:

1. *История отечественной криминалистики пополнилась новым эпизодом: чтобы рассчитаться с исполнителями, заказчица убийства кланчила деньги у жертвы* (ТВ программа «Криминальная хроника», 10.06.2003).

2.2. Несоответствие значений существительного мужского рода и суффиксального производного женского рода.

Индюк 'о глупом, самовлюбленном, напыщенном мужчине' (1а); *индюшка* 'о глупой толстой женщине' (1б):

(1) а. — *Какой самовлюблённый дурак, — заговорили мы о нём. — Эдакий индюк!* (В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп).

б. *Мягкая тетёха, даже не курица, а серенькая индюшка, расширяющаяся книзу от маленькой головки до толстых ног, <...> жила Антонина Ивановна в девятиметровке с малолетним сыном* (Л. Улицкая. Голубчик).

¹ В докладе используется материал словарных статей Толкового словаря русской разговорной речи под ред. Л. П. Крысина (готовится к выходу в свет).

С. В. Рябушкина

Ульяновский государственный педагогический университет
(Россия, Ульяновск)

***Пятидесятью vs. пятьюдесятью* (к истории варианта)**

В современном узусе форма твор. п. «больших» десятков ('50'–'80') и «больших» сотен ('500'–'900') представлена в двух вариантах: нормативном *пятьюдесятью*, *пятьюстами* и упрощенном *пятидесятью*, *пятистами* — с устранением внутреннего склонения сложного имени числительного (далее — ИЧ). Формы второго типа «более употребительны, особенно в разговорной речи. С точки зрения экономии произносительных усилий и стремления к стандартности грамматического образования эти последние варианты не только допустимы, но и желательны» (Грамматическая правильность русской речи. М., 1976. С. 266). Но эти формы считаются ошибкой: так, при проверке ЕГЭ предлагается учитывать «ошибочное образование формы числительного: *С пятистами рублями*» (Руководство по подготовке экспертов региональных предметных комиссий ЕГЭ. М., 2008. С. 14).

Словоформы типа *пятидесятью*, *пятистами* имеют более чем трехвековую историю и отражают основную тенденцию развития сложных ИЧ — стремление к лексикализации. Обратимся к истории грамматики.

Первое систематическое описание русского языка — «Россійская грамматика» М. В. Ломоносова — уже содержит упрощенную форму, причем включена она в парадигму без стилистических комментариев, вместе с вариантом первого типа: «*Пятьдесятъ, шестьдесятъ, семьдесятъ, осмьдесятъ* склоняются, *пятидесяти, шестидесяти, семидесяти, осмидесяти, пятьюдесятью, осмидесятью* и протч.» (§ 263, Спб., 1898: с. 107 [М., 1982: с. 103]).

А. А. Барсов также дает эту форму в ряду иллюстраций: «объ части склоняются на пр. *пятидесяти, шестидесятью, о семидесяти*» (Россійская грамматика. М., 1981. С. 510).

Авторы XIX–XX вв., приводя подобные формы, так или иначе оценивают их.

Н. И. Греч называет среди «уклоняющихся» от общих правил склонения ИЧ «*пятьдесятъ* творительный *пятидесятью*» (Ю. Замѣчанія на изданную г. Гречемъ учебную книгу подъ заглавіемъ «Начальныя правила русской грамматики» // Атеней.

1828. Ч. III. № 9. С. 91).

А. Х. Востоков отмечает, что «нѣкоторые употребляютъ и въ творительномъ падежѣ *пятидесятью*, *шестидесятью* и т. д.» (Русская грамматика. 12-е изд. СПб., 1874. С. 44).

Г. П. Павский дает грамматическое обоснование варианту, усматривая близость имен десятков к другим отнумеративным образованиям: «Вмѣсто *пятьюдесятью* въ разговорахъ чаще слышно *пятидесятью*. Въ этомъ случаѣ, отступая отъ одного правила, держатся другаго. Другое правило позволяетъ числительному имени, входящему въ составъ другихъ именъ, оставаться въ родительномъ падежѣ» (Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка. Рассужденіе 2-е. Б. Отдѣленіе 2-е. 2-е изд. СПб., 1850. С. 229).

Ф. И. Буслаев показывает вариативность «у писателей образцовыхъ» — Жуковского и Пушкина (Историческая грамматика русскаго языка, М., 1858 / М., 1863 [М., 1959: С. 436]).

Р. Кошутич «первый из новых грамматистов поместил в парадигму склонения слова *пятьдесят* формы твор. п.: *пятьюдесятью* и *пятидесятью* как равноправные дублеты» (Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. 3-е изд., испр. М., 1986. С. 250). Но они даны у Кошутича все же как стилистические варианты: «Инструментални облик *пятьюдесятью* (*шестьюдесятью*, *семьюдесятью*, *восьмьюдесятью*) све више је одлика књижевног језика; у обичном говору превлађује облик *пятидесятью* (*шестидесятью* и т. д.), изведен аналогіјом према осталим падежима» (Грамматика руског језика. II. Облици. Београд, 1914. С. 122–123).

В. И. Чернышев пишет: «Для нас уже... вполне возможно: *пятидесятью*, *шестидесятью* вместо *пятьюдесятью*, *шестьюдесятью* и под., которые еще рекомендуются современными грамматиками и которые нередко мы видим в книжном языке» (Правильность и чистота русской речи. 4-е изд., испр. М., 2010. С. 133).

Эти авторы отмечают упрощенное оформление только у имен десятков, которые лексикализировались к XVIII в. и поэтому стремятся сгладить морфологический шов, унифицировать основу.

Имена сотен и в начале XX в. пишутся отдельно, особенно в косвенных падежах, хотя Я. К. Грот рекомендует: «Нѣтъ причины и въ косвенныхъ падежахъ не писать слитно: *двухсотъ*, *трестамъ*» (Филологическія разысканія. Т. 2: Спорные во-

просы русского правописания. СПб., 1876. С. 368). Орфографический разнобой свидетельствует не только об отсутствии единых правил, но и о незавершенности лексикализации: *сто / сот* воспринимается как счетная единица (ср. современные контексты типа *несколько сот человек*).

Имена десятков и сотен — один структурный тип, поэтому путь их развития одинаков: превращение словосочетания в слово, что приводит ко все большему распространению упрощенной формы твор. п.

Наверное, впервые о частотности таких форм у имен сотен упоминает А. А. Шахматов в лекциях 1910–1911 гг.: «в творительном вместо *пятьюстами* также возможно *пятистами*» (Историческая морфология русского языка. М., 1957. С. 308).

Впрочем, А. А. Реформатский выделяет имена сотен: «Числительные *500 — 900* ведут себя иначе: морфологические швы здесь гораздо очевиднее (*пятисот, пятистам — пятьюстами* — и вряд ли пока **пятистами*)» (Число и грамматика // Вопросы грамматики. М.–Л., 1960. С. 390).

О «привычности» упрощенной формы говорит ее проникновение в кодифицирующие труды — вопреки изложенным в них нормативным рекомендациям.

Так, в ТСРЯ под ред. Д. Н. Ушакова формы твор. п. сложных ИЧ даны непоследовательно: *пятидесятью*, но — *шестьюдесятью, семьюдесятью* (для *восемьдесят* форма твор. не указана); *восьмистами*, но — *пятьюстами, шестьюстами, семьюстами, девятьюстами*. «Русская грамматика» предлагает использовать упрощенные формы только «в разговорной, непринужденной речи», предупреждая, что «в письменной речи такое употребление ошибочно» (М., 1980. Т. 1. С. 578). Но при описании акцентных типов ИЧ в парадигме только упрощенная форма: «К акц. типу В относятся числительные *два, три... пятьсот (пятисот, пятистам, пятьсот, пятистами, о пятистах), шестьсот, семьсот...*» (С. 580).

Все вышесказанное свидетельствует о сформировавшейся узуальной норме — преимущественном употреблении форм типа *пятидесятью*. Вероятно, настала пора говорить и о смягчении строгих правил школьной грамматики.

«Системная» и «атомарная» лексикография

1. Соответствуют ли уровню развития современной русистики тип и качество информации, которую дают современные словари русского языка самому широкому кругу читателей, тем, кто не знает, как правильно употребить слово или фразеологизм в том или ином его значении, грамматической форме, ударении, произнесении и т.п.?

Существует два типа словарной информации: системная и атомарная.

Системная информация о единице любого уровня языка не только отвечает на вопрос о современной (или не современной) норме, но и указывает на место данной единицы в системе ей подобных по разным параметрам. Это не только один из видов предупреждения возможных ошибок в аналогичных случаях, но и способ развития системного мышления читателей, столь необходимого в любой профессии. Как писал Л. С. Выготский, «язык моделирует действительность и формирует интеллект».

Атомарная информация отвечает, как правило, только на вопрос о норме употребления конкретной единицы языка.

Развитие системной словарной информации непосредственно связано с достижениями в научных исследованиях. Её содержат, например, фундаментальные словари русского языка, такие, как «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка, «Большой орфоэпический словарь» под ред. Л. Л. Касаткина, «Русский орфографический словарь» (4-е изд.) под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой, «Русский семантический словарь» (тт. 1–4) и «Русский идеографический словарь. Мир человека...» под ред. Н. Ю. Шведовой, «Большой фразеологический словарь русского языка» под ред. В. Н. Телия, «Новый объяснительный словарь синонимов» (вып. 1–3) под общим руководством Ю. Д. Апресяна, идеографические словари существительных и глаголов под ред. Л. Г. Бабенко и др. Они предназначены в первую очередь для лингвистов, методистов, преподавателей и студентов и т.п., но не для самого широкого круга читателей. Однако такого подхода к описанию единиц языка нет в очень многих современных учебных словарях, настольных словарях, словарях для

школьников и т.п. Вместе с тем вопросы, которые задают многие читатели, например «Службе русского языка» Института русского языка РАН, ведущим передачи «Говорим по-русски» на радиостанции «Эхо Москвы», а также ошибки, которыми изобилуют некоторые СМИ, свидетельствуют об отсутствии системного взгляда на проблемную единицу языка не только у спрашивающих, но зачастую и у отвечающих на заданный вопрос, у редакторов, корректоров, работников СМИ, имеющих высшее филологическое образование. Чаще всего словари упомянутого типа дают «атомарную справку». Например, у широкого читателя возникает вопрос, как слова *pluralia tantum* типа *ножницы, сани, очки* и т.п. считать, как сказать об их количестве, как употреблять их с именами числительными? Ведь нельзя сказать *два, три, четыре ножниц, саней, очков*, употребляя числительные *два, три, четыре* в именительном падеже, но можно сказать *двое, трое, четверо ножниц, саней, очков* и т.п. А с числительными, начиная с *пяти* и далее (до известной ученым границы), можно сказать *пять, шесть, семь ножниц, саней, очков* и т.п. Мало этого, в косвенных падежах числительных *два, три, четыре* мы свободно употребляем словосочетания *двух, трех, четырех ножниц, саней, очков* и т.д. Почему? Даже очень полезный, вышедший совсем недавно «Словарь грамматических трудностей русского языка» (авторы Гольдберг И. М., Иванов С. В.) в серии «Настольные словари школьника. 5–11 классы» в рамках программы РАН «Словари XXI века», не дает ответа на эти вопросы, хотя русистам-теоретикам они давно известны.

2. Понятно, что структура словарных статей «системных словарей» для самого широкого круга читателей должна существенно отличаться от структуры «атомарных словарей». Во-первых, встанет важный вопрос, какую именно системную информацию должен давать автор в словарной статье? Ведь широкие круги читателей не испытывают никаких трудностей и не нарушают норм в одних зонах системы языка и испытывают их в других. Речь идет даже о людях высокообразованных. Какие это зоны? С чем они связаны? Ответ на вопросы об отборе системного материала имеет свои теоретические основы и лексикографические способы оформления.

При создании «Орфографического словаря русского языка» (100000 слов, программа РАН «Словари XXI века»; авторы

Б. З. Букчина, И. К. Сазонова, Л. К. Чельцова) мы стали изучать подобные зоны, чтобы показать системность ошибок и колебаний, характерных для самого широкого круга читателей. В поле нашего зрения попали, естественно, теоретические работы, посвященные трудностям русского языка, как правило, разным исключениям из регулярных грамматических парадигм. Но нас интересовали не столько исключения (хотя и они тоже), сколько разные зоны именно регулярной грамматической системы, которые вызывают ошибки и колебания. Мы увидели, что самый главный виновник ошибок и колебаний — ассоциативное мышление, аналогии, свойственные работе мозга, «вредные ассоциации» в орфографии. Обнаружилась тесная связь с психолингвистикой, в частности, при изучении «Русского ассоциативного словаря» РАН, тт. 1–2, 2002 г., в котором исследуются естественно-звуковые ассоциативные поля, словарей ассоциативных норм для различных языков и др. исследований. Был составлен список таких естественно-языковых зон для всех частей речи. Например, особое внимание в падежной системе было обращено на мягкие согласные в окончаниях, на шипящие согласные, парадигмы множественного числа у существительных разных типов склонения и др. Был разработан лексикографический способ обозначения зон «вредных ассоциаций». Например: 1. Обязательное указание на тип склонения при существительных и тип спряжения у глаголов и др. методы встраивания слова в общую грамматическую систему. 2. Выделение из парадигмы только тех зон, которые подвержены «вредным ассоциациям» и аналогиям с другими регулярными свойствами этой парадигмы, например, указание на Дат. и Пр. падежи слов на *-ия* (типа *лекция*), где действует «вредная ассоциация» со словами того же склонения в единственном числе с окончанием *-е* (типа *семья, шея, гостья*) или в родительном падеже множественного числа (те же слова — *семей, шей, но: гостей, эскадрилий* и др.). 3. Обязательное указание на слова-аналоги. Этот метод удачно использовал Л. П. Крысин в «Большом словаре иностранных слов», где он указывает также на отсутствие у слов множественного числа. 4. Обязательное использование таких лексикографических «приемов-сигналов», как «*ср.*» (сравните) или «*но*», «*обратите внимание*», «*ошибочное употребление*» и др.

3. Но необходимо подчеркнуть, что системная информация

в словарях «системной лексикографии» отличается от типа информации в «объяснительных словарях» — особом направлении в лексикографии. Она должна быть при каждом слове, а не в виде отсылок слова к тем или иным правилам, которые используются авторами «объяснительных словарей», например, в области орфографии. Каждое конкретное слово, включенное в словарь для описания того или иного уровня языка, должно быть рассмотрено автором с точки зрения «ассоциативного поля», которое возникает в сознании носителей языка именно на этом уровне описания и вызывает у него сомнения и колебания в правильности употребления.

Исследование методов и приемов «системной лексикографии», уже накопленных и используемых авторами некоторых словарей, их перечень, классификация, осмысление с точки зрения достижений русистики и психолингвистики, а для некоторых типов словарей и социолингвистики, несомненно, даст толчок к развитию этого важного направления, которое делает только первые шаги в области словарей для широкого круга читателей. Создание таких словарей окажет влияние, как нам кажется, и на методы преподавания русского языка в школе и вузах (особенно в педагогических), где до сих пор «работа над ошибками» делается «атомарным способом», не оказывая влияние на развитие системного мышления учеников формирование и развитие их интеллекта.

О. И. Северская

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

Стоит ли ругаться на госпож?

Одна из проблем, тесно связанных с вопросами культуры речи, это проблема отражения в словарях литературной нормы. В некоторых случаях отсутствие той или иной формы в словарной статье обуславливает ее восприятие как просторечной, в то время как узус показывает, что соответствующее словоупотребление вполне нормативно.

Один из примеров — неполнота представления грамматических форм слова *госпожа*, уже вошедшего в современный обиход как этикетное обращение. Если у слова *господин* представлены формы как единственного (*господина*), так и множественного числа (*господа, господ*), то *госпоже* повезло меньше: ни один словарь не дает указания, как образуется родительный множественного.

Между тем Национальный корпус русского языка (www.ruscorg.ru) дает немало примеров употребления такой формы. У Сумарокова «*господ и госпож* туча: иные пляшут, иные прыгают, когда господа-то и дела-то делают?». У Новикова найдем врача, «который всех знатных *господ и госпож* исцеляет», и упоминание о «прогуливании знатных *госпож и господ* по гостиному двору», которое «не только что не делает торговле вреда, но еще и прибыль приносит». Баснописец Крылов описывает «веселые танцы молодых *госпож и господчиков*» и «лучшие собрания модных *госпож*», являвших примеры хитрости женщин и вероломства мужчин. Множество *госпож* мы найдем в литературе не только XVIII, но и XIX века — у Писемского, Чехова, Леонида Андреева... У Сологуба в начале XX века «проезжали экипажи с почетными гостями, и улыбались толпе любезные лица важных *господ и госпож*»... А последнее упоминание *госпож* в Корпусе датируется 1935-м годом. В «Городе Эн» советского писателя Добычина герой поджидает «*господ и госпож*», примостившись на могильной плите. И при этом заключает словосочетание в кавычки, что говорит о некой «остраненности» этой формы.

В наше время, когда обращение *госпожа N* получает широкое распространение, вопрос о форме родительного падежа множественного числа этого существительного — отнюдь не праздный: допустим, нужно проконсультироваться у *госпожи Ивановой* и *госпожи Петровой* или получить подпись под документом владелиц компании *сестер Сидоровых*, — какую форму в этом случае предпочесть? Носители языка выбирают между формами *госпож* и *госпож*, воспринимая при этом обе как ненормативные и просторечные. Но если учесть, что «норма объединяет в себе традицию и целенаправленную кодификацию» [Крысин 2007, 16], можно было бы кодифицировать традиционно употребляемую словоформу и реабилитировать *госпож*.

Отражение в словарях всех грамматических форм, существенных для употребления лексемы, могло бы способствовать укреплению позиций в узусе этикетного обращения *госпожа* в противовес коммуникативному «уродцу» *женщина*, а значит, и повышению культуры общения.

Еще один пример — сложности с восприятием норм глагольного управления. В словарных статьях, даже специализирован-

ных словарей сочетаемости, как правило, указывается только формы сильного управления. Так, например, у глагола *ругаться* ‘произносить грубые, оскорбительные, бранные слова’ указываются только две формы: *без доп.* и *с кем*, с примерами: *ругаться с соседкой, ругаться друг с другом, ругаться между собой* (МАС). Можно встретить и форму *над кем-чем* ‘заниматься надругательством’ и *кому* (с пометой «устар.» — словарь Д. Н. Ушакова), в качестве иллюстрации приводятся цитаты из Некрасова: *Ругаясь буйно над кумиром, когда-то сердцу дорогим...* и Жуковского: *Они ругаются богам*. В словаре В. И. Даля приводятся формы *ругаться* ‘поносить’ (без доп.), *ругаться с кем* ‘перебраниться взаимно’, *ругаться над кем, над чем* ‘обидно смеяться над беззащитным, бесчестить, подвергать поруганию; кощунить, попирать ногами, осквернять’. Но есть в этом словаре и пример другого употребления: *Он как взругнется на меня!*

Поскольку Национальный корпус русского языка дает 46 примеров такого употребления в письменных текстах, отвечающих литературной норме, можно предположить, что здесь мы имеем дело со слабым управлением глагола и *ругаться на кого-л.* или *на что-л.* все же можно, оставаясь в рамках нормы.

Приведем несколько иллюстраций: «*Писателем-романистом быть хорошо, но кинуть в публику нечто вроде нравственного масштаба, на который все себя примеривают, ругаясь на градусы, показываемые масштабом, и равно злясь, когда градус мал и когда велик — это значит добраться, через роман, до публичной проповеди*» (из письма П. Ф. Анненкова — И. С. Тургеневу); «*почувяв опасность, глухарь стал хрюкать, вроде как бы ругаться на меня*» (М. М. Пришвин); «*Ругаешься на него [на море — О. С.], как застигнет тебя в пути бурей, мучаешься с ним, а манит, распроклятое!*» (Ю. П. Герман); «*Громко ругаясь на то, что этим дармоедам только жуй и в рот клади, он высыпал мне полмешка муки и, продолжая возмущаться тем, что дает свою кукурузу, да еще на мельницу возит ее на своей же лошади, он приторочил свой мешок к седлу и уехал*» (Ф. Искандер) и т.п. Такую форму можно найти и у А. Солженицына, В. Астафьева, М. Шишкина, А. Иличевского, Л. Петрушевской. Есть и примеры из разговорной речи, например, Р. Паулс говорит в интервью: «Но,

знаете, Алла ругалась на “Миллион алых роз”»; можно привести и запись на форуме: *«И я поняла насколько я была не права в том что сердилась и ругалась на свою любимую бабульку»*. Первое употребление в Корпусе датируется 1856 годом, последнее — 2011-м, поэтому вряд ли можно говорить о том, что форма *ругаться на кого-что-л.* является устаревшей.

Но статус ее лексикографически не определен. Носителями языка она, поскольку отсутствует в нормативных справочниках, квалифицируется как просторечная, а следовательно, именно так воспринимается при оценке языковой компетенции собеседника, что может приводить к коммуникативным конфликтам.

Так стоит ли *ругаться на госпож*? Вопрос о закреплении традиционно используемых форм как нормативных остается «неудобным» и открытым.

М. Л. Сергеев

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

**«Грамматика французская и русская» (1730)
и ее место в академической грамматической традиции:
лексический аспект**

Анонимная «Grammaire russe et françoise. Грамматика французская и русская» 1730 г. (ГФР) — одна из первых напечатанных в России грамматик русского языка. Как большинство других первых грамматик, она была предназначена для иностранцев, изучающих русский. Композиция и содержание ГФР достаточно противоречивы: адекватное отражение языковой нормы в разделе морфологии и включение одного из самых подробных списков аббревиатур под титлами сочетаются с пропуском ряда важных для русского языка грамматических тем, ошибками во французских формах и переводе фраз на русский. Разрешить это противоречие могло бы рассмотрение ГФР в ряду других доломоновских грамматик и словарей. В таком случае, стало бы понятно, какие решения автор заимствовал из традиции, а какие обусловлены его собственным методом и языковой компетенцией.

Важные сведения на этот счет дают недавние исследования (статьи Л. Дюровича, предисловие к «Compendium Grammaticae Russicae» Г. Кейперта и А. Гутерера), показавшие взаимосвязь ГФР с кругом грамматик Академической гимназии (грамматики М. Шванвица (1730), В. Адодурова (1731), М. Гренинга (1750)).

Основное внимание авторов обращено на различные аспекты морфологии (классификацию местоимений и предлогов, названия падежей, формы отдельных падежей в парадигмах, состав глагольной парадигмы). В качестве источников ГФР называются грамматики В. Лудольфа (1696) и М. Смотрицкого (3 изд., 1721) а также грамматические таблицы “*Extranea*”. Л. Дюрович справедливо отмечает, что автор ГФР мог иметь дело с более поздними учебными материалами, составленными на основе названных работ. Такое предположение кажется более чем вероятным: редкие примеры грамматического метаязыка в ГФР показывают, что ее автор плохо ориентировался даже в названиях частей речи (так, предлог он называет “*lettre*”, то есть «буква»), так что едва ли он был знаком с грамматической теорией в изложении М. Смотрицкого.

В нашем докладе мы обратимся к другой существенной составляющей ранней грамматической традиции — к лексике, использованной авторами учебников. Мы сначала сравним лексику ГФР в целом с номенклатурой современных ей словарей, а затем специально обратимся к словам, выбранным автором для парадигм склонения и спряжения, и определим, насколько автор ГФР зависел от традиции в этом отношении. Многообразие лексического материала в учебнике, а также количество инноваций, сравнительно с другими грамматиками, будут говорить, с одной стороны, о степени зависимости автора от предшествующих пособий, а с другой — об уровне его владения русским языком. Последнее существенно, так как авторами доломоносовских грамматик были преимущественно иностранцы; так что о национальности автора ГФР трудно что-либо утверждать *a priori*.

Б. Успенский и Е. Бабаева уже делали попытку сопоставить словарную составляющую ГФР с русско-французским словарем А. Кантемира, начатым, вероятно около 1730 г. Какого-нибудь последовательного сходства между ними обнаружено не было; отдельные соответствия, ввиду хронологии, происходят скорее из ГФР.

В свою очередь, мы обратили внимание на соотношение словника ГФР с «Лексикономъ» Ф. Поликарпова (1704) и русским изданием словаря Вейсмана (1731). Возможность использования не-французских словарей в качестве посредника при переводе с русского на французский была недавно показана в цикле статей Ф. Оттенем.

Предварительное рассмотрение показало, что большинство слов, имеющих в словарной части и парадигмах ГФР мы находим также в названных словарях. Но есть и ряд исключений, таких как специфические меры веса и объема (*пудъ, берковецъ, анкорокъ, польанкорка, четыре бочки*), отыменные прилагательные (*капитанской, солдатской, генералской, посолской*), глаголы, в том числе приставочные (*позабываю, надѣваю, сожалѣю, позволяю*) и отдельные лексемы (*четвертьчаса, корреспондентъ, благодаренъ*). Таким образом, при выборе лексики автор ГФР не был ограничен номенклатурой популярных изданий.

Другой важный аспект — отбор лексем, используемых автором ГФР в парадигмах. Мы сопоставили лексику парадигм в доломоносовских грамматиках (М. Смотрицкого в редакции Ф. Поликарпова, В. Лудольфа, И. Копиевского (1706), Ф. Максимова (1723), Ф. Поликарпова, Ж. Соје (1724), М. Шванвица, В. Адодурова и М. Гренинга), а также в русско-французской грамматике Шарпантье (1768). При всем разнообразии их номенклатуры, можно выявить ряд изоглосс, объединяющих значительную часть текстов. Такими словами являются: *рука* в I скл., *лицо, имя, ученіе, древо* во II скл., *заповѣдь, лошадь и мать (мати)* в III скл. существительных (нумерация склонений у авторов варьируется); *божій* и *святій* в склонении прилагательных; *есмь* и *имѣю (имамъ)* в спряжении глаголов. Примечательно, что из перечисленных существительных в ГФР склоняются только *имя, лошадь* и *лицо*; для I скл. выбрано слово *царица*, которое не дают другие доломоносовские грамматик; *посоль, Василей* и *разсужденіе* для II скл. также эксклюзивны. Склонение прилагательных, как говорилось выше, в ГФР не описано.

Наибольшее удивление вызывает количество глагольных парадигм в ГФР: если в остальных грамматиках их число, как правило, не превышает 5–6 примеров (исключение — грамматик Смотрицкого и Шарпантье, в которых по II парадигм), то в ГФР даны спряжения 30 глаголов (!) (3 из них спрягаются не во всех временах). При этом, автор ГФР не делает ошибок в спряжении, в особенности — не путает настоящее и будущее время, давая примеры как синтетического, так и аналитического футурума.

Сведения о лексическом составе ГФР дополняют наше представление о технике работы ее автора. Несмотря на плохое знание

языковой теории, он, вероятно, хорошо владел русским языком практически. Это позволило ему включить в учебник (как в словарь, так и в грамматические примеры) достаточно разнообразную лексику и уверенно оперировать падежными и временными формами этих слов.

И. Б. Серебряная

Казанский федеральный университет (Россия, Казань)

Семантика поэтизмов в оценках русской критики 1-й половины XIX века

Я. К. Грот высоко оценивал критическую деятельность как способ познания, утверждая, что даже критика ошибочная лучше отсутствия критики [1: 148]. Это в полной мере относится к литературной критике, которая, являясь важным источником изучения языковых устоев и вкусов, весьма значима как для литературоведов, так и для лингвистов. Оценивая художественные произведения, рецензенты касались не только идейно-содержательной, но и речевой области, поднимая при этом насущные проблемы нормы. Целесообразным кажется вычленение особой области языкознания — лингвистической аксиографии, — исследующей критические суждения о языке .

Для русской критической литературы 1-й половины XIX века была характерна высокая требовательность к лексико-семантической правильности стихотворных произведений. В частности, критики самых разных взглядов и направлений резко негативно относились к смысловой неточности в употреблении поэтизмов, т.е. типичных для стихотворной речи романтически окрашенных, преимущественно архаичных слов символического использования.

К примеру, такие высокочастотные в поэзии устарелые лексемы, как *чело*, *сень*, *лоно*, *куща*, *денница* и т.п., иногда в употреблении стихотворцев теряли семантическую, соответствующую словарной кодификации определённость. Так, слово *чело* «лоб» нередко употреблялось стихотворцами в расширенном значении «голова, лицо»; славянизм *куща* «шалаш» — в значении «листва, крона»; лексема *сень* «тень» — в значении «защита, оплот» и т.п. Критики расценивали как алогизмы выражения типа *влага слезь чела не омрачала*; *благоухающая стнь*; *куща соснь* и т.п.: «Хотя слезы и роса души, но всё по прозаическимъ законамъ тяжести падаютъ внизъ и помрачатъ чела, кажется, не могутъ» [2: 421]; «худо дѣла-

еть, когда благоухает Твоя трепещущая сѣнь» [3: 35]; «*Куща* ничего другаго не значить, какъ шалашъ или хижина» [4: 58] и проч.

Весьма показателен также спор о семантическом наполнении поэтизма *лоно*, возникший между А. С. Пушкиным и М. А. Дмитриевым. В рецензии на роман «Евгений Онегин» Дмитриев назвал «невѣрнымъ» пушкинское выражение *плыть по лону водъ* (*гусь тяжельй, Задумавъ плыть по лону водъ, Ступаетъ бережно на лёдъ*), поскольку, по мнению критика, *лоно* «означаетъ глубину, нѣдро» [5: 84]. Пушкин в своём ответном «Возражении» не согласился с этим утверждением на том основании, что, в его представлении, «лоно не означает *глубины*, лоно значит *грудь*» [6: 56].

Рекомендации словарей здесь расходились. В «Словаре Академии Российской» (1789–1794 гг.) для слова *лоно* указывалось лишь значение «нѣдро» [7, т. 3: 131]. В «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847 г.) — «нѣдро» и «грудь» [8, т. 2: 264]. По происхождению общеславянское *лоно* восходило к праславянскому **logsno* (< **legiti*), т.е. изначально *лоно* — «место, где лежит плод» [9: 245]. Таким образом, в этой этимологии коренились обе смысловые струи: и семантика «ложа, поверхности», и значение «глубины, вместилища». Не случайно, в словаре древнерусского языка И. И. Срезневского слово *лоно* определялось как «нѣдро», «ядро» и «грудь» одновременно [10: 46].

Что же касается конкретной поэтической практики, то стихотворцы использовали слово *лоно* в очень широком семантическом диапазоне. Оно могло обозначать «недра», «поверхность», «приятно» и пр., включаясь в конструкции с предлогами *в*, *на* и *по*, связанными с представлениями и о глубине, и о поверхности. Сравните у одних и тех же авторов: *Подняли трупы, понесли И въ лоно хладное земли Чету младую положили* (А. С. Пушкин. Цыганы), но: *Всевышній богъ склонилъ привѣтный взоръ На стройный станъ, на дѣвственное лоно Рабы своей* (А. С. Пушкин. Гавриіліада); *Какъ кадиланицы природы, Холмы дышатъ передъ ней, Въ лоно бисерныя воды Ловятъ блескъ ея лучей* (А. Ф. Мерзляков. Слава), но: *И вся природа къ ней склонившись На лоно, спитъ священнымъ сномъ* (А. Ф. Мерзляков. Ночь) и т.п. [II]. Данное слово отличалось широчайшей поэтической сочетаемостью: *лоно тишины*, — *Бога*, — *мира*, — *сна*, — *муз*, — *земли*, — *пламени* и т.п. [II].

Использованное Пушкиным и раскритикованное Дмитриевым

вым устойчивое выражение *по лону водъ* встречалось у многих поэтов. Например: *Огромные суда въ медлительномъ пареньѣ Несуть по лону водъ сокровища земли* (П. А. Вяземский. Вечеръ на Волгѣ); *Шумя, толкаяся впередъ, И намъ нестись по лону водъ, Казалось, запрѣтить желали* (М. Ю. Лермонтов. Морякъ) и т.п. [1]. Да и сам Дмитриев, утверждавший, что *лоно* означает «глубину», в одном из своих стихотворений использовал это слово в устойчивой конструкции с предлогом *на*: *Спокоенъ, какъ дитя, На лонѣ у свободы* [2].

Не исключено, что Дмитриев, делая своё замечание по поводу пушкинского словоупотребления, опирался на устаревающий Академический словарь, игнорируя реальную жизнь слова в поэтическом языке.

Таким образом, в критических суждениях 1-й половины XIX века отразились такие весьма значимые для данной эпохи лексические процессы, как эволюция словарного состава русского языка, изменение семантической структуры слова, трансформации в области лексической сочетаемости и др. Приоритетными для критиков в их оценках оказывались коммуникативно-прагматический и нормативный аспекты словоупотребления.

Литература

1. Труды Я. К. Грота. Ч.V. СПб. 1903.
2. Атеней, 1828, ч. 3, № 12.
3. Гинзбург Л. Я. О лирике. Л. 1974.
4. Шишковъ А. С. Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка. СПб. 1818.
5. Атеней, 1828, № 4.
6. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. 1978.
7. Словарь Академіи Россійской. Ч.1–6. СПб. 1789–1794.
8. Словарь церковнославянскаго и русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи наукъ. Т.1–4. СПб. 1847.
9. Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. М. 1971.
10. Срезневскій И. И. Матеріалы для словаря древнерусскаго языка. Т. 1–3. СПб. 1902.
11. Нац. корпус русского языка — <http://www.ruscorpora.ru>.

О. Б. Сиротинина, О. В. Мякшева

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
(Россия, Саратов)

**Тенденция к диффузности значений
и роль кодифицирующей лексикографии
в культуре речи населения**

На состояние речевой культуры населения действуют многие факторы. В XIX в. первое место по степени влияния занимала художественная литература, на речь писателей ориентировались и словарная кодификация норм, и грамотное население. В XX в. пальма первенства перешла к газетам, радио, а потом и к телевидению. Из-за повседневной доступности влияния речи СМИ пересилило речь писателей.

В XXI в. и современную, и классическую литературу мало кто читает, если читают, то псевдохудожественную, которая далека от эталона хорошей речи. Первенство по влиянию осталось за СМИ, но после страшных для языка 90-х СМИ скорее разрушают, чем сохраняют богатейшую по своим возможностям систему русского языка, а повседневная речь, не нуждающаяся из-за своей ситуативности и спонтанности в реализации богатств языка, благодаря Интернету стала массовым средством коммуникации и вытесняет СМИ в их традиционных формах.

СМИ и повседневная речь, «объединившись», очень ускорили процессы изменения языковой системы, а словарная кодификация значительно ослабила свою роль из-за неизбежного отставания, малой тиражности и дороговизны современных нормативных словарей, объективных трудностей выбора кодифицируемого из узуальных претендентов и толкования слов при всё усиливающейся тенденции к диффузности.

В развитии языка всегда идет борьба двух процессов: реализации стремления к облегчению усилий и потребности более точного называния предметов, их признаков и действий. Первый процесс вызван затруднениями в поиске точного слова, которые снимаются употреблением местоименного обозначения и развитием диффузного употребления слов. В повседневной речи диффузные номинации, как правило, пониманию не вредят, а процесс коммуникации облегчают. В СМИ они порождают штампы и новояз, то есть уже вредят, в научной речи требуют осторожности, в законо-

дательстве очень опасны, так как затрудняют восприятие и работоспособность закона. Самый большой вред стремление к диффузности приносит системе языка, обедняя ее смысловые возможности.

Противоположная тенденция — как можно сильнее и четче разграничить значения синонимичных обозначений — проявляет себя намного слабее, вероятно именно потому, что требует значительных усилий. В результате чаще всего она уступает экономии усилий, следствием чего является или индивидуальное, или, что более опасно для системы языка, даже коллективное вытеснение каких-то слов с близким значением.

Приведем в качестве примера процесс распространения глагола *одеть*, фактически почти вытеснившего *надеть*. Началось это, судя по данным ruscorpora.ru, в конце XIX в. (случаев ошибочного употребления *одеть* — 31 из 3717), усилилось в XX в. и еще сильнее в XXI в. (ошибочно употребленных *одеть* — 57 из 161). Думается, что определенную роль в этом процессе сыграли и толковые словари, недостаточно четко разграничивающие значения (что объективно сделать очень трудно), и сочетаемость (ошибочная могла бы быть отмечена пометой *не* или *нельзя*).

Показательны соотношения: в XX в. на 307 употреблений *одеть* приходится 1209 *надеть* (в 4 раза частотнее), а в XXI в. на 161 — 518 (всего в 3 раза), в картотеке мониторинга СМИ О. Б. Сиротининой *надеть* почти не встречается, а ошибочное употребление *одеть* постоянно. Показателен и факт, что оно зафиксировано ruscorpora.ru даже у Д. С. Лихачева.

В самом авторитетном словаре под ред. Н. Ю. Шведовой 2007 г. толкование *одеть* через *надеть* без помет, предостерегающих от ошибочного употребления, и у пользующихся словарем не мешает стремлению к минимизации усилий. В результате *одеть* как более диффузное вытесняет даже в речи высококультурных людей более дифференцированное *надеть*.

Аналогично обстоит дело с употреблением слов *количество* и *число*. В словаре под ред. Н. Ю. Шведовой одно толкуется через другое, вмешивается еще и фактор длины слова, в результате *число* «побеждает» *количество*. В лучшем случае они чередуются во избежание повтора, но часто *число* есть и там, где фактически невозможно (сейчас регулярно — *число погибших увеличилось*, хотя *число* изменяться в размерах не может).

Очевидно, диффузность значения слова *число* (и величина, выраженная цифрой, и совокупность, ряд, и название грамматической категории), да еще и более короткого, способствует его большей употребительности (в картотеке за 2012 г. — 74 *количество* и 108 *число* без учета правомерных).

Достаточно несколько длиннее *довольно*, поэтому трудно понять, почему сейчас стало употребительным не диффузное *довольно*, а ставшее таковым дифференцированное *достаточно*, которое употребляется и в тех случаях, когда надо было бы использовать *довольно*: *достаточно низкого уровня* (!). Если в XX в., по данным ruscorgo.ru, на 22819 употреблений *довольно* приходится 15975 *достаточно*, то в XXI в. на 10853 *довольно* — 14256 *достаточно*.

Есть и факты, когда наиболее употребительным становится не литературное, а просторечное слово! Проиллюстрируем это словами *сходный* — *сходство*, *похожий* — *похожесть*, *схожий* — *схожесть*. В словаре под ред. Н. Ю. Шведовой их значения фактически не разграничены, есть только помета *просторечное* для слова *схожий*. Студенты ощущают разницу значений между *сходный* и *похожий*, но сами используют *схожий*. Показательны соотношения употребления этих слов, отраженные в ruscorgo.ru, по векам.

Век	Схожий / схожесть	Сходный / сходство	Похожий / похожесть
XIX	23 / –	33 / 689	385 / –
XX	57 / 36	58 / 1798	2692 / 25
XXI	55 / 73	55 / 854	963 / 23

Если учесть объемы подкорпусов, очевиден явный рост в XXI в. употреблений *схожий* / *схожесть*. В картотеке СМИ 2012 г. этот рост еще нагляднее. Думается, что в распространении более диффузного *схожий* есть вина СМИ.

Обратная тенденция — различать значения, конечно, тоже работает: формируются новые синонимические ряды, например, таких обозначений, как *муж* — *бойфренд* — *сожитель* — *любовник*. Однако далеко не всегда эта тенденция поддерживается словарями, а потому бывает, что она угасает, не успев как следует себя проявить. Так, к концу XX в. явно почти сформировалось разграничение пар *удивляться* — *удивление* и *изумляться* — *изумление* (в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой отраженная только характером примеров: *изумляться* хорошему,

а удивляться в основном плохому). И когда во время теракта на Дубровке в газетах появились в описании этого ужасного события *москвичи изумились* и *к изумлению москвичей*, студенты были возмущены таким выбором слов. Но поскольку в словарях одно слово толкуется через другое, журналисты теперь спокойно *изумляются преступлениям*, а студенты уже не понимают, почему раньше этим выбором кто-то возмущался.

Разграничение — путь к обогащению языка, диффузность — путь к его обеднению. Можно понять действие тенденции к диффузности в условиях спонтанного диалога. Понять, но не принять стремление к ней в условиях работы журналиста (всегда цейтнот!). В тенденции к диффузности скрывается возможность возникновения неправильного понимания, иногда — социального конфликта, а главное, опасность обеднения языка.

А. В. Суперанская

Институт языкознания РАН (Россия, Москва)

Роль Я. К. Грота в формировании лексики русского языка

Русский язык легко воспринимает заимствованные слова. В XIX веке многие культурные люди владели французским, немецким и другими иностранными языками. В свою речь они часто включали иностранные слова, не думая о том, следует ли писать их по-русски или оставлять в форме языка-источника. Особенно это относилось к собственным именам, которые в русских текстах часто оставались в латинском написании.

Работая над русским правописанием, Я. К. Грот не мог пройти мимо этого. Записывая иноязычное слово с помощью знаков русского алфавита, он думал, какие буквы лучше использовать. Ведь заимствованное слово должно склоняться в русском языке, от него могут образовываться производные слова, оно должно «хорошо чувствовать себя» в контексте.

В наше время запись заимствованных слов и собственных имён в принимающем языке называется транскрипцией, точнее — практической транскрипцией. В таком случае транскрипция — не самоцель, а лишь средство пополнения лексического состава языка.

Начиная с конца XVIII века ставился вопрос о необходимости введения в русский алфавит дополнительных знаков для показа точного произношения иноязычных слов. Подобные предложения

критиковались М. В. Ломоносовым, О. И. Сенковским (писавшим под псевдонимом Барон Брамбеус), и другими любителями русского языка, понимавшими, что иностранные слова не должны диктовать свои нормы русскому языку. Такого мнения придерживался и Я. К. Грот. С принятием гражданской азбуки (в 1708 г.) в русский язык была введена лишь одна дополнительная буква — э.

С течением времени языки меняются, и современное произношение некоторых слов не соответствует тому, в котором они были заимствованы ранее. Русский язык пополнялся новыми словами на протяжении многих столетий. Во французском языке до XVIII века было среднеязычное мультированное [λ]. Слово *бульон* bouillon было заимствовано в русский язык именно тогда. В связи с этим не правильно изменять транскрипцию имени Герцога Бульонского на Буйонский. Это отражение произношения определённой эпохи.

Некоторые проблемы, стоявшие перед Я. К. Гротом, не нашли окончательного решения до наших дней. Это касается звуков, передаваемых латинским сочетанием *th*. Нередко это слова греческого происхождения (*театр*, *математика*, *теория*). В русском языке они некогда писались через «фиту»: *ѳеатръ*, *маѳематика*, *ѳеорія*. Я. К. Грот отмечал, что *ѳ* в подобных словах часто звучит как *т*. Однако разночтения встречаются до наших дней даже в одной и той же морфеме, сравните *орфография* и *ортопедия*.

Английские слова, содержащие *th*, могут быть греческого происхождения. По-русски они передаются в соответствии с русскими традициями. В собственных именах Я. К. Грот рекомендовал передавать глухой звук, обозначаемый этим сочетанием, как *т*, а звонкий — как *д*, поскольку это исторически справедливо. Тем не менее, были попытки передавать этот звук через *ф* или через *с*, независимо от звонкости или глухости: *Каскарт* (Cathcart). Главное управление геодезии и картографии СССР в течение многих лет передавало английское *th* как *т*: *Те-Пас* (the pass), *Те-Даллес* (the Dalles).

В литературе и прессе английское *th* часто передают через *с*: *Голсуорси* (Galsworthy), при этом не учитывается звонкость *th*; следовало бы писать *Голсуорзи*. Если же передавать *th* через *т*, то данную фамилию следовало бы писать *Голсуорди*.

Отметим самое последнее заимствование из английского

языка в разговорный русский: *бѣздик* (birthday) — день рождения, которое часто употребляется современной молодежью.

Я. К. Грот отмечал, что при введении заимствованных слов в русский язык следует учитывать нормы и возможности не только языка-источника, но и принимающего языка. Он рассматривал это на примере слов и имён оканчивающихся в европейских языках на *-ia*, отмечая, что, переданные через *-ия* подобные имена будут в русском языке слоняться: *Азия, Мария*.

Имена собственные в отношении своего распределения по родам и склонениям следуют за именами нарицательными. В отличие от имён нарицательных, имена личные и фамилии имеют только два рода, мужской и женский, а географические названия распределяются по трём родам в зависимости от их конечных элементов.

Я. К. Грот отмечал что *-о* не составляет приметы рода и склонения в ряде имён (*депо*). По этой же причине чувствуется неловкость при употреблении в русском языке украинских фамилий на *-ко*. Русские в обиходной речи обратили этот конечный элемент в *-ка* и склоняют как имена женской формы: *с Шевченкой*. В официальном употреблении подобные формы недопустимы: *театр имени Шевченко*. В украинском языке такие фамилии склоняются, подобно словам *ведро, озеро*, т. е. *театр имени Шевченка*.

В русском языке эта проблема решена не до конца. В 30-е годы XX века многие фамилии, оканчивавшиеся на *-ка* были заменены в паспортах на *-ко*: *Падалка — Падалко*. Так они из склоняемых стали несклоняемыми. В последние годы в печати и на радио перестали склонять географические названия, оканчивающиеся на *-о*: *живу в Тушино, из Домодедово, доехал до Пушкино*.

В заключение хочется сравнить деятельность Я. К. Грота и А. А. Реформатского, жившего почти на столетие позже. Многие проблемы, впервые поднятые Я. К. Гротом, оставались актуальными и для XX века. А. А. Реформатский активно занимался проблемами русского правописания. Практическую транскрипцию он считал проблемой лексикологии. Но, в отличие от Я. К. Грота, чьи «Филологические разыскания» выдержали несколько изданий, а «Русское правописание» издавалось почти ежегодно, орфографические изыскания А. А. Реформатского оставались в проектах. Он участвовал во многих орфографиче-

ских комиссиях (Д. Н. Ушакова, Наркомпроса, В. В. Виноградова). Свод орфографических правил Наркомпроса, в котором А. А. Реформатский принимал активное участие, был опубликован перед самой войной и дальнейшего развития не имел. Его интересные разработки по собственным именам, прописным и строчным буквам, удвоенным согласным, по дефисам, апострофам так и остались в архивах В. В. Виноградова.

З. К. Тарланов

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН
(Россия, Махачкала)

Пространство русской речи как объект политики

Общеизвестно, что язык во все времена служил одним из важнейших факторов влияния одних народов на другие, одних культур на другие. Это естественно в силу природы языка и как средства общения, и как универсальной формы этнической культуры, воплощающей в себе ценности духовной, интеллектуальной, художественной истории и жизни народа, его самобытную аксиологию, и в этой связи как существеннейшего инструмента расширения пространства соответствующей культуры.

Известно также, что языки каждого из исторических периодов далеко не равны в функциональном плане, в частности, в рамках перечисленных параметров. Поэтому в те или иные периоды истории отдельные языки выдвигались в качестве трансэтнических и зональных, т. е. таких, которые способны обеспечить большее пространство общения, актуализировать причастность к более широкому культурному пространству, предоставлять больше возможностей для развития личности и общества в соответствии с изменчивыми парадигмами потребностей динамичного исторического бытия носителей разных языков. Примерно по такой исторически обусловленной, межэтнически понятной и принимаемой логике речевой коммуникации выдвигались на передний план соответствующие надэтнические, зональные, межзональные и, наконец, мировые языки.

Что же касается русского языка, являющегося предметом обсуждения в нашем случае, то он, реально став языком межэтнического, межнационального общения между народами Российской империи еще на рубеже XVIII–XIX веков (вспомним “Памятник” А. С. Пушкина), трансформируется в один из мировых в 40-х го-

дах XX в. Этот факт сыграл огромную роль в развитии культур, образования, науки всех народов исторической России, в особенности в советский период, о чем мне приходилось писать не раз.

Отсюда следует, что в последние несколько столетий функциональное развитие русского языка не ограничивалось лишь его стилистическим совершенствованием в соответствии с его природными структурными возможностями или освоением им новых функций во внутриэтническом пространстве, но выражалось в неуклонном расширении его речевого пространства, вплоть до трансформации в язык полноценного образования и профессионального становления для очень многих народов Советского Союза и нынешней Российской Федерации, далее — в один из признанных мировых языков.

Именно это обстоятельство в последние десятилетия все чаще выдвигается в качестве предмета для нападок, демаршей как внутри страны, так и за ее пределами. Речевое пространство русского языка парадоксальным образом стало предметом политического торга и фактором раздражения для недоброжелателей России, вопреки интересам и жизненным потребностям российских народов. Примеров подобной ориентации можно привести, к сожалению, много. Ограничусь лишь одним из них — недавней публикацией под названием “Что Дагестану хартии языков”, появившейся в еженедельнике “Настоящее время”, издаваемом в Махачкале (2012. № 30 от 2 августа). Пафос ее автора, опирающегося на голословные заявления неких экспертов Совета Европы, сводится к тому, будто бы в России, в частности, в Дагестане, в котором, кстати, более десятка государственных языков, ущемляются права местных языков в пользу русского. При этом как бы не принимается во внимание тот важнейший факт, что русский язык является не только единственным средством общения для всех дагестанцев, но и то, что только на нем можно получать полноценное образование.

Автор упомянутой газетной публикации, рассчитанной на массового читателя в сложном полиэтническом регионе страны, в качестве характеристики якобы реальной языковой ситуации в Российской Федерации сочувственно приводит слова эксперта Совета Европы, профессора Лондонского университета Билла Бауринга, согласно которым в России «наиболее значимой тенденцией в раз-

витии языковой ситуации стал рост влияния русского языка во всей Федерации и заметное увеличение числа исчезнувших или находящихся под угрозой исчезновения языков». С подачи другого эксперта Совета Европы Маркуса Галдия констатируется «недавнее исчезновение юпиксиренского языка на Чукотском полуострове», которое квалифицируется как результат разрыва «между формальной правовой защитой и осуществлением языковых прав» в России. И далее голословно утверждается, что «это не единственный язык, который исчез в новейшее время».

Если отвлечься от приведенных странных утверждений экспертов Совета Европы и их пропагандистов в России, которым не нравится активное функционирование русского языка в России и которые в то же время считают вполне естественной беспрецедентную экспансию английского языка в качестве единственного языка управляемых процессов глобализации в мире, и присмотреться к проблеме глубже, то станет очевидным, что все подобного рода критические стрелы направлены не на защиту локальных языков и их носителей, а на сеяние недоверия и вражды между народами Российской Федерации по логике: почему-то вдруг проявившийся «рост влияния русского языка во всей Федерации» обратно пропорционален функциональным возможностям языков других ее народов. При этом защитники языков, якобы подавляемых русским языком, совершенно не интересуются тем, сколько в стране издается печатной продукции на этих языках, как обстоит дело с их преподаванием в школе, на специальных отделениях и факультетах университетов, с их научным изучением, с их функционированием в соответствии с предоставляемыми ими возможностями и т.д.

Того же плана и требования утвердить за более чем ста языками, используемыми в основном в быту и подчас лишенными необходимой кодификации в общенациональном отношении, статус государственных языков не на уровне соответствующих регионов, где они существуют, а на уровне Федерации, что не может не привести к коммуникативному коллапсу в многонациональном государстве.

Цель такого рода рекомендаций очевидна — это разобщение народов Российской Федерации, результатом которого должно быть не только сокращение исторически сложившегося

речевого пространства русского языка, но и отторжение нерусского ее населения от полноценного, а то и какого бы то ни было образования, ибо для всех очевидно, что русский язык остается, может быть, единственным важнейшим средством, сплачивающим современное Российское государство.

В заключение напрашивается главный вывод: сохранение и развитие речевого пространства русского языка в современной России — это основа дальнейшего развития культуры и образования ее народов, равно как и важнейшее условие укрепления российской государственности в целом.

Н. А. Фатеева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

Неографизмы в современной поэзии как значимые отклонения от нормы

Обычно неографизмами называют лексические единицы, имеющие особую орфографическую форму записи. С точки зрения поэтической функции языка — это фигуры речи, содержащие стилистически значимые отклонения от графического стандарта и/или орфографической нормы, которые имеют определенное художественное задание в рамках данного текста или целого цикла текстов. Неконвенциональная форма записи может возникать как на основе намеренного нарушения орфографической нормы, так и порождаться за счет нетрадиционной транслитерации заимствованных слов или включения в графический облик слова элементов иных знаковых систем. При этом метаграфические средства (вариативность шрифта, нетрадиционное и иконическое использование знаков препинания, индивидуальные способы членения текстовых единиц, сам способ расположения лингвистических элементов на странице) позволяют говорить о существовании неографизмов не только на лексическом уровне, но и на уровне целостных ритмико-синтаксических единиц (стиха, строфы) и даже целого текста (если он представляет собой достаточно малую форму).

Неографизмы связаны, в первую очередь, со словотворческой активностью поэтов футуристического и неофутуристического направлений. Сами названия футуристических книг (Ср. «Замная гнига» (авторы Крученых, Аллегров, Розанова), «Мірсконца» А. Крученых и В. Хлебникова, «Остраф Пасхи» И. Зданевича,

«Асел на пракат» И. Терентьева, И. Зданевича и др.) задают новый способ восприятия их содержания, настраивая читателя на различные типы девиативного прочтения текста на разных его уровнях. Заглавные неографизмы в современной поэзии часто не просто являются девиативными с точки зрения орфографии и грамматики, но и включают в свой состав элементы других знаковых систем («Окно=сон» Г. Айги, «разорвано<при=>коснове- нье» А. Фролова) или алфавитов «(ОТПУСКУ)» А. Зеленовой), а по своей структуре представляют собой контаминированные образования («Нас-звание» В. Мельникова, «Сероализм» Б. Констриктора, «Поэтиматика» А. Иванова и др.).

В целом можно сказать, что поэты-экспериментаторы часто прибегают к трансформациям на фонетико-орфографическом уровне, однако в их основе лежат разные мотивации. Так, Е. Мнацаканова, опираясь на принцип неопределенности раздельного и слитного написания, выбирает архаичную форму написания слова «бессмертие» и однокоренных с ним слов с формой приставки *без-*, не учитывая современный фонетический принцип орфографии (Ср.: *без / смертная / идет / безсмертия напев идет / бессмертия / и я / напев: / бессмертен я бессмерти я я я / под мертвый плач моих / шагов*). Такое написание позволяет поэтессе не делать различия между приставкой и предлогом (*бессмертия — без смерти я*), вырабатывая собственные принципы членения слов на составляющие, которые на деле отражают более древние способы фиксации текста. В то же время в других текстах поэтессы можно увидеть совершенно иные тенденции написания этих слов, где при дополнительном членении соблюдается орфографический принцип, но сама приставка-предлог становится полнозначным словом «бес».

Иные мотивации девиаций в правописании часто связаны с явлением звуковой метафоры. Более того, поэты XX–XXI вв. в связи с распространением тенденции построения стихотворного текста не для «глаза», а для «уха», часто именно намеренно играют на коллизии между фонетикой и орфографией (например, И. Бродский, Л. Лосев и др.).

Иногда орфография, наоборот, идет вслед за фонетикой, но чисто поэтической, и воспроизводит перерастание корней друг в друга, а также воспроизведение долготы звучания (например,

длинлинии), как во многих стихотворениях А. Альчук. В одном из них появляется необычно написанное слово *плащц*, которое сочетает в себе и *плач* и *плащ*, и которое получает особое бытование в поэтическом языке. Это слово становится авторским знаком А. Альчук, и в роли такового оно воспроизводится в одном из стихотворений, обращенных к ней, у Н. Азаровой (2003), где эта «ошибка» становится смыслообразующей.

Во всех этих случаях девиации на фонетико-орфографическом уровне имеют метаязыковую природу и связаны с метаязыковой рефлексией. Один из современных поэтов А. Поляков даже называет свою книгу «Орфографический минимум» (2001), и в одноименном стихотворении он объявляет себя противником нормированности и канонизации, причем не только на уровне орфографии: *Акация, хочу писать окацяя, / но не уверен, что возьмут / ломать слова, когда канонизация / литературы, где людей живут.* Такое стремление современных поэтов найти другой, неканонический способ записи слов, на наш взгляд, сродни метаязыковой рефлексии в интернете, о которой пишет Н. Б. Мечковская [2006] в статье «Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век интернета»: «Шутки с буквами и азбуками, конечно, давно известны в истории культур <...> однако по массовости распространения и при этом глубине рефлексии игровая «албанская орфография» — явление беспрецедентное».

В целом, на наш взгляд, основные креативные функции неографизмов в поэтическом тексте состоят в следующем:

1) Неографизмы задают неологическую запись языковых единиц, которая воспроизводит текст, отличный от себя самого, а значит, потенциально открытый для разных интерпретаций.

2) Когда в стих «внедряются» неографизмы, то уже существующие в языке единицы также теряют определенность своей формы. Таким образом, стих оказывается открытым в «мысль» за счет открытой границы своей формы. Это порождает и движение стиха в сторону визуальной изобразительности.

3) Поскольку в современной поэзии тропы как семантические преобразования перестают играть первостепенную роль и на их место приходят своеобразные «формотропы», то единый смысловой сдвиг актуализируется как раз за счет девиативной записи элементов разных языковых уровней, при этом процессы словоиз-

менения, словообразования и образования синтаксических конструкций порождают некоторый синтетический тип «неографизмов» из элементов единого стихового ряда или соседних рядов.

Н. А. Федянина

Институт русского языка им. А. С. Пушкина (Россия, Москва)

Ностальгические заметки

1. Работы Я. К. Грота по ударению как этап научного изучения русской акцентологии.

2. Акцентологическая неграмотность современной русской речи переходит все границы. А. А. Потебня еще мог считать, что ошибки в ударении простительны, т.к., по словам А. Х. Востокова, «не приискано еще на то определённых правил». Современная русистика располагает фундаментальными исследованиями в области русской акцентологии, определены закономерности и правила ударения. Тем не менее, ударение с его подвижностью и вариантностью по-прежнему остается одним из наиболее трудных аспектов русской речи. Проблема в том, что в теоретических учебных курсах русского языка, как правило, отсутствует раздел, посвященный ударению, равно как и в практике обучения.

3. Иноязычная лексика в современной русской речи: необходимость или дурной вкус как отражение низкого культурного уровня современного общества? Фонетические законы и орфоэпические правила русского языка в отношении произношения иноязычных слов, аббревиатур. Необходимость орфоэпической информации в словарях иностранных слов.

А. Э. Цумарев

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

Специальная лексика в «Словаре русского языка» под редакцией академика Я. К. Грота

Специальная лексика «составляет самую крупную по объему часть лексического состава современных развитых национальных языков» [Шелов, Лейчик 2012: 3]¹. Та ее часть, которая проникает в общий язык, должна соответствующим образом фиксироваться лингвистическими толковыми словарями, адресованными широкому кругу читателей. В связи с задачей совершен-

¹ С. Д. Шелов, В. М. Лейчик. Терминология и профессиональная лексика: состав и функции: Учеб. пособие. — СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2012.

ствования словарного описания специальной лексики полезно знать истоки и традиции ее кодификации, что невозможно без обращения к выдающемуся лексикографическому памятнику XIX века — «Словарю русскаго языка» 1891–1895 гг. под редакцией академика Я. К. Грота. При этом осмыслить значение Словаря Грота можно лишь в сопоставлении с предшествующими академическими словарями — со «Словаремъ Академіи Россійской» 1789 г. и особенно с ближайшим по времени «Словаремъ церковно-славянскаго и русскаго языка» 1847 г.

В Словаре 1789 г. был выдвинут критерий включения специальных слов в общий толковый словарь — их употребительность в неспециальной речи (в словарь не принимались *«слова и реченія Наукъ и Художествъ, которыя не входятъ въ общее употребленіе...»*). В этом словаре не было еще ни одной пометы для обозначения специальных слов и словосочетаний, но в толкованиях иногда встречались указания *«реченіе химич(еское)»*, *«въ военномъ нарѣчїи»*, *«въ физикѣ»* и т.п.

Составители Словаря 1847 г. хорошо сознавали многочисленность единиц специальной лексики в русском языке первой половины XIX в. и следствие этого факта для словарного дела: *«Изъ словъ, входящихъ въ область какой-либо науки, искусства или художества»* в Словарь следовало отбирать *«только болѣе употребительныя, потому что каждая изъ сихъ частей отдѣльно имѣетъ свой собственный, болѣе или менѣе обширный объемъ языка, достаточный къ составленію особаго Словаря именно такой-то науки, искусства или художества»*. Авторы Словаря 1847 г. предложили для описания специальной лексики систему из 54 помет.

В Словаре Грота сферы употребления включаемых в словарь специальных единиц получили несколько более точное обозначение: *«Изъ научныхъ и техническихъ терминовъ въ словарь включены такія названія, которыя могутъ встрѣчаться какъ во вседневномъ быту, такъ и въ не слишкомъ спеціальныхъ сочиненіяхъ, а также термины собственно русскаго происхожденія, хотя и малоизвѣстные, но могуціе удачно замѣнять иностранныя»*.

В нем было представлено значительное количество специальных слов, к работе над словарем по традиции были привлечены специалисты по различным областям знания, были использованы отраслевые словари, учебники, научные труды и

научные периодические издания.

Число помет, маркирующих специальные слова и словосочетания, было увеличено более чем в два раза и достигло 115. Не все из них были удержаны лексикографической практикой XX в., однако такие новые пометы, как, напр., *Бiol.*, *Бухгалт.*, *Жел. дор.*, *Лингв.*, *Псих.*, *Сель.-хоз.*, *Фотогр.*, *Электротехн.*, стали важной частью функциональной характеристики слов в современных словарях. Как и в Словаре 1847 г., кроме помет Я. К. Гротом были использованы комментарии в составе толкования («У шерстобитовъ», «Въ сахарномъ производствѣ» и т.п.). Использование в одном толковом словаре тех и других средств сохранено в современной лексикографии.

Интересны случаи описания устарелых терминов с помощью сочетания помет, напр.: **Вагенмэйстеръ**, а, м. *Воен. Стар.* Чинь, наблюдавший за лошадьми, упряжью, исправностию казеннаго обоза и проч.; нынѣ, какъ и до Петра В., обозный.

Надо сказать, что не все решения, касающиеся применения помет, были удачны. В некоторых случаях специальные слова, имевшие в Словаре 1847 г. при себе ограничительную помету, в Словаре Грота лишились ее (напр., слово *ателляція* утратило помету *Юр.*), некоторые из перешедших в Словарь Грота слов (напр., *альфреско*) или введенных в него (напр., *аллитерація*) также оказались без необходимой функциональной характеристики. Однако в целом в Словаре Грота был сделан заметный шаг вперед в разработке функционально-стилистического описания языкового материала.

В Словаре Грота было развито заложенное в Словаре 1847 г. представление о том, что к разряду специальных могут относиться слова различных частей речи. В Словаре Грота находим не только многие специальные существительные (*аннексія*, *асимптота*, *бекаръ*, *вердиктъ*), но также и прилагательные (*апостериорный*, *биквадратный*), глаголы (*банить 2*, *верстать*, *возгонять*), наречия (*анимозо*, *вполпрямá*). Как специальные охарактеризованы некоторые составные части сложных слов, напр., *бомъ* в морской терминологии, а также устойчивые сочетания, в том числе военные и морские команды (*По вантамъ!*).

В Словаре Грота наряду с терминами нашли себе место профессионализмы, напр.: **Водовікъ**... 3. У плотниковъ: водяной

уровень, ватерпасъ. Многие из них были почерпнуты из богатого ими Словаря Даля.

В сфере семантизации специальной лексики важно отметить по крайней мере два обстоятельства. С одной стороны, Словарь Грота еще не освободился от старой традиции приводить в зоне толкования биологических, медицинских, химических и т.п. терминов после родового слова латинское наименование, часто этим ограничиваясь (**Берёза**, ы, ж. Дерево *Betula alba*). С другой стороны, заметно стремление к более точным формулировкам и к детальному отражению полисемии. Так, если в Словаре 1847 г. слово *вложеніе* толковалось как ‘дѣйствіе вложившаго’, то в Словаре Грота словарная статья получает следующий вид: **Вложѣніе**, я, ср. 1. Дѣйствіе, отъ гл. **вложѣть**. 2. *Почт.* Вложенный предмет, напр. деньги или цѣнности въ отправляемыхъ по почтѣ пакетахъ. С целью указания на переносные, расширительные, наиболее типичные употребления в толковании применялись компоненты «Вообще», «Въ тѣсномъ смыслѣ слова» и др.: **Антропоморфѣзмъ...** *Филос.* 1. Перенесеніе понятія о человѣкѣ на все міросозерцаніе въ первобытную пору развитія народовъ... 2. Въ особенности: представленіе божества въ видѣ человѣка или съ человѣческими свойствами.

В некоторых случаях была уточнена не только семантическая, но и грамматическая характеристика значений. Так, например, было зафиксировано, что слово *величина* в специальном значении способно иметь формы множественного числа: ...2. *Мат.* Употр. и *мн.* величины, чѣнь. Все то, что можетъ быть увеличено и уменьшено, или что состоитъ изъ частей, а отсюда и всякій предметъ, имѣющій значеніе, цѣну.

В Словаре Грота большое внимание было уделено синонимии и вариантности в области терминологии; ср.: **Биномія**, и, ж. **Биномъ**, а, м. ... *Мат.* Выраженіе, состоящее изъ двухъ членовъ; двучленъ, двучленное количество. *Биномъ Ньютона*.

Яркой отличительной чертой рассматриваемого словаря было широкое использование речений и иллюстраций, показывающих сочетаемость слова, его жизнь в тексте. Например, богато представленная в словаре морская терминология иллюстрировалась фрагментами из романа «Фрегат “Паллада”» И. Гончарова, из произведений А. Бестужева-Марлинского.

Проведенный анализ показывает, что Словарь Грота стал важной вехой в разработке способов описания специальной лексики в общих толковых словарях русского языка.

Л. О. Чернейко

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)

Культура речи в свете этики ответственности

1. Тематика научных конференций, посвященных культуре речи, охватывает такой широкий круг проблем, что, во-первых, требует пересмотра существующих дефиниций терминологического словосочетания «культура речи» и их уточнения на основе анализа зоны его референции, а во-вторых, демонстрирует выход лингвистики в смежные с нею сферы научного знания, такие как психология, социология, философия. В связи с термином «культура речи» уместно вспомнить одну из лексикографических заповедей Я. К. Грота о различиях в степени подробности определения слов обыденного языка и терминов науки (как он пишет, «технических терминов»), которая определяется «степенью надобности в каждом отдельном случае» [Гротъ 1876: 209–210]. Междисциплинарный характер феномена, стоящего за лингвистическим термином «культура речи», не коррелирует с такими определениями, которые сужают его до «владения нормами устного и письменного литературного языка» и нормализаторской деятельности [ЛЭС 1990: 247] или до речевого этикета. Поэтому «степень надобности» в уточнении базового термина соответствующей дисциплины высока.

2.1. Если говорить о категории ответственности с лингвистической площадки, то ответственность присутствует в таких формах речевого поведения, как например, принесение извинений. Присутствует она как условие речевого акта, как его причина. Конкретные причины, которые каузируют «извинительный» речевой акт в каждой культуре, а также этикетные речевые формулы, в которых воплощаются извинения в каждом конкретном языке, изучены достаточно полно.

2.2. В извинении Дж. Остин видит желание говорящего «уйти от ответственности. В лингвофилософской концепции извинения Дж. Остина можно выделить три лингвистических составляющих: 1. Прояснение норм речевого поведения (исследование рече-

вых актов извинения, обусловленного «нарушением нормального хода вещей», «помогает многое прояснить относительно самой нормы»); 2. Выявление ситуаций, в которых приносятся извинения, с акцентом на том, «*Что* должно получить извинение»; 3. Исследование «выражений, в которых мы это делаем» [Остин 2006].

3.1. Одно из направлений современной («неклассической») этики ответственности своим интенциональным объектом считает коммуникативную сферу социума, поскольку именно в ней «вырабатываются ценности, цели и достигается консенсус» [Канке 2000: 300]. Метакоммуникативные (по Р. Ратмайр [Ратмайр 2003]) причины речевых актов извинения (по поводу самой речи, в первую очередь, ее формы, адекватности означающего речевой ситуации) представляются особой сферой лингвистики извинений. Они не связаны с предписаниями, с конвенцией, не связаны с общей для всех нормой, поскольку ее нет, так как не существует общепринятых правил для всех сфер культуры, которые лежали бы в основе метаязыковых извинений.

3.2. Обширный материал для изучения причин метаизвинений и форм, в которых они воплощаются, дает речь публичная, где извиняются за «пафос» (слова *предательство*, *нация победителей*), «высокий слог» (*сопричастность*), «простоту выражения» (*нести пургу*), специальные термины и слова профессионального жаргона (психотерапевтическое слово *овоц*, *дискурс*). При этом само извинение может выражаться имплицитно, облекаясь, например, в форму оправдания выбора слова: *Этот класс* (об интеллигенции), *эта прослойка — приходится употреблять этот термин, поскольку других нет...* (ТВ); *Сейчас, в эпоху тотального пиара — употребляю не без брезгливости это слово...* (ТВ); формула «X иначе как У-ом не назовешь». Следует отметить, что извинения за слово или, как говорят, «выражение» часто приходит в противоречие либо с самим словом (почему надо извиняться за слово *аспект* в телевизионной программе, посвященной классике мирового кино?), либо с ситуацией (почему автор литературоведческой статьи извиняется за термин *дискурс*, каким он видит адресата своей статьи?), что дает информацию о самом говорящем, в частности о его отношении к адресату. Метаизвинения, для которых нет ни лингвистических, ни логических, ни этических оснований, вхо-

дят в круг тех извинений, где, по Т. М. Николаевой, проявляется прием «ложной значительности» (*Искусство, извините за высокое слово, сближает, тогда как религия разъединяет*. ТВ).

3.3. Наш интерес сосредоточен на научной речи лингвистов. Рассмотрим ситуации, где лингвисты приносят свои извинения.

(А) Оппонент защищаемой диссертации на заседании учебного совета МГУ: *Сейчас эсэмэски, простите за такое слово, но иначе приходится говорить долго — «эсэмэс-сообщения»*; (Б) Начало выступления докладчика на конференции в Пушкино: *Хочу извиниться перед теми, кто, может быть, уже слышал мой доклад*; (В) Профессор кафедры русского языка филофака МГУ, делая доклад, извиняется перед своими коллегами: *Прошу прощения за английский язык слайда*.

Извинение как особый вид речевых актов требует, как известно, говорящего, адресата и того ущерба, который говорящий адресату нанес. В ситуации (А) причина извинения в том, что говорящий, употребляя для краткости слово *эсэмэска*, осознает несоответствие разговорного слова официальной ситуации научного общения, а ущерб для адресата состоит, по мнению говорящего, в том, что задето его языковое чувство. Это метакоммуникативное извинение. В ситуации (Б) отчетлива пресуппозиция извинительного высказывания: говорящий считает повторение доклада в том же виде, в каком он его однажды уже представлял, неэтичным, однако возможным (иначе доклада бы не было). Применительно к этой ситуации свобода действия говорящего является проявлением степени его ответственности как способности к выбору собственных действий и оценке их возможных последствий. Это извинение не метаязыковое, а, скорее, конвенциональное: хотя правила не прописаны, но существуют «по умолчанию». В ситуации (В) вырисовывается портрет адресата — это не владеющие английским языком коллеги говорящего. Трудно представить себе подобное извинительное высказывание, если бы адресатом была англоговорящая аудитория. Это извинение по существу. Следует отметить, что все извинительные высказывания связаны с грамматикой адресации [Шмелева 1995], но семантика извинения высвечивает не только портрет адресата, но и имидж говорящего.

4. Исследование языковых явлений в рамках культуры речи, но с позиций этики ответственности позволяет очертить широкий

круг проблем, которые могут быть и по-иному поставлены, и по-иному решены. Перечислю лишь некоторые: 1. «Языковая совесть» (М. В. Панов) и «птичий язык» в научных трудах (*принцип взаимной мимикрии образует микроуровень психической реальности*—Учебник «Литературная матрица». СПб, 2010). 2. Лингвистическая научная терминология и безответственное создание терминов либо употребление новых (во многих научных трудах по когнитивной лингвистике широко употребляемые термины, такие как, например, *дискурс, концепт*, легко заменяются привычными *язык, речь, текст, понятие, семантическое поле*). 3. Ошибки как результат безответственного отношения говорящего к слову (*секвестировать* вместо *секвестрировать*), особенно тиражируемые ошибки, которые становятся нормой (*остранение* вместо *остраннение, дискурс — дискурсивный* вместо *дискурс — дискурсный*). 4. Поведение наречия *на самом деле* в научной речи, языковая семантика которого отсылает к объективному положению дел, тогда как вводимая при его посредстве информация отражает субъективное мнение говорящего. 5. Способы введения метафоры в научной речи и ее оправдание (прилагательное *своеобразный*).

5. Культура речи как наука прагматическая должна осознать значимость ответственности, являющейся наивысшей ценностью в условиях даже относительной свободы, и сделать этот параметр личности человека и характера социальных взаимодействий параметром описания его речевого поведения.

И. А. Шаронов

Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва)

Виды информации в словаре коммуникативов

Коммуникативы — специфический объект для лингвистического описания в целом и для лексикографирования в частности. Коммуникативы — это ответные реплики междометного типа, то есть единицы, лишённые номинативного значения и передающие только субъективные смыслы, такие как иллокутивный характер реплики и ментально-эмоциональное отношение говорящего к предмету речи и собеседнику. Это единицы типа: *Да; Ну уж; Ни-ни-ни, Окстись; Еще чего; Дудки; Пустое, Отпад, Ни божже мой, Ладушки* и т.п.

Коммуникативы, а также слова и словосочетания в значении коммуникативов не всегда становятся объектом лексикографиче-

ского описания. При анализе материалов толковых словарей (СО, МАС), словарей служебных слов ([Рогожников 1983], [Квеселевич, Сасина 1990], [Морковкин 1997], [Шимчук, Щур 1999]) и фразеологических словарей ([Молотков 1986], [Lubensky 1995], [Баранов, Добровольский 2009]) удалось обнаружить только часть собранного нами словника. Обнаруженные в словарях единицы описаны в основном традиционно, для нужд понимания значения единицы. Чаще всего для их толкования используется тип интенции: *выражение подтверждения, отрицания* или эмоции: *выражение удивления, недовольства, разочарования* и т.п. Между тем коммуникативы как единицы устного бытового диалога обладают целым рядом лингвистически и коммуникативно релевантных характеристик, незнание которых не позволяет правильно и аккуратно использовать эти единицы в речи. Носители языка владеют правилами использования коммуникативов в речи на автоматическом уровне. Для неносителей языка пользоваться такого рода единицами крайне затруднительно, большинство из них старается вообще не использовать коммуникативы из страха «промахнуться», и это является одним из маркеров их чуждости русской языковой культуре.

Коммуникативы, будучи словами-предложениями, имеют дискурсивные особенности при взаимодействии реплик в диалоге. Для употребления коммуникатива оказывается важным левый контекст, тип реплики собеседника (вопросительный, утвердительный, императивный; иногда оказывается важным временной план реплики), иллюкутивная характеристика реплики (предположение, утверждение, просьба, совет и т.п.), ментально-эмоциональное состояние собеседника (его сомнение, опасение, надежда и т.п.). Важным оказывается и правый контекст в случаях, когда коммуникатива оказывается недостаточно для полноценной ответной реплики говорящего. В таких случаях ответ состоит либо из нескольких коммуникативов (*Да, разумеется, о чем речь*), либо за коммуникативом может следовать более или менее полноценное высказывание, аргументирующее оценку или мнение, выраженное в коммуникативе.

Будучи элементами диалогической речи, коммуникативы передают информацию средствами, присущими устной коммуникации. Интонационный контур, растяжка, редупликация, жестово-мимические действия в такт с произнесением комму-

никатива помогают различать единицы описания и выделять в них самостоятельные значения. В письменных текстах выявлять такие значения непросто, поскольку на письме могут быть переданы только растяжка (*д-да, м-да, даа*) и редупликация коммуникативов (*нет-нет, да-да-да, ну-ну*). Сопровождающая коммуникатив эмоция может быть либо напрямую названа в контексте, либо передана через описание жеста и мимики. Однако такие авторские комментарии даются отнюдь не всегда. Автор исходит из того, что читателю, носителю речевой культуры, нетрудно понять коммуникатив, имеющий устойчивый набор характеристик, и без комментария. Составление словаря коммуникативов, в котором будут описаны его значения и способы их выражения в устном диалоге, а также его дискурсивные характеристики позволит не только адекватно понимать эти единицы в тексте, но и активно использовать их в речи.

Продемонстрируем сказанное на примере описания грамматической идиомы НУ ДА в словаре коммуникативов. Всего для этой единицы выделяется 4 значения, каждое из которых имеет свой набор семантических и дискурсивных признаков. Описывается способ произнесения единицы и ее жестово-мимическое сопровождение.

НУ ДА. 1. Неспешное согласие с оценкой, мнением собеседника о чем-л. Произносится с легкой паузой или растяжкой. Говорящий может слегка склонить голову в знак согласия. Далее могут следовать другие формы выражения согласия или развернутая аргументация мнения говорящего.

— Тех, которых люди хотели читать, не печатали, а тех, которых печатали, никто не читал. Правильно? — **Ну да,** — сказал я неуверенно. — Это было, конечно, не совсем так, но в общих чертах (*В. Войнович. Москва 2042*);

— Так кому же все-таки говорили, что скоты? — А как же их еще называть! Скоты и есть. Совсем бедная женщина, в очереди, а у нее деньги украли, двадцать рублей. <...> — **Ну да,** — сказал он, — понимаю. Действительно. (*А. Битов. Пенелопа*).

1.1. Неспешное согласие с критической оценкой чего-л. важного для говорящего, при одновременном обдумывании ответного удара или оправдывающего объяснения.

— Я тебя, конечно, уважаю, но ты все-таки еще не Эйн-

штейн. — **Ну да**, — согласился Руди. — Я действительно не Эйнштейн... Но должен тебе сказать, что и Лобачевский был не Евклид (*В. Войнович*. Москва 2042).

— Что-то, Виктор Сергеевич, вы со всеми своими друзьями расстались, — наконец осторожно заметила Маша. — **Ну да**, — подумав, согласился Служкин и закрыл альбом. — Видишь ли, Маша... (*А. Иванов*. Географ глобус пропил);

2. Экспрессивное подтверждение собственного озарения при припоминании или при осмыслении воспринятого. Говорящий возбужден, глаза широко раскрыты, он может всплеснуть руками. Далее следует сообщение о том, что говорящий вспомнил, или аргументация вывода.

— Извиняюсь, однако, товарищ, дозволейте спросить. Мне помстилось, точно вы знакомый человек будете. **Ну да!** Дяденька доктор?! (*Б. Пастернак*. Доктор Живаго).

— Доктор Гаспар, это не кукла, смею вас уверить. Это мой маленький дружок, эта девочка, танцовщица Суок, мой верный товарищ по цирковой работе.

<...> Тут доктор даже всплеснул руками. — Ха-ха-ха! **Ну да**, конечно. Оттого мне и казалось таким знакомым личико куклы наследника Тутти. (*Ю. Олеша*. Три толстяка);

— Тьфу ты! <...> Да ведь дамочка-то голая! **Ну да**, ряса накинута прямо на голое тело! (*М. Булгаков*. Мастер и Маргарита).

3. Быстрое подтверждение в ответ, уточняющий вопрос или комментирующую реплику собеседника, которые замедляют коммуникацию. Говорящий может нетерпеливо кивнуть головой в знак согласия.

— Дайте мне тридцать рублей до вечера. <...> — А зачем тебе? — Шар такой!.. — Тоня взмахнула руками какой. — Воздушный, что ли? — **Ну да**, — уже обрадовавшись, сказала Тоня. (*А. Битов*. Большой шар).

— Она жила с другим человеком, и я там тогда... С этой, как ее... — С кем? — спросил Бездомный. — С этой... ну... с этой, ну... — ответил гость и защелкал пальцами. — Вы были жена-ты? — **Ну да**, вот же я и щелкаю... (*М. Булгаков*. Мастер и Маргарита);

— Помню, — перебил меня дядя Паша, — они еще работали с дрессированными голубями, с редкими породами. — **Ну да**. И

вот, представляете себе, бегают моя тетушка и голосом, вызывающим расстройство желудка, вопит: «Голуби мои! Люди! Вытаскивайте скорее эти ящики!» (В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь).

4. Недоуменное подтверждение правильности мысли или слова в ответ на недоверчивый переспрос. Говорящий, не понимая причины переспроса, приподнимает брови и внимательно рассматривает собеседника. Он повторяет переспрашиваемое слово и может поинтересоваться, почему собеседника удивляет что-л., являющееся естественным для говорящего.

— Но вообще я биолог и у меня есть свой институт, который занимается созданием нового человека. — Нового человека? — удивился я. — Ну да, — подтвердил он. Нового человека (В. Войнович. Москва 2042).

— Таких даже в Трансильвании дюжины две, не больше. — Первовампиры? — подозрительно переспросил дядя Герман. — Ну да! Ты что, не знал, братик? — удивился Халявий. (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона);

Несмотря на попытку описания устных характеристик коммуникатива, существует вероятность, что адресат словаря, особенно иностранец, не всегда сможет восстановить произносительную форму коммуникатива. В таком случае в электронном формате словаря предполагается дополнительная аудиоопция.

О. А. Шарыкина

«Вопросы языкознания» (Россия, Москва)

Как футболисты плетут кружева: особенности употребления идиомы в разных типах дискурса

Применительно к фразеологии понятие нормы можно рассматривать с точки зрения уместного или неуместного употребления идиом, соответствия общему стилю текста, удачного или неудачного нестандартного (игрового) употребления. К удачным можно отнести и те случаи, когда та или иная идиома в определенном контексте начинает приобретать новое значение. Или же в фокусе внимания оказываются такие ее семантические компоненты, которые ни в одном другом типе текста не проявлялись.

Так, идиома *плетти кружева* толкуется словарями следующим образом: *С кем*. Прост. Ирон. Кокетничать, заигрывать с кем-л. (А. И. Федоров. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2002); Лгать, болтать ерунду, сплетничать,

точить лясы (*В. С. Елистратов. Словарь русского арго. М., 2000*); 1. *Перм. Шутл.* Болтать, пустословить. 2. С кем. Прост. Шутл. Кокетничать, заигрывать с кем-л. 3. Жарг. Угол. Мол. Неодобр. Обманывать кого-л. 4. Жарг.угол. Убегать из мест лишения свободы. 5. Жарг.мол. Выменивать у кого-л. что-л. (*Большой словарь русских поговорок. М., 2007*). Это подтверждается и примерами из Национального корпуса русского языка. Прежде всего, это примеры из художественной литературы. Однако в текстах со спортивной тематикой *плести кружева* означает совсем другое. Стоит отметить, что идиома очень активно употребляется в последнее время в спортивных телетрансляциях и в спортивной прессе (как правило, речь идет о футболе и хоккее), например:

Немецкая машина в этом противостоянии выглядела явным фаворитом, что и подтвердил первый тайм. По игре, а не по счету. Немцы больше владели мячом, *плели кружева* у чужой штрафной и даже забили гол... [<http://www.sovsport.ru/video/gallery-item/6748>];

В то время как форварды *плетут кружева* у ворот противника, защита беспомощна на контратаках, из-за чего команда пропускает в среднем больше 3 шайб за игру [Иван Дмитриенко. Не дают нормально работать // Труд-7, 2010.10.26];

Хави, Это'о, Роналдиньо и Деку с легкостью *плетут кружева* в штрафной хозяев поля, заставляя последних время от времени доставать забитые мячи из сетки собственных ворот [Эдуард Бахлин. «Реал» воскрес. Королевский клуб выходит на первое место в чемпионате, увеличивая отрыв от «Барселоны» // Советский спорт, 2005.10.17].

Здесь имеется в виду красивый, комбинационный футбол, с долгим владением мячом — так красиво играют, словно кружева на поле плетут. Интересно, что данное значение возникло у этой идиомы, видимо, достаточно давно: в спортивной прессе 1960-х гг. встречается выражение *плести ажурную строчку* в том же значении. Такой вариант идиомы сейчас практически не употребляется.

Если подходить формально, то подобные примеры являются нарушением нормы, поскольку не соответствуют данным авторитетных словарей. Тем не менее для спортивного дискурса это, безусловно, норма. Таким образом, применительно к фразеологии норма должна определяться относительно каждого конкретного типа дискурса.

С. Д. Шелов, А. Э. Цумарев

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

Пометы как элементы описания языковых единиц терминологического и профессионального характера (на материале Малого академического словаря русского языка)¹

В работе ставится задача кратко описать использование частных дисциплинарно-тематических помет (т.е. помет типа «астр.» (астрономия), «бакт.» (бактериология), «лингв.» (лингвистика), «мат.» (математика) и т.п. или общей пометы «спец.» при характеристике языковых единиц терминологического и профессионального характера в толковых словарях современного русского языка и обсудить некоторые вопросы, которые поднимает задача использования лексикографических помет в этом случае.

В качестве лексикографического источника, предоставляющего богатый материал для подобных наблюдений, был выбран хорошо известный академический толковый «Словарь русского языка» (тт. 1–4, под редакцией А. П. Евгеньевой, 2-е изд. М., 1981–1984), или Малый академический словарь русского языка (далее МАС). В самом словаре его авторы сообщают на эту тему следующее: «Особую группу составляют пометы, указывающие специальную область применения слова. Они указывают на то, что слово применяется только (или преимущественно) в определенной области науки, техники, искусства, ремесла и т.д.: *астр.* (астрономия), *бакт.* (бактериология) и т. д. (см. список условных сокращений)». В дальнейшем авторы уточняют: «Если слово, имеющее специальный характер, употребляется в ряде областей, а также если затруднительно определить узкую сферу его употребления (причем оно не имеет широкого распространения в литературном языке), при нем (или при его значении) ставится помета, имеющая общее значение, *спец.*, т.е. специальное слово (или значение)» (далее следуют примеры). Таким образом, согласно сказанному, всю информацию о языковых единицах терминологического характера в МАСе следует искать в текстовых фрагментах, которые следуют после дисциплинарно-тематических помет типа «астр.», «бакт.», «лингв.» и т.п. или после пометы «спец.».

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Специальная лексика как объект описания в русских и белорусских толковых общезнаменитологических словарях», поддержанного РГНФ (№ 11-24-01001a/Bel).

В рамках настоящей работы мы обратимся к вопросу о том, какие структурные элементы словаря имеют пометы этого типа. Этот вопрос может быть сформулирован и иначе: какое место в структуре словарной статьи могут занимать эти пометы?

Анализ материала словарных статей МАСа обнаруживает шесть возможных вариантов использования соответствующих помет и, соответственно, шесть видов словарных языковых единиц, которые характеризуются этими пометами.

Во-первых, это некоторые собственно заголовочные слова терминологического характера в целом, взятые целиком как лексемы:

Глоссарий лингв., лит., Диалект лингв., Идиома лингв., Изоглосса лингв.; Лемма мат., Логарифм мат., Одночлен мат., Ордината мат., Парабола мат., Параллелепипед мат. и др.

Все единицы этой группы получают в МАСе толкование, например:

Идиома, -ы, *ж.* и **Идиом**, -а, *м.* *Лингв.* Присущий только данному языку, нерасчленимый оборот речи, значение которого... ; **Параллелепипед**, -а, *м.* *Мат.* Шестигранник, основаниями которого служат параллелограммы.

Во-вторых, это отдельные значения слов (лексико-семантические варианты, словозначения), для которых характерна специализация и автономизация в той или иной области знания; соответствующая помета при отдельном значении может не затрагивать другие значения того же слова. Последние могут характеризовать либо общую лексику, либо специальные слова иных областей знания. Проиллюстрируем этот случай примерами, ссылаясь на тот номер значения слова, который дан в МАСе и приводя в квадратных скобках толкование именно данных значений в словаре:

Агглютинация 1. *Биол.* [склеивание в комочки и выпадение в осадок частиц (например, красных и белых кровяных телец, бактерий и пр.), взвешенных в жидкости]; 2. *Лингв.* [явление, характеризующее грамматический строй целого ряда языков (тюркских, монгольских, финно-угорских и др.) и заключающееся в том, что грамматические отношения (падеж, число и т. д.) обозначаются посредством специальных приставок или частиц (каждая из которых имеет самостоятельное и постоянное значение), присоединяемых к корню или к неизменяемой основе слова]; *Графика* 2. *Лингв.* [начертания письменных или печатных зна-

ков, букв; изображение живой речи письменными знаками]; *Скреститься* 3. *Лингв.* [оказать взаимное влияние друг на друга в процессе скрещивания (о языках, говорах)]; *Уменьшительный* 2. *Лингв.* [связанный с образованием имен существительных и прилагательных, обозначающих меньшую величину предмета или меньшую степень качества]; *Уподобление* 3. *Лингв.* [произношение какого-л. звука в слове таким образом, что он становится подобным или похожим на другой, соседний с ним]; *Вписать* 3. *Мат.* [вычертить одну фигуру внутри другой с соблюдением определенных условий]; *Перестановка* 3. *Мат.* [расположение (элементов) в каком-либо порядке]; *Ряд* 8. *Мат.* [совокупность величин, расположенных в определенной последовательности]; *Функция* 2. *Мат.* [переменная величина, меняющаяся в зависимости от изменения другой величины (аргумента)].

В-третьих, те же пометы используются для характеристики той смысловой стороны слова, которая трактуется как «оттенок значения»; эти сведения обычно представлены после знака « || ». Например, значение слова **звукоподражание** толкуется как «воспроизведение голосом или техническими средствами естественных и механических звучаний», а в качестве толкования оттенка значения с пометой «лингв.» приводится формулировка: «слово, возникшее путем подражания природному звучанию обозначаемого им предмета», и, таким образом, начало словарной статьи слова выглядит так:

Звукоподражание ... Воспроизведение голосом или техническими средствами естественных и механических звучаний... || *Лингв.* Слово, возникшее путем подражания природному звучанию обозначаемого им предмета.

Совершенно аналогично в словарных статьях слов *линия*, *взрыв* и *вариация* имеем:

Линия ... 1. Узкая полоса, черта, проведенная на какой-либо поверхности от одной точки к другой... || *Мат.* Граница поверхности, имеющая только одно измерение;

Взрыв ... 1. Разрыв с большой разрушительной силой специального снаряда, оболочки и т. п. ... || *Физ.* Крайне быстрое и резкое освобождение большого количества энергии в ограниченном объеме вследствие мгновенного химического разложения вещества и образования сильно нагретых газов;

Вариация ... 1. Видоизменение второстепенных элементов, частей чего-л. при сохранении того, что является основой. || *Биол.* Отклонение, некоторые изменения основного типа у животных или растений. || *Муз.* Видоизменение музыкальной темы путем преобразования отдельных ее элементов (ритма, тональности, гармонии и т.п.).

Разновидностью этого случая является также использование пометы рассматриваемого типа сразу после толкования основного значения и перед знаком « || », обозначающим переход к зоне оттенка данного значения. Тогда эта помета характеризует только основное значение, но не относится к его оттенку, который в некоторых случаях может иметь какую-либо собственную помету, например:

Аккумуляировать. Собрать (собирать), накопить (накапливать), сосредоточить (сосредоточивать) (*спец.*) || *перен.* Воспринимаемая, накопить (накапливать).

В-четвертых, те же пометы относятся к некоторым устойчивым словосочетаниям терминологического характера. Об этих единицах в пункте «Фразеология» раздела «Как пользоваться словарем» говорится: «Кроме фразеологических оборотов в собственном смысле в Словаре даются также ... устойчивые словосочетания, представляющие собой широкоупотребительные составные названия и термины (*железная дорога, габаритные ворота, магнитное поле* и т. п.)». К примерам таких «устойчивых словосочетаний, представляющих собой широкоупотребительные составные термины» и имеющих свои собственные толкования, видимо, следует отнести *восходящая интонация, служебные слова, твердые согласные звуки, словопроизводный словарь, свистящие согласные; внешний угол, косой треугольник, прямая линия, прямой угол; бесполое размножение, вегетативная нервная система, соединительная ткань* и т.п. Наличие в словаре толкований этих словосочетаний подтверждается материалом; так, в словарных статьях слов *служебный, внешний* и *бесполой* находим соответственно:

Служебные слова (лингв.). Слова (союзы, предлоги, частицы), служащие для выражения отношений между знаменательными категориями слов в речи.

Внешний угол (мат.). Угол треугольника (многоугольника), об-

разованный одной из сторон и продолжением соседней стороны.

Бесполое размножение (биол.) Размножение без оплодотворения.

В-пятых, пометы того же типа используются при характеристике отдельных вариантов заголовочных слов. Пометы этого типа используются редко, при этом соответствующая характеристика относится именно к данному (фонемному, морфологическому, грамматическому и т.п. варианту слова) и не распространяется на другие его варианты (в частности, на тот, который представлен заголовочным словом), например:

Смола... *мн.* (*спец.*, для обозначения различных сортов и видов) *смолы...*

Наконец, в-шестых, в очень редких случаях соответствующие пометы могут относиться даже не к словам, а к продуктивным морфемам, являющимся частями сложных слов, как например:

Пъезо... *Спец.* Первая составная часть сложных слов: 1) обозначающая: основанный на давлении, например: *пъезометр*, *пъезомагнетизм*, *пъезоэлектричество...*

Таким образом, в МАСе особыми, «специальными» пометами, указывающими на ограничение в использовании соответствующих языковых единиц характеризуются а) слова в целом, во всем объеме своей семантики; б) их отдельные значения; в) в соответствии с лексикографической традицией, оттенки этих значений; г) устойчивые словосочетания терминологического характера, содержащие заголовочное слово или его словоформы; д) отдельные (фонемные, акцентные, грамматические и т.п.) варианты слова либо, наконец, е) продуктивные части сложных слов.

Л. Л. Шестакова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

Яков Грот как редактор собрания сочинений Державина и составитель словаря языка поэта

Среди многочисленных работ академика Я. Грота особое место занимает, по словам С. Венгерова, «монументальное издание» сочинений Державина. Подготовка собрания сочинений поэта продолжалась более 20 лет: в 1859 г. Академия наук поручила Гроту заняться этой работой, в том же году появились первые статьи ученого о плане издания, а последний том сочинений вышел в 1883 г. [Гротъ К. 1912].

Содержание томов составили стихотворения Державина, в том числе ранее не публиковавшиеся (т. 1–3), драматические произведения (т. 4), переписка разных лет (т. 5–6), сочинения в прозе (т. 7), обстоятельная биография под названием «Жизнь Державина» (т. 8). Основное собрание из восьми томов было дополнено специальным, девятым, томом, в который вошли многочисленные примечания и приложения, литература о поэте, общий указатель и т. д. Ценность издания, подготовленного Гротом, определялась целым рядом факторов, но прежде всего двумя: полнотой тщательно обработанных материалов и их всесторонней научной обоснованностью. Не случайно уже современники Грота восприняли это издание как образцовое; таковым его считают и специалисты нашего времени.

Для истории отечественной филологии значимо то, что «Сочинения Державина» содержали не только историко-литературный, но и языковедческий компонент — в виде вошедшего в т. 9 раздела «Язык Державина». Раздел включал в себя очерк «Общая и частная замечания», целью которого было показать некоторые особенности языка поэта, и составленный в согласии с очерком «Словарь къ стихотворениямъ Державина». Этот словарь стал первым опытом писательского словаря в русской лексикографии.

Язык Державина Грот рассматривал в широкой перспективе — как определенный момент в развитии русского литературного языка, требующий детального изучения. Разрушитель старой системы стилей и норм, Державин, по мнению ученого, «обращается съ языкомъ самовластно: онъ не боится ошибокъ противъ грамматики и синтаксиса, лишь бы воплотить свою идею въ яркій и рѣзкій образъ <...>. Его языкъ, при видимомъ своемъ своенравіи, есть языкъ выразительный, сильный и пластическій» [Сочинения Державина, 9: 334–335]. К числу конкретных особенностей языка Державина Грот отнес: использование поэтом церковнославянских и простонародных слов в их оригинальном соединении, активное создание новых слов типа «словосоставлений» (*златобисерное небо*), употребление во мн. ч. некоторых названий «умственных предметов» (подите, *счастья*, прочь), «неправильностей» в склонении (*зданіевъ, кикиморовъ*) и др. Приведенными характеристиками, подчеркивал Грот, не исчерпывается все то, что можно сказать о языке и слоге поэта,

но «ихъ достаточно для того, чтобы съ помощію слѣдующаго за симъ словаря облегчить всякому дальнѣйшія наблюденія надъ этой стороною поэзіи Державина» [Там же: 355].

Лексические единицы, выбранные для представления в Словаре, Грот сопроводил стихотворными строками и ссылками на соответствующие произведения, т. е. использовал принцип конкорданса как контекстного словоуказателя. В качестве заголовочной единицы выступала исходная форма слова без ударения, в ряде случаев — отдельная словоформа. Словарь составили более 1700 статей; основной их массив отвечал конкордансному принципу и представлял преимущественно те слова, которые приводились Гротом в очерке о языке Державина или могли быть отнесены к выделенным им разрядам слов. Например:

Ветхострунный. <—> И бардъ мой съ арфой ветхострунной. II, 485, 8.

Класъ. — <...> Вѣнчанна класами, хлѣбъ Волга подавала. *Пот. Пр.* 417, с. 7.

Токмо. — И добродѣтель токмо чтить. *Ум.* 491, 2.

Детальное знакомство со Словарем позволяет увидеть и многочисленные отклонения от общей схемы словарной статьи — как в сторону ее сужения, так и в сторону расширения. В одних случаях это можно объяснить непоследовательностью автора, отходом от принятых им самим правил построения Словаря. Например, Грот, решивший «приписывать» к каждому слову «тѣ стихи или части стиховъ, которые могутъ дать понятіе объ [его] употребленіи поэтомъ» [Там же: 336], некоторые слова оставил без подобных примеров или сопроводил их минимальными контекстами; см. статьи к словам *безпрестъчно*, *пождать* и др.

В других случаях в этом просматривается определенная мотивация. Обратившись к составлению словаря Державина как части сочинений поэта «съ объяснительными примѣчаніями», Грот счел необходимым давать в отдельных статьях важную для читателя информацию о словах — их значениях, происхождении: *онагръ* (дикій осель), *каймакъ* (малор. кушанье), ср. *лилейный* (о франц. гербѣ), *тихогромъ* (piano-forte); частеречной или родовой принадлежности: *напастъ* (сущ.), *Ломоносовъ*, а, о (прилаг.), *лазурь* (м. рода); особенностях в постановке ударения: *доброта*, *пунтировать* и т. д. Информативность словарных статей повышали лин-

гвистические и энциклопедические комментарии, которые Грот включал в тексты статей или помещал в сноски; показательны в этом отношении статьи к словам *барашиекъ, льгота, молнія, оный*.

Очевидно, что дифференциальный по основным параметрам Словарь языка Державина давал фрагментарные знания о лексико-грамматической системе писателя, позволял решать ограниченный круг задач. Вместе с тем этот опыт Грота, соединивший интерес ученого к лексикографии и его неизменное внимание к творчеству русских писателей, демонстрировал полезность словарной систематизации материала при анализе языка отдельного автора. Важно отметить и то, что работа ученого над наследием Державина создала, по сути, определенную модель филологического труда, в которой подготовка исчерпывающе полного собрания сочинений писателя включала изучение особенностей его языка и стиля, в том числе лексикографическими методами. Безусловно, трудная в реализации, такая модель сохраняет свою эвристическую ценность и сегодня.

Литература

Гротъ К. Я. Матеріалы для жизнеописанія академика Якова Карловича Грота (1812–1893). СПб., 1912.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. В 9 т. СПб., 1864–1883.

А. Д. Шмелев

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия, Москва)

Орфографические нормы и их кодификация

1. В течение долгого времени среди лингвистов было (а отчасти продолжает быть) распространено мнение, согласно которому кодификация орфографических норм коренным образом отличается от нормализации в других сферах языка. В прочих случаях кодификация языковых норм осуществляется после того, как эти нормы выявляются на основе тех или иных критериев при помощи наблюдения над узусом и/или оценкой языковых явлений образованными носителями языка, тогда как в отношении орфографической кодификации нередко заявлялось, что именно она и устанавливает орфографические нормы, которые предстают как чистая условность; это было непосредственно связано с представлением о письме как внешней «оболочке» языка, не имеющей к нему прямого отношения.

2. Действительно, орфографические нормы в целом в большей степени поддаются внешнему регулированию, нежели прочие языковые нормы (отчасти это связано с тем, что письменная речь вообще легче поддается контролю). Однако есть и другие сферы языковой деятельности, в которых внешнее регулирование оказывает существенное, а иногда решающее влияние на узус — по крайней мере тех носителей языка, которые стремятся ориентироваться на «официальную» норму (названия улиц и населенных пунктов в официальной документации, обращения к вышестоящим чинам и т. п.). С другой стороны, даже в ситуации советского «орфографического режима» практика печати и «грамотного письма» в ряде случаев не соответствовала предписаниям официально утвержденных рекомендаций.

3. Случаи отклонений практики печати и «грамотного письма» от предписаний официально утвержденных рекомендаций можно подразделить на два класса. К первому из них относятся случаи, когда представление кодификаторов об орфографической норме не отличается от представлений большинства грамотных носителей языка, а все дело в небрежной формулировке правила (разнообразные примеры такого рода приведены в статье [Шмелев 2009]). Ко второму относятся случаи, когда кодификаторы стремятся установить орфографическую норму, которая по каким-то соображениям представляется им предпочтительной, но отличается от той, что принята в узусе. В последнем случае нередко бывает, что практика грамотного письма не подчиняется предписаниям кодификаторов.

4. В орфографии, как и в других сферах кодификации языковых норм, неизбежна вариативность. Она часто возникает в областях, не охваченных кодификацией (имена собственные, новые заимствования и т. п.), но не исключена и в точках, которые, казалось бы должны подчиняться правилам (написания *наощупь* и *на ощупь* и т. п.). Чаще всего вариативность затрагивает употребление строчных и прописных букв, а также слитное, раздельное и дефисное написание.

5. В отношении устоявшихся написаний представляется разумным следование принципу, сформулированному Я. К. Гротом: по возможности держаться утвердившегося обычая, отступая от него только тогда, когда общеупотребительные начерта-

ния оказывались положительно неверными или слишком непоследовательными. (Здесь, правда, возникает вопрос, на основании каких критериев мы можем заключить, что общеупотребительное написание является «положительно неверным».) Любое изменение устоявшихся написаний в отсутствие «орфографического режима» неизбежно приведет к возникновению вариативности там, где ее не было. В отношении вариативных написаний важно не принимать поспешных решений и изучать имеющиеся тенденции. В частности, это касается новых заимствований. Поспешное «устранение» вариативности в угоду априорным принципам, на которые ориентируется кодификатор, может привести к тому, что вариативность только возрастет и закрепится.

6. Существенно, что изучение орфографических тенденций не предполагает слепого следования практике письма или печати. Во многих случаях написания, воспринимаемые грамотными носителями языка как неправильные, оказываются весьма частотными (напр., смешение частиц *не* и *ни*). Ориентироваться следует в первую очередь не на узус, а на оценку тех или иных написаний грамотными носителями языка.

Литература

Шмелев А. Д. Орфографические нормы и орфографические правила // Русский язык в школе, 2009, № 9.

Т. Е. Янко

Институт языкознания РАН (Россия, Москва)

Прагматические параметры нормативной номинации¹

Цель сообщения — продемонстрировать зависимость нормативного выбора имени референта от коммуникативных особенностей ситуации общения. Так, на использование имени лица в речевом акте, происходящем в присутствии этого лица, существуют жесткие этикетные ограничения. Объект референции, участвующий в коммуникации, в соответствии с максимами вежливости может быть назван либо своим личным именем (*Вася, Мария Ивановна*), либо титульным словом (*господин, их преосвященство*). Подходят также для этой роли и некоторые термины родства (*дедушка*) и — ограниченно — некоторые слова-обращения (*молодой человек, малыши*). Эти ограничения касаются сообщений, вопросов и императивов, где имя лица, присутствующего

¹ Работа над темой выполнена при поддержке РГНФ (грант 12-04-00258).

при коммуникации, занимает аргументную позицию: **Таксист говорит, что сегодня пробки; *Спроси у таксиста, принимает ли он кредитные карточки.* В предикатной же позиции — при нереферентном употреблении — ограничения снимаются: *Вася рассказывает, что до того, как стать таксистом, он работал врачом.* Таким образом, нормативное общение требует от говорящего знаний о том, какова этическая норма номинации участника или свидетеля общения, оказавшегося предметом речи.

Наибольшее количество ограничений, связанных с номинацией лица, как при заглазном, так и очном употреблении, возникает при совершении речевого акта вокатива. Анализ этих ограничений требует выделения типов прагматических контекстов, в которых функционируют обращения, и семантического анализа лексем, которые могут (или не могут) именовать адресата обращения. Это связано с тем, что речевой акт вокатива не однороден, а запреты, действующие при номинации, не абсолютны. Они определяются прагматически: в одном типе вокатива употребление лексемы может быть запрещено, а в другом — вполне нормативно. Так, обращение говорящего к лечащему врачу со словами *Врач, я буду жить?* неуместно, а обращение к нереферентному врачу в крылатом выражении *Врач, исцелися сам!* — вполне возможно.

Будем называть способ именования референта, не зависящий от условий коммуникации, например, при номинации референта по принадлежности к классу объектов, имеющих общий признак ('быть столом', 'быть таксистом', 'быть французом'), прямым. При обращении прямая номинация слушающего, как правило, блокируется прагматическими соображениями этического (обращаться к незнакомому человеку *Француз!* некрасиво, потому что для апелляции требуется индивидуальное имя, а не отнесение к классу) или практического характера (обращаться к пассажиру трамвая *Пассажир!* бессмысленно, потому что идентифицировать одного пассажира через отнесение его к классу пассажиров в окружении других проезжающих, невозможно).

Номинация через отнесение к классу служит запретительным признаком, который блокирует употребление большей части слов в качестве обращений. Обратимся к «разрешительным» признакам.

Мы исходим из того, что семантические признаки лексики

должны коррелировать с функциями вокатива. К таким функциям, которые реализуются через вокатив, относится идентификация — адресат должен понимать, что речь направлена к нему; характеристика (в объявлениях, обращенных к большому кругу лиц, всегда содержится описание тех, к кому обращено объявление, ср. *Пассажиры транзитных рейсов!*); выражение чувств (*Радость моя!*; *Детка!*); оценка (*Предатель!*; *Благодетель!*), соблюдение вежливости.

Семантический анализ именных групп, призванный объяснить соответствие номинации набору выделенных прагматических функций и их комбинаций, дает следующую классификацию: имена таксономических признаков (*таксист, узбек, астматик*); оценки (*предатель, благодетель*); именованья уникальных ролей, которые люди исполняют в жизненных сценариях (*салка, ведущий, истец*); реляционные слова (*мама, крепстная, земляк*); имена собственные (*Вася*); развернутые дескрипции (*учащиеся старших классов*); слова-обращения, закрепленные в культуре (*господа, товарищ, доктор, дяденька*).

Как выделенные лексические классы реализуют функции обращений? Слова, обозначающие таксономические признаки (*врач, таксист, астматик*), имеют минимальный вокативный потенциал: они не годятся для идентификации, поэтому их нельзя использовать в ситуации зова, и не выражают чувств, следовательно, они не подходят для поддержания уже начатой коммуникации. Кроме того, они могут нарушать максимы вежливости. Слова таксономических классов нормативны только в обращении к обобщенному адресату в воззваниях (*Студент, гордись!*; *Врач, исцелись!*) и при прямой — не опосредованной коммуникативными функциями — номинации в псевдообращениях к лирическому адресату поэтического произведения (*Крепись, геолог!*).

Имена собственные (*Вася*) служат идеальными идентификаторами и используются в любой вокативной функции, кроме обращения к обобщенному адресату в крылатых выражениях и воззваниях (*Иван, спаси!*).

Реляционные имена (*мама*) и имена уникальных ролей (*водитель, истец*) тоже способны к идентификации, поэтому они нормативны при зове.

Оценки хорошо согласуются с функцией поддержания обще-

ния (*Руки вверх, предатель*), а при зове, инициирующем общение, они не используются: слушающий, не ожидающий вступления в контакт, может не догадаться, что именно он оказался предателем или благодетелем, т.е. как идентификаторы оценки неэффективны.

Развернутые дескрипции используются в объявлениях, в сакральных и поэтических обращениях (*Учащиеся старших классов!; Ивы-провидицы мои! Березы-дѣвственницы!...* (Цветаева)).

Слова, закрепившиеся в языке и культуре как устойчивые обращения, специально нацелены на исполнение широкого спектра вокативных функций: *господа!; командир!; пацаны!*

В результате анализа коммуникативных функций обращений и лексических средств, способных реализовать эти функции и их композиции, можно выделить основные принципы вокативной номинации: идентифицирующий принцип (*Вася!, Мама!, Дежурный по смене!*); характеризующий (*Березы-дѣвственницы!* (Цветаева), *Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ...* (Молитва Господня)); идентифицирующе-характеризующий (*Учащиеся старших классов!*); оценочный (*Руки вверх, предатель!*); эмотивный (*Радость моя!*); идентифицирующе-эмотивный (*Мамочка!*); этикетный (*Шеф*); обобщающий (*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*); прямой (*Приходи ко мне, морячка!; Крепись, геолог!*).

Итак, характер иллокутивной силы высказывания и прагматические условия общения могут систематически опосредовать способы номинации референта в высказывании.

Научное издание

Русский язык
в культурно-историческом измерении
Тезисы докладов
III Международной конференции
«Культура русской речи»
(23–25 ноября 2012 года)

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
Российской академии наук
119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Подписано к печати 07.11.2012

Формат 60×90^{1/16}

Гарнитура Times New Roman

© 2011 The Monotype Corporation

Печать цифровая. Печ. л. 15.

Тираж 150 экз.

Отпечатано в Производственно-полиграфическом предприятии
«Типография “Наука”» АкадемИздатЦентра «Наука»
Российской академии наук
121099, г. Москва, Шубинский переулок, д. 6